

Карина Демина

Юся и эльф

Часть 1. Все любят котиков

— Все любят котиков! — заявила Грета с той непоколебимой уверенностью, которая, как правило, знаменовала начало новой авантюры. — Ты только представь...

Я закрыла глаза, вознеся молитвы всем богам сразу, что, правда, никогда не помогало, должно быть, в силу того, что молитвы мои не имели должного материального подкрепления. И ныне небеса остались глухи. Во всяком случае, Грета не замолчала. А чудовищного вида конструкция, прикрытая пледиком — моим, между прочим, пледиком, всего-то месяц, как купленным, — не исчезла.

— ...нам всего-то надо...

Гретин звонкий голосок мешал сосредоточиться... нет, не на конструкции, которая, как я чувствовала, доставит мне немало проблем в ближайшем, а тако же отдаленном будущем.

На пледике.

На моем пушистом пледике из собачьей шерсти... я три месяца копила на него! Три растреклятых месяца откладывала монетку за монеткой, отказывая себе буквально во всем!

И скопила.

А что скопить не удалось, сторговала... и Грета знает, что в тот день я вернулась, осипшая от ругани, но счастливая, как никогда прежде... это же мой подарок!

Себе подарок.

На двадцать пятый день рожденья, который мы, между прочим, праздновали!

— Ты... — я сумела разжать зубы и коснуться драгоценного пледа.

Розового.

В незабудки... теперь, правда, поверх незабудок расплывались жирные пятна.

— Ты его... — я всхлипнула, и Герда замолчала.

Она посмотрела на меня с удивлением. Перевела взгляд на плед... и снова на меня... и на плед...

— П-прости, — сказала она, чистосердечно краснея. — Я... не подумала. Увлелась немного...

Увлелась она постоянно, и как правило, эти увлечения не приносили ничего, помимо проблем. Взять хотя бы того эльфа, чье сердце Грета взялась покорять со свойственным ее натуре пылом. И если бедолага к любовным запискам отнесся еще со снисхождением, сонеты, сочиненные в свою честь стерпел стойчески, равно как и арии в Гретином исполнении... но вот на попытке ее проникнуть в покои возлюбленного, взобравшись по виноградной лозе, сломался.

Лоза не выдержала.

Да и нервы у эльфа сдали... возможно, бедолага осознал, что в любви для Греты нет преград. А мне пришлось нанимать ей адвоката. И штраф платить... впрочем, к штрафам я даже привыкла.

— Юся, это всего-навсего плед, — Грета хлопнула меня по руке. — Успокойся. Скоро мы станем знамениты. Богаты. И ты купишь себе десяток пледов... сотню...

Сотня пледов мне нужна не была. И десяток.

Одного бы хватило.

Уютного. Теплого. Способного избавить меня от осенней хандры, зимней печали, весенней тоски и летней меланхолии, которую Грета относила к издержкам моей профессии.

— Ты только посмотри! — возвестила она и плед сдернула.

Лучше бы она оставила его на месте...

— Что это?

— Клетка.

— Я вижу, что клетка...

Огромная такая клетка, которая заняла половину нашей кухоньки. И главное, прочная. Почему-то данное обстоятельство меня несказанно порадовало.

— И котик, — тише добавила Грета. — Все любят котиков...

Зверь, сидевший в клетке, недобро сверкнул желтым глазом.

Котик?

Если он и был котиком, то давно, на заре своей кошачьей юности, которая, как и человеческая, минула, унеся с собой разбитые иллюзии и пустые надежды. Кот вырос. Заматерел. Обзавелся десятком шрамов, утратил в уличных боях ухо и глаз... в общем, мы с ним сразу друг друга поняли.

— Зачем нам этот котик? — я осторожно обошла клетку.

Зверь, точно знавший, что ничего хорошего от жизни ждать не след, поворачивался, не спуская с меня внимательного взгляда.

— Ты совсем меня не слушала! — Грета хлопнула по столу, и котик издал низкий протяжный звук.

А ведь размеров он немалых... в клетке вон едва-едва помещается. Где сестрица его взяла? А главное, что она собралась с животинкой делать?

Может, эльфу своему в подарок пошлет?

Эльфы любят живое...

Правда, было у меня предчувствие, что так легко я не отделаюсь.

— Смотри, — Грета погрозила котику пальцем, но тот лишь завыл громче. — Все очень просто... помнишь, средство для удаления волос, которое я придумала?

Помню.

Забудешь такое... к сожалению, сестрица моя младшая обладала неумною фантазией, дипломом алхимика — уж не знаю, каким образом ей удалось его получить — страстью к экспериментам и небольшими, но крайне раздражающими ее усиками.

Усики эти Грета полагала единственным препятствием к своему счастью, которое после случая с балконом, осознало масштабы трагедии и вооружилось судебным запретом. И данное обстоятельство ввергло сестрицу в трехдневную печаль...

В печали Грета была страшна.

И без печали не лучше... и если все-таки говорить о ней, о нас с ней, то начать следует с матушки. Она, будучи женщиной суровой, что при ее-то профессии простительно, достигнув того возраста, о котором женщине-то и думать неприлично, все ж решила снискать толику простого женского счастья. И жертвою ее стал некий полугном, не то польстившийся на матушкино состояние, не то и вправду очарованный ее статью. Не знаю. Впрочем, о своем отце, которого матушка поименовала ошибкой молодости, я знаю и того меньше. Да и о Гретином матушка рассказывала с превеликою неохотой.

Оно и ясно.

Грета только-только появилась на свет, когда он, не вынеся тягот семейной жизни, сбежал с молоденькою соседкой, а заодно прихватил и матушкины сбережения.

Матушка поначалу затосковала, но после, рассудив, что, если жизнь семейная не удалась, то стоит вернуться к тому, что удавалось, отправила нас с Гретой к тетке. Сама навещалась изредка, отдавая родительский долг и, что куда актуальней, наше содержание. Тетка не была плохой, скорее уж скарედность являлась неотъемлемою частью ее натуры, которую она при всей своей к нам любви преодолеть не была способна. Как бы там ни было, детство наше, в той или иной степени счастливое, давным-давно минуло, как и юность, и молодые годы, проведенные под сенью университета.

Сия задумка принадлежала всецело матушке, которая вдруг возжелала стать основоположницей династии. И если Грета никогда не проявляла особых талантов, что воспринималось как влияние дурной отцовской крови, то на меня возлагались немалые надежды. К счастью, матушка не дожидая до их крушения. Что тут говорить, некромант — профессия опасная...

В наследство нам досталось известное имя, записная книжка с наставлениями, а также небольшой счет в гномьем банке, где матушка после истории с беглым супругом, хранила сбережения.

Тетушка, благодаря усилиям которой в университет устроили и Грету — от мысли выдать мою сестрицу замуж она отказалась давно — пережила маму на пару месяцев.

В общем, неудачный был год...

Грета полагает, что именно тогда мой характер и претерпел некоторые, весьма пагубные изменения. Возможно, что и так, но, согласитесь, в подобных обстоятельствах оптимизму взяться просто-таки неоткуда! А если добавить, что с учебой у меня не ладилось, да и к выбранной профессии душа не лежала, и экзамены мне поставили не то из жалости, не то из уважения к матушкиной памяти, но... что толку от диплома, если работы нет? Маминых денег хватило на пару лет, но... все когда-нибудь да заканчивается, а деньги так и вовсе имеют обыкновение таять, что снег весной.

А еще и Грета...

Нет, я люблю младшую свою сестру, хотя порой и возникает почти непреодолимое желание ее придушить. Грета... скажем так, в отца она и вправду пошла, что внешностью, что характером и неудержимую склонностью к авантюрам.

Взять хотя бы эльфа...

Нет, эльфа брать не стоит, он в прошлый раз мне обошелся в полсотни золотых, которые я планировала потратить совсем иначе...

Значит, усики.

Как уже упоминала, внешностью Грета пошла не в матушку, которая, конечно, была женщиной корпулентной, форм выдающихся и весьма, как по мне, на любителя, но в отца-полугнома, а еще верней — в его гномью родню. Невысокая, плотно сбитая, она была широкоплечей и какой-то угловатой, будто наспех вытесанною из куска скалы. Впрочем, сей факт Грету никогда особо не смущал, равно как и несколько резковатые черты лица или оттопыренные уши, которые особенно умиляли тетушку... другое дело — усики.

Усики были реденькими и рыжими.

Светлыми.

Почти и незаметными. Но само их наличие лишало Грету душевного равновесия.

— Они все портят, — заявила она мне... я согласилась.

Кажется, тогда была осень.

Или весна.

Главное, что в карманах было пусто, на душе погано... поэтому я готова была согласиться со всем, лишь бы Грета оставила меня в покое и позволила с чистым сердцем предаться страданиям.

— От них надо избавиться.

И я вновь согласилась.

А Грета взялась за щипцы, конечно, из всего обилия инструмента выбрав именно мои, посеребренные, особо острые. Правда, затея выщипать усы закончилась провалом.

Слишком больно.

Сбрить их тоже не получилось, поскольку усы отрасли спустя неделю и еще более густыми... тогда-то Грета и вспомнила, что в списке бесчисленных ее достоинств имеется и диплом алхимика. Нет, мне уже тогда следовало заподозрить неладное. Но у меня, как нарочно, работенка замаячила... вроде и несложная, склады почистить, а денег предлагали прилично. Я Грету с ее экспериментами из виду-то и выпустила.

С работой, конечно, вышло совсем не то и не так, как оно мне представлялось... едва жива осталась, хотя потом и заплатили прилично, еще и с компенсацией, потому как выходило в итоге дело уголовное. Но не о том речь, а о Грете.

Создала она состав, уж не знаю, чего и как намешала — алхимию, как и все вокруг, сестрица моя полагала процессом исключительно творческим, требующим не академических знаний, но исключительно вдохновения. С вдохновением-то у нее никогда проблем не было.

К моему возвращению Гретины усы обрели невероятную густоту и ярко-рыжий колер.

К счастью, экспериментировала сестрица исключительно на себе... и после того случая притихла на целых два месяца. Я уже и понадеялась, что образумится.

Ан нет...

Не образумилась.

Котика вот принесла. В клетке.

Я котику от души сочувствовала...

— Мы намажем им котика! — меж тем возвестила Грета, и котик взвыл еще громче. Понимает, что ли? И если так, то живым он Грете точно не дастся.

— Эльфы тебя засудят, — я попыталась воззвать к Гретиному светлому чувству, поелику иных способов спасти животное от завидной участи быть намазанным той пакостью, которая по сей день достаивалась в ведре, источая немислимые ароматы, не видела.

— А кто им скажет?

Порой моя сестрица была практична.

Жаль, что качество это проявлялось редко и весьма несвоевременно.

Я почувствовала, как голова моя наливется характерною тяжестью, которая любезно предупреждала, что минут этак через десять, а в лучшем случае — через пятнадцать, мне станет глубоко безразлична, что судьба котика, что задумка Греты.

— Послушай, — сестрица вцепилась в меня. — Я все продумала!

...она всегда все продумывала, как тогда, когда решила разводить деликатесных улиток для эльфийского ресторана...

...или торговать париками, для изготовления которых прикупила полсотни конских хвостов... а мне потом пришлось доказывать, что Грета не принимала участия в акте вандализма по отношению к наиболее благороднейшим животным, в число коих вошел и жеребец градоправителя. Хвост Грета в приступе раскаяния порывалась вернуть, обещала приклеить самолично, но от штрафа раскаяние не спасло.

— Нам что нужно?

— Покой.

— Реклама, — возразила Грета, признававшая один вид покоя — посмертный. — И котик будет нашею рекламой! Ты взгляни на него, взгляни хорошенько...

Кот, сообразивши, что именно сейчас мазать его не станут, примолк.

— Он, конечно, слегка истощал...

Слегка?

Да щедро побитая лишаем шкура висела на костях.

— И выглядит непрезентабельно...

Из пустой глазницы сочился гной. Полуразорванное ухо повисло. Но усы топорщились грозно, да и зубы кота были белы и длинны. Пожалуй, слишком длинны, чтобы не задуматься о родословной сего создания. Ох, чувствуется мне, что среди предков его были не только котики.

— Но в этом вся суть! Пойми, легко выиграть выставку с каким-нибудь эльфийским голым или орочьим мйй-куном... — Грета потянулась было погладить котика, но тот предупреждающе зашипел. И сестрица предупреждению вяла.

Все же порой с ней случались приступы благоразумия.

— И совсем другое — с обыкновенным дворовым...

— Какую выставку? — в голове тяжесть сменялась жаром. И значит, вот-вот полыхнет.

— Обыкновенную. Кошачью выставку под патронажем Его Величества... я же тебе вчера говорила...

Неужели?

Может, и так... вчера у меня был внеочередной приступ меланхолии. Вызван он был приглашением на свадьбу к университетской приятельнице, которая, никак желая поиздеваться надо мною, приписала, что счастлива будет меня видеть.

Ага... с учетом того, что замуж она собралась за моего бывшего...

В общем, не до рассказов Гретиных мне было.

Страдала я.

— Погоди, — усилием воли я сдержалась, чтобы не заорать. — Мы будем участвовать в королевской выставке с... этим?

Я ткнула пальцем в кота, который, видать, ошеломленный открывшейся перед ним жизненной перспективой, издал тоненький жалобный звук.

— Да! В том и фокус весь! Нам не обязательно побеждать! Надо лишь прорекламирровать... смотри, ты же не будешь спорить, что состав для роста волос хороший?

— Замечательный, — буркнула я.

Усы у Греты росли две недели кряду. И главное, шелковистые, ровненькие, волосок к волоску...

— Именно! Но на рынок косметики нам соваться нельзя. Я уже думала об этом, — Грета сцепила руки в замок. Она расхаживала по кухоньке и вид имела весьма решительный. Я бы сказала, пугающе решительный. — Эльфы не позволят...

— Как не позволят? — все же близость мигрени, которые начались со мною сразу после вручения диплома — одно время я всерьез подумывала, что декан его напоследок самолично проклял, не простив мне того случая с беглым умертвием — лишала способности думать.

— Обыкновенно! Эльфийские корпорации следят за рынком! И стоит появиться талантливому новичку... — Грета снизила голос до шепота, а еще огляделась.

Я тоже огляделась.

Не то, чтобы опасалась эльфийской слезки, но... на всякий случай.

Никого и ничего.

— Они пойдут на все, чтобы не допустить конкуренции! Или думаешь, этот судебный запрет просто так выписали?

— Конечно, не просто так... у человека нервы сдали.

— Он не человек!

— Тем более.

Эльфа где-то в глубине души было жаль. Но очень в глубине, поскольку пожалеть его от всего сердца мешали потерянные деньги. Денег мне было куда жальче, чем эльфа. Деньги эти, если подумать, были мне куда как родней.

— Я не сразу сообразила, что он работает на них. Но когда поняла, все сразу стало ясно... его подсунули мне, чтобы отвлечь от исследований...

— Грета, — я одернула сестрицу, — нет нужды отвлекать того, кто и сам готов отвлечься...

Сестрица насупилась, но все же долго обижаться она не умела, тем паче, когда вся суть ее требовала беседы.

— В общем, с эльфами нам не конкурировать, — завершила Грета и пальцем ткнула в котика, который благоразумно шарахнулся, небось, спасал второй глаз. — Другое дело, что есть еще один рынок...

— Котиков.

— Животных. Ты не представляешь, какие деньги вертятся на выставках! Да за средство, которое позволит улучшить шерсть, будут платить золотом!

Как ни странно, но в этой ее идее, если отвлечься от эльфийской паранойи, что-то да было. Или та же близость мигрени все же исказила мое видение мира? Правда, остался еще один вопрос.

— Сколько? — шепотом спросила я.

— Чего «сколько»? — Грета тотчас смутилась, почти искренне смутилась, неужто полагала, что я, после проекта с красными жабами, слизь которых предполагалось сдавать в аптеку, и трех месяцев вынужденной перловой диеты и вправду о деньгах позабуду?

— Во сколько этот... котик стал?

— Котик? — Грета подпрыгнула. — Котик... два медяка...

Подозрительно дешево.

Просто так дешево, как оно быть не может.

— И сорок пять золотых за выставку, — быстренько добавила Грета.

— Сколько!?

У меня аж мигрень отступила.

— Сорок пять... ну, это же королевская выставка... там судьи международного класса... и вообще, мы должны были еще паспорт предоставить, а его нет... поэтому пришлось доплатить...

Сорок пять.

Сорок и еще пять. Да за эти деньги... мы бы жили два месяца! Мы и планировали за них жить два месяца, потому как с работой вновь было неясно. Точнее, ясно, что в ближайшем будущем работы мне не видать. А теперь что?

— Ты только не волнуйся! Вот увидишь, у нас с котиком все получится! — Грета подтолкнула меня к двери. — Иди, приляг... ты вон, вся белая стала... мигрень, да? А хочешь, я тебе чаечку сделаю...

— Сорок пять...

— Это всего-навсего деньги! Скоро мы разбогатеем... вот увидишь...

Не увижу.

И вообще вряд ли до того счастливого момента доживу.

Но я позволила себя уложить. И Грета в приступе угрызений совести, не иначе, накрыла меня пледиком. Тем самым розовым, отчетливо пованивающим кошатиной...

— Сорок пять золотых, — прошептала я, прежде чем лавина боли накрыла меня с головой.

Нынешний приступ длился сутки, а такого со мною давненько не случалось. Вообще в годы молодые, как и в юные, я была на диво здоровым ребенком, не подверженным не то, что мигрени, но и обыкновенным простудам. А вот в университете и началось.

В первый раз я слегла аккуратно перед выпускным, и не сказать, чтобы сильно опечалилась. Чего мне там делать? Смотреть, как Глен кружит вокруг моей зачатой приятельницы, а на меня, если и смотрит, то с сочувствием, что поганей всего, искренним.

Как же... я осиротела.

И заодно уж лишилась места при управе, которое полагала своим, но... в общем, завидной невестой я и в лучшие времена не являлась. Как бы там ни было, но приступ головной боли почти спас меня... потому я и не стала обращаться к целителям.

Подумаешь, голова разламывается на части. Авось до конца не разломится.

К сожалению, у головы имелось собственное на сей счет мнение. Разламываться она повадилась с завидною регулярностью, как правило приурочивая разломы к тем или иным значимым событиям моей жизни, будь то встреча с потенциальным клиентом или очередной визит в участок за Гретой...

А теперь вот котик.

Целитель же, к которому я обратилась, лишь руками развел. Мол, внешних причин для болезни нет, а внутренние... на поиск причин внутренних требовалось небольшое состояние, которого у меня не было. Вот и жили мы троим, Грета, я и моя мигрень.

Теперь и котик присоединился.

То, что котик за упомянутые сутки не исчез, я поняла по стойкому запаху мочи, которым пропиталась клетка. И запах этот, мешаясь с ядреным смрадом Гретиного средства, создавал на кухне воистину убойную атмосферу.

— Тебе уже лучше? — сестрицу запах, похоже, нисколько не беспокоил.

Вооружившись ведром и кисточкой, благоразумно привязанной к ручке швабры, она пыталась покрыть котика целительной мазью. Котик же в свою очередь протестовал, как умел, а умел он громко.

С переливами.

Кошачий вой заглушал ласковый Гретин голос.

— Ну же, дорогой, это совсем-совсем не больно...

Котик выгибал спину. Бил лапами по кисточке и швабре, швабра тряслась, смесь разлеталась по всей кухне...

— Котика поддержишь? — Грета ведро отставила. И кисточку убрала.

— Нет.

— Я одна не справлюсь.

Она никогда не справлялась одна...

Котик уставился на меня. Единственный глаз его пылал праведным гневом, а из приоткрытой пасти текла слюна. Я же в свою очередь обратила внимание не столько на слюну, сколько на клыки и когти.

— А... — Грета тоже взглянула на когти и поняла, что котик будет биться до последнего. — А... ты можешь его успокоить?

— Совсем?

— На время. Чтобы я его намазала... и глаз промыть надо... слушай, у тебя ведь по целительству отлично стоит! Подлечи...

Котика мне было искренне жаль. Да и вряд ли мой отказ поспособствовал бы возвращению денег. А с целительством у меня и вправду неплохо получалось. Во всяком случае, знала я одно заклинание, способное погрузить котика в беспробудный сон на сутки этак на трое. Правда, аккурат на кошках его не пробовала, но все когда-то бывает впервые.

К удивлению своему заклинание сработало.

Глаз потух. А котик завалился набок.

— Помой его сначала, — посоветовала я сестрице.

А спустя полчаса обнаружила себя стоящей у корыта. Вот никогда не могла понять, как это у нее получалось?

— На голову лей аккуратно, — Грета была рядом, выполняя самую ответственную часть работы: она держала бессознательному котика голову. — Чтобы в уши не попало... а то ведь с отитом баллы снимут... и вообще, может, ты ухо зашьешь?

Шить там было нечего.

Котика мы мыли долго, да и то я не была уверена, что удалось вымыть всю грязь.

— А теперь клади его на стол! — Грета от нетерпения приплясывала. Что и говорить, эксперименты моя сестрица любила всей душой, мне же оставалось радоваться, что ныне экспериментировать будут не на мне. — Он точно спит?

— Точно.

Пустую глазницу я промыла.

И клещей снимала, хотя и не сомневалась, что обработки Гретиной мазью они точно не выдержат...

— Знаешь, — Грета наносила свое чудо-средство щедрым слоем, — я вот что подумала... давай назовем его Барсиком?

— Зачем?

— Ну... надо же как-то его назвать... а Барсик — это самое что ни на есть кошачье имя... слушай, а морду мазать?

— Не знаю.

Барсик спал.

— Если не мазать, то... как-то не так выйдет, — Грета с сомнением осматривала кошачью морду. И я, подумав, согласилась, что да, выйдет определенно как-то не так... пушистый кот с плешивой мордой.

— Мажь. Только аккуратно.

— И без тебя знаю...

Следующие два дня прошли в благословенной тишине, что не могло не насторожить. Грета самозабвенно улучшала состав зелья, желая не только восстановить бедному Барсику шерсть, но и придать ей необычный окрас. И на сей раз вдохновение накрыло сестрицу с головой.

Я не мешала.

Признаться, я старалась вовсе не показываться на кухне, поскольку вид ее, разгромленный, наполненный разнообразными ароматами, ни один из которых не способствовал аппетиту, ввергал меня в тоску... а еще и деньги закончились.

Они вообще имели обыкновение заканчиваться как-то слишком быстро. И хотя тетушкины уроки прикладной экономии не пропали даром, но даже она, женщина во всех смыслах достойная, не умела обходиться вовсе без денег.

А крупы, той самой, ненавистой перловой, почти не осталось.

И муки. Не говоря уже о яйцах, масле и молоке, которое в скором времени грозило перейти в разряд предметов роскоши. Все шло к тому, что рано или поздно, но мне придется покинуть пока еще уютный — запахи с кухни уже просачивались на второй этаж — домик и заняться поисками работы.

Естественно, мысль об этом не успокаивала.

И когда раздался стук в дверь, я с надеждой подумала, что работа сама меня нашла...

Не работа.

За дверью стоял эльф.

Тот самый.

Как же его... Тинтониэль... Танитониэль... или еще какой-то там «эль»? Не суть важно, главное, что делать этому «элю» в нашем захолустье было совершенно нечего.

— Здравствуйте, — сказал он низким голосом, от которого у меня волосы на затылке зашевелились. Или не от голоса, но от какого-нибудь котикова подарка?

Думать о блохах не стоило, потому что шевеление моментально перешло в зуд.

— И вам доброго дня.

Я сцепила руки в замок, сдерживаясь, чтобы не запустить их в волосы.

Это не блохи.

Не блохи!

Сила воображения... оно у меня живое без меры!

Может статься, что и эльф мне примерещился. Я закрыла глаза и пребольно ущипнула себя за руку, это, по слухам, спасало от галлюцинаций, но увы, не в моем случае.

Эльф не исчез.

И не поблек даже. Он стоял на пороге, окутанный солнечным светом — надо же, лето пришло, а я и не заметила — прекрасный, как эклер, сожженный в полночь... и столь же недоступный, поскольку эклеры давно уже были в списке предметов роскоши.

Эльфа я бы охотно к оному списку присоединила.

Он молчал.

Я тоже.

— Извините, — наконец, заговорил Эль, — за беспокойство, но я являюсь уполномоченным представителем общества защиты животных.

Он замолчал, а я поняла, что котика эльфу показывать нельзя.

Не поймет.

В прошлый раз, когда я все же вынуждена была заглянуть на кухню — меланхолия меланхолией, а голод голодом — котик лежал на кухонном столе, прикрученный к нему остатками пледа. Голову и тело несчастного покрывал толстый слой мази, которая местами засохла и растрескалась.

Я молчу уже о запахе.

— Поступил сигнал, — меж тем продолжил Эль, глядя на меня со столь искренним сочувствием, что я сразу остро осознала собственную никчемность, — что на территории этого дома проводят запрещенные эксперименты над животным...

Я сглотнула.

Почему-то живо представилось здание городской управы... и очередной штраф, оплатить который нам нечем... а может, если эльфы сочтут котика особо пострадавшим от Гретиной заботы, то и не штраф, а сразу тюрьма.

Каторга.

Жизнь моя никчемная промелькнула перед глазами.

А руки сами попытались захлопнуть дверь.

Но Эль, верно, был готов к подобному развитию событий. Он выставил ногу, и на дверь налег всюю своею немалой эльфийской статью. Надо же... а выглядел таким прилично-хрупким.

— Я обязан войти!

— Вы не можете войти! — я бы отвесила эльфу пинка, но как знать, не воспримет ли он пинок еще одним оскорблением.

Денег на штраф не было.

Ни монетки.

— Вы не понимаете...

— Это вы не понимаете... — мы боролись с дверью, я пыталась толкать ее, эльф — отталкивать... а двери-то исполнился не один десяток лет. Петли, если тетушке верить, еще мой прадед вешал. И стоит ли удивляться, что именно они сдались первыми.

Дверь хрустнула и покосилась.

— И-извините, — сказал эльф, пунцовея левым ухом. Но ручки, паскуда этакая, не выпустил.

— Не извиню, — я сдула темную прядку. Волосы опять растрепались, и теперь я смотрела не то на Тиниэля, не то на Тариэля, не то еще на кого-то сквозь густую челку. — Что вы себе позволяете! Ломитесь в дом к приличным девушкам и...

И мысль, пришедшая в голову, была совершенно безумна.

Но сработать могла.

— Грета! — крикнула я, надеясь, что увлеченная экспериментом сестрица все же услышит. — Сюда иди!

Имя это, похоже, вызывало у эльфа не самые светлые воспоминания. Он вздрогнул. А уж когда появилась Грета...во всей красе, точнее в рабочей хламиде, густо заляпанной новым составом, который помимо тошнотворного запаха и вид имел такой же — бледно зеленый, комковатый.

Честно говоря, он напоминал мне блевотину, но...

Что я в алхимии понимаю?

— В-вы? — слегка заикаясь, произнес эльф. И в ручку вцепился, но уже, кажется, с единственным желанием — дверь закрыть.

— Я, — Грета зарозовелась и, шмыгнув носом, спросила: — А вы ко мне?

— Н-нет! У вас... у вас права нет ко мне приближаться! — он пятился, выставив перед собой дверь, будто бы она могла защитить его от сестрицы. Правда, та ныне была на диво смирна.

Смирена, я бы сказала.

И это опять же мне категорически не понравилось.

— Она к вам не приближается, — я ручку выпустила, отдав поруганную дверь в полное владение Эля. Ему всяко нужней, я-то к сестрице привыкла. На всякий случай отодвинула ее за спину. — Это вы к ней приблизились! И тем самым нарушили постановление суда!

Я наступала.

Эльф пятился, двери, однако, из рук не выпуская.

— Я ничего не нарушал!

— Нарушили, — в дверь я ткнула пальцем, так сказать, от избытка чувств, главным из которых был страх. Все-таки, невзирая на весь мой фатализм, кой сестрица полагала пагубным, в тюрьму и уж тем более на каторгу мне не хотелось. — Вы, зная о том, что постановление существует, явились к нам в дом!

— Я не знал!

Ему я охотно верила.

Если бы Эль знал, что моя сестрица обретается именно здесь, он не то, что дом, он бы весь Пекарский переулок, который местные удачно именовали закоулком, стороной бы обходил. Но отпустить его просто так я не имела права.

Других ведь приведет.

— И теперь что? Вы снова подадите на нее в суд?

— Н-нет!

Верю.

И даже несколько стыжусь неподобающего своего поведения, за которое тетушка, будь она жива, всенепременно отвесила бы мне затрещину.

— Я... я просто хотел...

Дверь немного опустилась. Должно быть, держать ее эльфу было тяжеловато, все ж таки каменный дуб... а что, у прадеда моего были твердые представления о том, что есть безопасный дом.

Если бы не петли...

Как бы там ни было, поверх двери на меня взирали зеленые эльфийские очи, в которых мне привиделась зеленая же эльфийская тоска.

— Я п-прошу п-прощения, — Эль, уверившись, что моя сестрица держит себя в руках, и трепетному эльфийскому телу его не грозит поругание, успокоился.

Оно и верно, не во дворе же им страстью пылать.

Тут клумбы с розами. А розы, пусть и хороши цветами, но несколько неудобны, тем паче наши, после смерти тетушки одичавшие. Шипы у них — с мой мизинец, а вот цветами балуют редко.

Ну да не о розах речь.

Эльф дверь аккуратно на землю положил. И волосы пригладил.

Волосы у него были хороши и без бальзама... или с ним? Я вдруг вспомнила Гретины истории про эльфийские корпорации и косметику. Эльфу же мое внимание пришлось не по нраву.

Снова волосы пригладил.

И за уши себя потрогал.

Отряхнулся...

— Что-то не так? — спросил наиполюбезнейшим тоном.

— Нет, что вы, — еще более любезно ответила я. — Все замечательно... вы заявили к нам в дом с нелепой претензией...

Грета нахмурилась и за рукав меня дернула.

— Он утверждает, что мы ставим незаконные эксперименты.

Эльф кивнул и счел нужным уточнить:

— Над животными.

— Над животными! — возвестила я громко, чтобы соседи услышали. Я не сомневалась, что они и без того слышали все распрекрасно, но если вдруг до суда дело дойдет, мне не помешают свидетели. — Представляешь, в чем нас обвинили?

Грета не представляла, но к счастью, уточнять, является ли обмазывание Барсика непроверенным составом тем самым незаконным экспериментом, не стала. Рот открыла.

Охнула.

— А на самом деле... вы нарушили судебный запрет! И не только! Вы знаете, как моя сестра относится к вам! Вы разбили ей сердце! Надругались над светлыми девичьими чувствами...

Грета на всякий случай всхлипнула.

Всхлипывать она умела громко и жалостливо. Не знаю, всхлип ли произвел такое впечатление, или же моя речь, но уши эльфа покраснели.

— Вы причинили ей ужасные моральные страдания... и душевную травму!

— И-извините, — эльф сделал шаг по направлению к калитке.

— Но этого вам показалось мало! Вы силой ворвались... — я покосилась на дом и поправилась: — Вы силой почти ворвались в наш дом... нанесли урон имуществу!

— Я заплачу!

А вот это уже совсем другой разговор.

— Между прочим, — тон я сбавила, потому как разговор о деньгах чужих ушей не терпел. — Эту дверь еще мой прадед повесил.

Эльф вздохнул.

— Она, можно сказать, являлась семейной реликвией...

Он вздохнул снова, еще печальней, и покраснели не только уши. К семейным реликвиям эльфы относились весьма трепетно. К счастью, это нашло свое отражение в размере компенсации.

Что ж... еще несколько месяцев я могу не думать о работе.

— Видишь, как хорошо все получилось, — Грета шмыгнула носом и, забывшись, поскребла его лопаточкой, которой размешивала зелье.

А я промолчала.

В конце концов, я ведь ничего в алхимии не понимаю... и не стоило ей брать мою любимую лопаточку, чем мне теперь олады переворачивать?

Дверь я поставила сама, заодно и петли заменила. Как-то вот терзали меня смутные подозрения,

что наша с эльфом встреча была не последней.

А следовательно, котика надо было приводить в порядок.

Дурное предчувствие меня не обмануло.

С дурными предчувствиями только так и бывает, особенно, если касались они моего бытия, скрасить которое не был способен и эклер... нет, отчасти был способен и скрашивал.

Я держала его двумя пальчиками.

Осторожно, чтобы не треснула ненароком тончайшая оболочка из заварного теста. Я любовалась формой его, которая казалась мне совершеннейшей... и сам он, целиком, от темной глазури поверху до начинки из взбитых сливок с толикой голубики, был идеален.

В конце концов, за полдюжины эклеров я отдала золотой.

И сейчас нисколько о том не жалела... завтра успеется, когда воспоминания об этом кулинарном чуде — вот не верю я, что подобного можно достичь без магии! — поблекнут. Ныне же был один из тех вечеров, когда я чувствовала себя почти нормальным человеком.

Дневная жара спала.

Звенели цикады. Пахло апельсиновым цветом и немного мазью, которую Грета наотрез отказалась смывать, поелику время еще не пришло. Мне осталось подчиниться и, в очередной раз промыв Барсиковы раны, которые медленно, но затягивались, оставить их наедине, что я и сделала с превеликою охотой.

Чудесным образом обретенные деньги требовали быть потраченными, если не сразу и все, то хотя бы частично, что и привело меня к кондитерской. Поначалу я намеревалась даже — о, благословенные времена студенческих кутежей! — заглянуть в трактир, или посидеть в кафе, как то делают благородные дамы, но в последний момент передумала. На благородную даму я и в лучшие свои времена не очень тянула.

Впрочем, с данным фактом я уже пару лет, как смирилось... пожалуй, с того вечера, когда мой дорогой и единственный, с которым я всерьез вознамеревалась прожить жизнь в любви и согласии, подробно объяснил, почему мечты мои так мечтами и останутся.

Сволочью он был.

Но сердцу не прикажешь. Сердце потом еще долго и муторно ныло, стоило увидеть его... да что там, увидеть, вспомнить... и сейчас вот не к месту.

Женится?

Пускай себе... а мне и тут неплохо.

Сижу вот на лавочке, в тени разросшегося розового куста. Цикад слушаю. И собираюсь вкушать эклер... и вообще, вдруг да случится чудо, и сестрица моя реализует безумный свой план... мы разбогатеем...

Я зажмурилась, представляя гору денег... нет, то есть сначала горку, такую, невысокую. По колено примерно. Гретино колено. Потом вдруг стало смешно, если уж представлять, то от души... пусть гора будет с сестрицу ростом... а лучше с меня...

Воображаемая куча росла.

Цикады стрекотали. Душно, богато пахли розы. В руках у меня был эклер.

В кармане деньги.

Что еще для счастья нужно?

И решившись, я открыла рот, когда...

...протяжно и зловеще заскрипела калитка. Не та, которая выходила на улицу, ее, воображаемых клиентов ради, приходилось содержать в порядке. Но вот была еще задняя, махонькая, по семейному преданию, созданная исключительно для того, чтобы тайно сбежать из дому.

На свидания.

Я торопливо сунула эклер в рот и проглотила, почти не жуя.

Свидания нам не грозили. А вот ворья в округе хватало. Прежде-то они, меня опасаясь, дом стороной обходили, но все хорошее когда-нибудь да заканчивается. Коробку с оставшимися эклерами я спрятала под лавочку.

Вернусь и доем.

Сняла ботинки.

Носки мигом промокли. Надо же, и роса выпасть успела, пока я тут... мечтаниям предаюсь. Ничего, вот пугну вора, вернусь и продолжим...

Я ступала бесшумно, как матушка учила, пусть и подбиралась не к умертвию или, упасите боги, личу, но к наглецу, решившему, что, если у некроманта с личной жизнью не ладится, то его и грабить можно. Мысль эта наполняла душу мою праведным гневом. А пальцы сами выплетали полузабытую, как мне казалось, вязь проклятия.

Ничего серьезного... я закон нарушать не собираюсь.

Меж тем луна закатилась за тучи, надо полагать, для пущей зловещести антуражу... окна дома светились... как-то неровно светились, таким зыбким болотным светом, в котором доминировал характерный зеленый спектр.

Я аж сама замерла от удивления.

Потом правда вспомнила, что на задний двор выходят как раз кухонные окна, а на кухне Грета экспериментирует... и судя по цвету пламени, вспомнила она про анатор и прочие, полагающиеся нормальному алхимику, атрибуты.

Небось, и травы свои жечь станет.

Или еще какую пакость... в общем, на месте вора я крепко призадумалась бы, стоит ли лезть в дом. Но похоже, благоразумие ему свойственно не было.

К темноте я привыкла быстро, да и заклинаньице одно вспомнилось, домашнее, от маменьки доставшееся с проклятьицем на пару. В общем, видела я и заросли малинника, и крапиву, что нынешним годом уродила особо буйною, и тощий зад вора, в оные заросли — вот бедалага — с головою нырнувшего.

— И чего тебе, недобрый человек, надобно? — ласково осведомилась я, а чтобы вопрос мой ответом уважили, огненный шарик на ладони подбросила.

К огненным шарам люди, как успела заметить, с большим пиететом относятся.

Вор, однако, ответом меня не удостоил, пискнул и попытался в заросли с головою нырнуть... это он зря. Я нашу малину знаю, в нее Грета свои зелья выливает, те, которые не удались. А что, удобно, окошко открыл и плескай себе...

Малине это только по вкусу.

Стебли выросли в мое запястье толщиной, листья жесткие с краями острыми, что бритва... а цветет синеньким... и ягоды синими выходят, правда, несъедобными. Ну, во всяком случае, человека, который бы их попробовать решился, мы не нашли. А самим как-то боязно, что ли.

— Куда, — я шарик убрала, и вора схватила за ногу. — Застрянешь, дурашка...

Нога дернулась, избавляясь от сапога. И вор вьюном юркнул в заросли, к вящей малины радости. Стебли зашевелились, мне даже послышалось, что сыто заурчали... надо будет сказать Грете, чтобы прекращала свои эксперименты, а то этак малина и нас сожрет...

Закачались глянцевые листья, пытаюсь обнять жертву...

— П-помогите! — вор взвизгнул и подался назад. И верно, вот только от нашей малины так просто не уйти... я проклятье развеяла, похоже, оно лишним будет, и, стянув второй сапог — не специально, я ж не виновата, что у него сапоги так легко стягиваются — вцепилась в тощие щиколотки. — П-помогите...

— Помогаю, — пропыхтела я. — Не дергайся.

Он задергался еще сильнее, и малина издала протяжный утробный звук...

— Цыц, — я погрозила ей пальцем, но эта поганка лишь поплотней попыталась стебли сомкнуть, явно не желая жертву отпускать. Та слабо подергивалась, но была жива.

А то мне в хозяйстве трупов не хватало.

— Спалю, — я продемонстрировала огненный шарик, и малина с разочарованным шелестом разомкнула плети, мне показалось, что она даже выплюнула несчастного вора, во всяком случае, вывалился он к самым моим ногам.

И вот тут-то облако с луны сползло, а я пожалела, что вообще вмешивалась... ну дожевала бы малина эльфа, так они все стремят с природой единяться, вот бы и съединился, а я потом честно сказала бы, что понятия не имею, где он.

Малина, точно догадываясь об этих моих мыслях, потянулась к бледным эльфийским рукам... и ногу обвила, ласково так, примеряясь.

Он вяло дернулся и сделал попытку отползти...

— Уберите ее! — не то приказал, не то попросил он, но для приказа наглости в тоне не хватало. И вообще голос его дрожал, выдавая, надо полагать, душевное волнение.

А что, эльфы — существа тонкой натуры.

Их беречь надобно.

Да и... пусть я некромант, но не убийца же.

— Оставь его, — попросила я. — Он невкусный.

И лист ближайший погладила... малина тотчас протянула еще десяток, а заодно уж и ветку крупных бирюзовых ягод.

— Спасибо.

Ягоду я сорвала.

И любезно протянула эльфу, так сказать, в знак добрых моих намерений. Он же, натянув сапоги, поднялся. А все-таки... как его зовут?

Туриэль?

Тирииниэль... вот помню, что на «т» и «эль» в конце, а между ними еще какие-то буквы. От ягоды он отказался.

— Вы... — он вытащил из растрепанных волос веточку. — Вы...

— Я, — почти миролюбиво согласилась я, потому как отрицать очевидное привычки не имела. — А вы тут кого-то другого увидеть ожидали?

Малина одуряюще пахла ванильным мороженым... нет, это ж как надо было над растением извратиться? А я тоже хороша, не обращала внимания. Ничего, вот вернусь, сразу и поговорим о правилах безопасной алхимической работы. Безопасной — в смысле для окружающих.

— Я премного признателен вам, — он отвесил изящный поклон.

— Не за что.

При лунном свете он был еще более хорош, чем при дневном. И листья в волосах красоты не убавляли, а разодранная в клочья рубашка и вовсе гляделась... в общем, приличным девушкам, ни разу замуж не сходящим, не пристало разглядывать эльфов в такой от рубашке.

Тем более что эльфы оные испортили вечер.

И со вздохом — вот хорош он, хорош... томный, бледный... ресницы трепещут, взгляд умоляющий... а я тут перед ним босая и с малиной в руках.

В доме громыхнуло, и из приоткрытого окошка потянуло серой... она там что, демонов вызывает? С Греты станется. Она для своего котика и демона на ингредиенты изведет.

В общем, от дома мы с эльфом шарахнулись одновременно.

Столкнулись.

И поспешно отступили друг от друга, потому как еще решит, что и я его белого тела домогаюсь... эта мысль и вернула меня в сознание.

Эльф.

Ночью.

Прокрался. И почти проник в дом...

— Что вы здесь забыли? — прошипела я, раздумывая, стоит ли звать стражу или все-таки лучше не впутывать власти в наши проблемы. Небось, эльф-то хорошего рода, состоятельный... и в управе у него свои люди имеются.

Нет, управы нам не надо.

Сама разберусь.

— П-позвольте м-мне об-б-бьяснить, — он, кажется, вновь покраснел, — н-но если м-можно... н-не...

И указал на малину, которая к беседе прислушивалась с несвойственным растению интересом.

— Отдыхай, дорогая, — сказала я. И повернувшись уже к эльфу, велела: — Идем.

Ослушаться он не посмел.

В дом я его, естественно, не потянула. А вот на лавочку присесть позволила, бедолагу ноги с трудом держали. Правда, на розы он покосился с немалой опаской.

— Они обыкновенные, — успокоила я гостя, правда, не добавила, что сама в том не уверена, но просто очень надеюсь.

— В-ваше растен-ние очень н-необычно, — заикался он весьма очаровательно. — Н-никогда н-не видел н-ничего п-подобного.

— Грета постаралась.

— С-сторожевая... м-малина?

— Она самая.

— П-перспективно... б-благодарю еще раз за п-помощь...

Он встал.

— Стоять. Итак, благородный...

— Тиритриниэль...

Вот оно как... ну да, теперь понятно, почему я имечко не запомнила, такое он и сам, небось, разучивал первые полсотни лет жизни.

— Извольте объяснитесь, — я малину на лавочку положила. — Что вы делали ночью в нашем саду?!

Тири... в общем, на физии Эля появилось выражение величайшей скорби, словно я не вопрос задала, а известила его о том, что визитом своим он нанес репутации моей дорогой сестры непоправимый ущерб, и теперь, дабы обелить имя ее девичье, просто-таки обязан на ней жениться.

Нет, подобная мысль, конечно, была, но... эльфу и так досталось.

— Видите ли, многоуважаемая Юстиана...

...надо же, имя мое запомнил.

А многоуважаемой меня так и вовсе не называли, разве что наш преподаватель изящных манер, которому эти самые манеры крепко мешали выразить свое ко мне отношение в более доступной для восприятия форме.

— ...дело в том, что моя м-матушка... п-пожелала, чтобы я п-принял участие, — он заикался и краснел. Мило так... очаровательно просто. — В делах семейных... и п-причинил д-добро.

— Кому?

— Людям п-причинять д-добро мне еще рано... мама п-полагает, будто я не достаточно крепок... п-

психически.

Это верно, чтобы причинять добро людям, нужно иметь не только крепкие нервы, но и крепкие кулаки. А эльф при всей его вековой мудрости... хотя, что-то меня и насчет мудрости сомнения брали, в общем, он и вправду не выглядел готовым ко столь серьезной миссии.

— Она сказала, что надо начать с малого. С животных, — с облегчением выдохнул он. — Извините, я когда-нибудь, начинаю з-заикаться...

— Не надо нервничать, — я ободряюще хлопала эльфа по руке. — Значит, с животных?

Он кивнул.

— Это мое первое задание. И я не могу провалить его.

Что ж, где-то в глубине души — очень в глубине, как утверждала сестрица, моя душа воистину была бездонна — я ему сочувствовала. Помню свое первое задание, и старое сельское кладбище, и упыря вертлявого, за которым до рассвета гонялась, и то лишь чудом упокоила... а мне потом претензии выдвинули, что могилы потоптала, памятники порушила...

— Скажите, что сигнал был ложным.

— Соврать?! — в зеленых очах эльфа плескался ужас.

Ну да... врать эльфам не с руки... хотя... помнится, продали мне как-то, в лучшие еще времена, когда имела я возможность по эльфийским лавкам прогуливаться, мыло ручной работы, обещая, что волшебный аромат его будет держаться.

Держался.

Не соврали. Правда, забыли упомянуть, что при контакте с кожей аромат меняется, а перемены индивидуальны... и не виноваты они, что в результате я источала ароматы вяленой воблы.

Вот соседу нашему понравилось даже.

Он моими волосами пивко занюхнул.

— Я должен убедиться, что вы не мучаете животных! — воскликнул Эль, чье имя вновь самым благополучным образом стерлось из памяти. — И если надо, я добьюсь судебного разрешения...

— Не надо! — поспешила заверить его я. — Зачем нам судебные разрешения? Мы сами разберемся... приходите завтра.

— Завтра? А почему...

— Потому. Сами посудите. Моей сестре никак нельзя с вами встречаться! Вдруг она решит, что вы ее преследуете?

— Я?!

— Вы. Днем заходили? — я загнула палец. — И ночью пробрались... в окошко подглядывали. А еще приличным человеком казались... то есть, не человеком...

Он поежился.

— А если еще в дом зайдете...

Похоже, теперь эта мысль больше не казалась эльфу удачной.

— И если вас волнует, что мы что-то сокроем...

...именно это, собственно говоря, я и собиралась сделать...

— ...то ничто не мешает вам продолжить наблюдение за домом. С дозволенного судом расстояния, — уточнила я.

Эль призадумался.

Наблюдать за домом ему определенно не хотелось, но и другого варианта он не видел. Во всяком случае, такого, который устроил бы обе стороны.

— Я отправлю Грету... скажем, на рынок... а вы быстренько все осмотрите...

— Вы очень б-благородны...

Ну да, конечно...

— П-поверьте, я н-не заб-буду вашей г-готовности к сотрудничеству, — Эль встал и протянул мне руку. Следовало заметить, что вид у нашего эльфа при том был до отвращения серьезный. — И всенепрременно упомяну об этом в отчете.

В протянутую руку я вложила синюю ягоду малины.

А что, мне не жалко...

— Б-благодарю, — от подарка Эль отказываться не стал.

— И что будем делать? — на Грету мой рассказ впечатлил, особенно та часть его, которая касалась ссылки и каторги, верно, здесь я была особенно убедительна.

— Будем... будем возвращать Барсика к жизни...

— Но он еще...

Грета указала пальцем в мумию, имевшую лишь отдаленное сходство с котом. Плотнo спеленутый остатками пледа, покрытый бурой, местами закаменевшей мазью, он и вправду выглядел жертвой.

Если эльф увидит котика...

— Знаешь, — Грета сглотнула. — Я думаю, что если для презентации, то нам хватит, да?

— Определенно.

Барсика отмывали в ванной, а потом отмывали ванну от Барсика... и Грета добрым словом поминала, что всех эльфов, что конкретно этого, в которого ее угораздило влюбиться.

— А может, — она поднялась с колен, — ты его соблазнишь?

— Зачем?

— Чтобы он потерял голову от страсти и забыл... — она обвела рукой ванную комнату. Мазь ее, которая при контакте с водой пенилась, шипела и плевалась, вновь сменила цвет. И теперь на бледно желтых стенах ванной комнаты расцветали алые пятна весьма и весьма зловещего вида.

Скажем так, на месте добропорядочного человека, ну или эльфа, увидев этакую комнату, я бы заподозрила, что хозяева, в частности одна хозяйка, с дипломом некроманта, не чурается брать работу на дом. А это, между прочим, прямое нарушение закона.

— Я не могу его соблазнить, — разогнулась я с немалым трудом.

И мысленно прокляла, что эльфа с его стремлением творить добро, что сестрицыны эксперименты. А ведь вечер так хорошо начинался... цикады, эклеры... луна полная...

— Если думаешь, что я ревную, то нет, — Грета поскребла кончик носа. — Я поняла, что он не тот мужчина, с которым я готова провести остаток жизни... а вот ты... взгляни на себя!

Я взглянула.

Отчего б и вправду не взглянуть, когда зеркало имеется, тоже, к слову, заляпанное, и брызгами мелкими, темно-красными. Вот в жизни не скажешь, что мазь это, а не кровь чья-либо.

В зеркале же, верно, глубоко оскорбленным столь непочтительным с ним обращением — то ли дело тетушка с ее манией чистоты и привычкой натирать зеркало и прочие блестящие поверхности ежедневно — отразило хмурую включенную девицу.

— Ты сама на эльфийку похожа...

— Я?

Разве что ростом, который удался в матушку, и худобой, правда, не наследственной, но благоприобретенной. С такой-то жизни и не похудеть...

— Он перед тобой не устоит... — новая безумная мысль завладевала разумом Греты.

— Мы оденем тебя так, что он про Барсика мигом забудет...

...и сестрица к величайшему ужасу моему сдержала слово. А что делать... кровавые следы начинались с кухни, и пусть стол мы прикрыли парадною тетушкиной скатертью, но остатки мази умудрялись просвечиваться и сквозь нее.

Потеки на стенах.

И следы на полу.

Ванна... и сонный кот, который, против всякой логики и Гретиных надежд шерстью не оброс, но лишился ее остатков. Ныне он напоминал освежеванную тушку, причем свежеванную явно наспех. Шкура его окрасилась неравномерно, старые шрамы набрякли и теперь походили на шрамы свежие, недавно полученные и отнюдь не в дворовых схватках. Темные пятна лишая открылись язвами...

В общем, эльфу Барсика показывать было нельзя.

— Он... он на чердаке посидит, — предложила Грета.

Я кивнула.

Мною овладела странное чувство безысходности, потому как я точно знала, что соблазнить эльфа не выйдет... не у меня...

Я вообще соблазнять не умею.

— Ты, главное, помалкивай, — Грета самолично вымыла волосы и уложила их в высокую башню, куда воткнула для красоты пару матерчатых цветков. Помнится, некогда они украшали парадную теткину шляпу... возражать сил не было.

Потому и приняла я, что цветы в прическе, что шелковое платье, купленное Гретой по случаю. Так она сказала, правда, что за случай объяснить не удосужилась, как и факт, отчего платье это было узким и длинным, шитым явно не для Гретиной фигуры.

— И смотри загадочно... мужик на загадку клюет.

Котик, запертый на чердаке, взвыл...

— Может, его опять... ну, того...

Я покачала головой. Заклинание, конечно, хорошее, но знакомый целитель уверял, что отнюдь не безвредное. В ином-то случае не было бы забот: усыпил пациента и лечи себе... ан нет, не больше трех дней кряду, и то...

Может, вообще он от магии этой и пооблез?

— Пожрать ему надо, — выдвинула я предложение и Грета скривилась.

Жрал котик... скажем так, орочки волкодавы, небось, столько не жрут, как этот котик... с утра ведро овсянки, с мелкою рыбой мешанной, впер и не мурлыкнул даже, только брюхо тощее раздулось.

— И все-таки...

Вой стал громче.

Заунывней.

— Давай его свяжем и пасть заткнем, — выдвинула я предложение.

— Знаешь... это как-то жестоко, — Грета поплевала в баночку с тушью, которой мы не пользовались давненько, вот и засохла она, — а если зельем?

Вот эта мысль мне понравилась.

— Действуй, — разрешила я, раздумывая, слышали ли Барсика соседи... а эльф, пришел уже? Выглянув в окно, я убедилась, что улица наша была пуста, и значит, есть небольшой шанс, что нам повезет. Впрочем, если верить зеркалу, то шанс был не просто небольшим — мизерным.

Соблазнить эльфа...

Что за бред?

На рынок Грета отправилась ближе к полудню, по этакому поводу и для конспирации обрядившись

в старое теткинo платье с тюльпанами. На голову она напялила соломенную шляпку, которой нехватка цветков лишь на пользу пошла.

Корзинку взяла.

— Я скоро вернусь, дорогая... — сказала она громко, небось, чтоб соседи слышали.

Уж не знаю насчет слышимости, но видеть они умудрялись буквально все, что происходило рядом. И эльфа, который крутился поблизости, не могли не заметить. Он же, при появлении Греты, шархнувшийся было в сторону, проводил сестрицу взглядом и к калитке двинулся.

К задней.

Нет, вот ничему его жизнь не учит!

Один раз вытащила, а он снова... и подхватив юбку — узкая, неудобная — я бросилась спасать растрепятого эльфа. Впрочем, оказалось, что благой мой порыв, как и прочие мои благие порывы в большинстве своем, был неуместен.

Эльф не собирался лезть в малину.

Он ее подкармливал.

Ветчиной.

Доставал из кулечка тонюсенький ломтик, подцеплял его на вилку, двузубую, серебряную, и с поклоном протягивал малине. А та... сторожевое, чтоб его, растение, шелестела листьями, тянулась, обвивала ветчину нитяными побегамии...

Благодать.

— Не мешаю? — поинтересовалась я, и малина стыдливо свернула листья.

По ее мнению, мое присутствие не то, что не требовалось, оно разрушало почти любовную идиллию. Правда, любили все разное — эльф малину, а та ветчину — но это уже детали.

— Извините, — Эль привычно порозовел. — Мне подумалось вчера, что она голодная, должно быть... вот я и решил... не стоило, да?

— Да уж... докармливайте.

Не хватало, чтобы голодная малина затаила на меня обиду.

Эльф, вытряхнув остатки ветчины прямо в куст — малина аж затряслась от удовольствия — повернулся ко мне и замер.

Небось, красотой пораженный.

Неземною.

Я, как и советовала сестрица, молчала... выразительно молчала... в конце концов, чего тут еще скажешь, когда платье само за себя говорит, особенно — вырезом. Грета назвала его несколько смелым, но, если по мне, то был он совершенно безумным. И кружевная накидка, прихваченная мной в вялой надежде, что, если вдруг платье на выпуклостях моих не удержится — были они не столь уж выпуклы — то хоть совсем голой не останусь.

— И-извините... — эльф опустил взгляд и покраснел, на сей раз густенько.

Вот что с нелюдью сила красоты творит.

— Что-то не так? — осведомилась я со всем возможным участием, но он решительно мотнул головой.

— Н-нет.

— Тогда пройдемте?

Вести его в дом не хотелось, но, во-первых, вряд ли он сам отвяжется, во-вторых, не соблазнять же его в кустах малины. Боюсь, она не поймет.

Шел он медленно, нога за ногу и у дверей остановился, вперившись в них взглядом, преисполненным тоски. А что, двери я починила. Петли новые навесила, так что выдержат в случае чего эльфийский напор. Должны, во всяком случае.

— Проходите, — велела я... пожалуй, тон выбран был не совсем верно, и эльф вздрогнул и голову в плечи втянул. На меня покосился и этак, по стеночке, в дом прошмыгнул.

Вот же... можно подумать, я его бить собираюсь.

— Здесь у нас прихожая, — я повернулась к нему спиной, позабыв, что там вырез был еще более смелым, и тоненькие шнурочки, скреплявшие две половины платья, если и могли что скрыть, то исключительно родинку на пояснице.

— А...

— Что? — я повернулась к эльфу.

— Н-ничего... п-прихожая... м-мило. Очень м-мило, — он от меня отодвинулся, насколько это вообще было возможно в тетушкиной прихожей.

Скажу сразу, у него не вышло.

— Там кухня... — я небрежно махнула в сторону кухни. — Смотреть станете? Или сразу в гостиную пройдем?

Взгляд его метался меж двумя дверьми, пытаюсь, верно, угадать, какое из помещений предоставит большую свободу маневра.

— Кухня, правда, невелика... но если вы полагаете, что можно ставить эксперименты там... — я придвинулась, тесня эльфа к гостиной. И для полноты образа соблазнительницы говорила голосом низким, с придыханием.

Надо же... сработало... не так, конечно, как сестрица надеялась, но тоже неплохо.

— Н-на к-кухне? Эк...ксперименты?

Похоже, в ушастой этой голове не укладывалась такая простая мысль, что оборудовать собственную лабораторию не всякому по карману, а кухня от лаборатории мало чем отличается.

Вот и славно.

— В... — он немалым усилием воли отвел взгляд... — в... г-гостиную п-пройдемте...

И не дожидаясь приглашения, в эту самую гостиную ускользнул. В кресло забился. Выставил перед собой любимую тетушкину статуэтку — гнома с секирой. Статуэтка была внушительной, отлитой из бронзы и подаренной старым тетушкиным поклонником.

— Ч-чудесный эк-кземпляр народного т-творчества, — эльф поднял статуэтку, заслоняясь гномом от меня. — Н-никогда н-не видел н-ничего п-подобного...

— Хотите, подарю? — поинтересовалась я в приступе щедрости.

А что? Гном был здоровым и имел отвратительную привычку перемещаться по гостиной, всякий раз оказываясь в новом, неожиданном месте. Да ладно бы просто оказываясь, так я ж о него или спотыкалась, или рукой задевала... в общем, синяков он мне наставил преизрядно. Выкинула бы давно, но Грете он нравился. Говорила, что папеньку напоминает... может, и так, но помнится, что папенька ее не был столь криворож и страшен.

— Спасибо... н-но как я м-могу лишить вас этого... п-предмета искусства? — все же врат эльф был непривычен.

Так мы и молчали... а что тут скажешь? Разве что...

— В общем, наверху еще спальни...

Пальцы, вцепившиеся в гнома, побелели.

— Осматривать будете?

— З-зачем?

— Как зачем? На предмет несчастных животных, над которыми здесь ставили эксперименты... — произнесла я, глядя прямо в зеленые эльфийские очи.

И губы облизала.

А что, помада у сестрицы на редкость поганая. Я вообще косметику не жалу, некроманту она ни к

чему: нечисти все равно, а клиент, ежели перестарается, не поймет. Вот и раздражала эта липкая гадость на губах... впрочем, эльф, похоже, истолковал все по-своему.

— Не надо спальню осматривать... — очень жалобным тоном попросил он.

— Тогда в подвал?!

Эль не покраснел — посерел. И уши его задергались. И гнома несчастного к сердцу прижал... отбиваться, что ли будет?

— Ясно, — я плюхнулась в кресло, при этом платье на шнурочках угрожающе затрещало. — Тогда что вы собираетесь предпринять в нашей ситуации?

Попыталась забросить ногу за ногу, но платье для таких экзерсисов предназначено не было. Ткань натянулась, потянулась, и вырез из очень смелого стал просто-таки неприличным. Я несколько поспешно — роковые соблазнительницы так точно не поступают — расправила шарфик, жалея лишь, что кружево его было недостаточно плотной вязки. И вообще, надо было не кружевной брать, а теткин, шерстяной, в клеточку.

И теплее было бы...

— Я... — Эль поспешно вскочил. — П-пожалуй, п-пойду... я... уверен, что в-вы...

На меня он старательно не смотрел. А гнома держал на вытянутых руках.

— В-вы... н-не м-могли п-причинить вред животному!

— Я вас провожу, — я попыталась выбраться из кресла, что оказалось непростой задачей.

— Н-не стоит. Я... я сам...

Зря я вздохнула с немалым облегчением, подумав, что вот оно, получилось...

Почти получилось.

Он уже стоял в прихожей, когда с чердака донесся заунывный вой... душераздирающий... меня и то пробрало, да так, что из кресла не выбралась — выскочила.

— Что это? — совсем иным тоном поинтересовался эльф.

— Где?

Ну, сестрица... а обещала, что пару часов у нас точно есть... зелье сонное... а я, дура, и поверила. Надо было по старинке действовать: спеленать покрепче и пасть заткнуть.

Так нет... гуманизм треклятый.

— Там, — эльф ткнул пальцем в потолок.

Кот выл.

Душевно. С переливами.

— Н-не знаю, — я испустила томный вздох, но очарование момента было разрушено, и голос долга у эльфа заглушил все прочие голоса.

В том числе и разума.

— Вы мне солгали! — возвестил он. — Вы... вы... п-поступили неп-порядочно! Ведите!

— В спальню?

— Если несчастное животное в спальне...

Договаривал он уже на бегу.

...животное, которое, как по мне, вовсе не было несчастным, выводило рулады, и в тоскливом вое его мне отчетливо слышались мотивы каторжных песен... тех, которые о жалобной доле повествуют. И задрал юбку так, что виден стал кружевной край чулок, — не пригодятся они мне в новой жизни — я ринулась за эльфом.

Нагнала на чердаке.

Дверь его сестрица предусмотрительно заперла на замок, солидный такой, амбарного типа... где только взяла? Или лучше мне не вдаваться в такие вот детали сестриной жизни. Как бы там ни было, замок эльфа остановил.

Ненадолго.

— Откройте немедленно! — потребовал он и дверь пнул.

Вот тебе и воспитанное создание. Между прочим, я себе не позволяю чужие двери пинать.

За дверью стало вдруг подозрительно тихо, впрочем, длилась тишина недолго. Послышался скрежет, затем хруст... такой вот выразительный хруст, эльф и тот вздрогнул.

Но решимости ему было не занимать.

— Открывайте!

— А может, не надо?

Честно говоря, не было у меня ни малейшего желания сталкиваться с котиком нос к носу... хрустела-то наверняка клетка...

— Послушайте, — вздохнула я. — Давайте я вам все объясню, и мы никуда не пойдем.

Вот чувствую я не то, что сердцем, всеми органами буквально, что не пылает Барсик благодарностью ни ко мне, ни к сестрице моей, чтоб ей... гулялось по рынку в удовольствие.

— Нет, — эльфийские брови сошлись над переносицей, и вид у Эля был не то, чтобы совсем уж грозным, скорее впечатляющим.

А все равно хорош... жаль, не про мою душу.

— В-вы м-мне с-солгали!

— Бывает.

Но это еще не повод обвинять меня во всех смертных грехах разом.

— Значит, вы отказываетесь сотрудничать? — холодно осведомился Эль... а я его, неблагодарного, еще из малины вытаскивала.

Он направил раскрытую ладонь на замок и тот, слабо хрустнув, развалился пополам.

Это уже ни в какие рамки не лезет!

— Да что вы себе...

Меня отстранили движением руки. Широким таким движением... и рука оказалась сильною, а по виду и не скажешь. По виду-то он тощенький, хиленький, а на деле, выходит... эх.

— Кис-кис... — произнес эльф ласково... и замер.

А я ведь предупреждала!

Кис-кис был готов ко встрече. Он восседал на остатках клетки, словно на троне, разглядывая эльфа, как мне показалось, с гастрономическим интересом.

— Что эт-то? — Эль попытался отступить, но котик оскалится и издал рокочущий звук, в нем мне послышалось предупреждение.

И эльф благоразумно оному внял.

— Котик, — пискнула я. — Мы его Барсиком назвали...

Котик нагло ухмылялся. А я пыталась понять, как за пару часов появилось... это.

— Б-барсик... — тон эльфа был странным... и всхлипнул он весьма выразительно. Понимаю... я вот тоже... удивлена.

Где наше лысое недоразумение?

И неужели у сестрицы моей хоть что-то да получилось?

Шерсть у Барсика отросла... да что там — отросла, она была густой и длинной, увеличивая немалые объемы котика вдвое. Впрочем, ныне оную зверюгу котиком назвать язык не поворачивался.

Какой-то округлый, с виду мягкий, но мягкость эта отчего-то не вызвала ни малейшего желания котика погладить... масти удивительной, бледно-голубой, да с полосами более темного оттенка, в бирюзу... где-то я такое видела, вот только где...

— В-вы п-понимаете, кто это? — шепотом поинтересовался эльф.

И меня за спину задвинул, осторожненько так... только эта его забота не осталась незамеченной. Барсик испустил низкий рык и поднялся.

А впечатляет...

Когти впились в дерево.

— Когда я скажу, бегите...

— Да что вы...

— Бегите, — Эль буквально отшвырнул меня в сторону. Я попыталась устоять на ногах, но треклятые каблуки... да чтоб я еще раз надела такие туфли... я покатила по узкой лестнице, чувствуя ребрами каждую ступеньку. Благо, было их пять.

А в довершение и затылком об косяк приложилась.

Последняя мысль была отчетливо: не поладят Эль с Барсиком... вот печенкой чую, что не поладят.

В чувство меня привела вода, которая тонкою струйкой лилась на лицо. От воды почему-то пованивало болотом, да и вкус она имела весьма специфический.

Воду я выплюнула.

И глаз приоткрыла. Левый. Мало ли...

— Я знаю, что в-вы п-пришли в-в себя, — с упреком произнесли над головой, отчего у меня сразу очнулась совесть: негоже воспитанной девице с полстакана воды в сознание возвращаться.

Но делать было нечего.

Не разыгрывать же протяженный обморок в надежде, что Эль полезет мне искусственное дыхание делать. С другой стороны...

— Н-не заставляйте м-меня п-прибегать к н-нюхательным солям.

— У нас в доме нет нюхательных солей, — произнесла я, но открыла оба глаза.

Потолок.

Судя по рисунку трещин, нахожусь я в спальне. А судя по связкам бумажных сердечек, спальня Гретина. Была у моей сестрицы дурная привычка бумагу портить: когда-то ей гадалка сказала, что, как только Грета вырежет десять тысяч сердечек из розовой бумаги, то и встретит истинную свою любовь.

Вот она и повадилась резать...

Я со стоном села.

Лицо рукавом отерла, голову потрогала. Целая, вроде бы... на затылке шишка, под волосами прощупывается явно. Сами волосы растрепались, а еще и мокрые, повисли влажными прядками... и цветы еще искусственные с тетушкиной шляпки в них запутались.

Небось, похожу я на свежую утопленницу...

...может, поэтому меня и не удосужились на кровать переложить? Прямо на полу водицей и поливали... никакой в том романтики, одна печальная проза жизни, вроде луж на паркете и пары вялых роз.

Эльфа раздраженного с вазой в руке... точно, ваза Гретина, розы из сада... на той неделе я самоличной их подрезать пыталась.

Вазу Эль вернул на столик и, воздев очи к потолку, поинтересовался:

— Вы п-понимаете, что едва не п-произошла т-трагедия?

Если я была мокрой и ушибленной, то Эль... живописные лохмотья рубашки — надо будет посоветовать ему закупаться оптом, так оно дешевле, а то при нынешней его работе и разориться недолго — прикрывали живописные же царапины.

Затянувшиеся.

Но...

Характерный бурый колер лохмотьев — а помнится, некогда рубашка сияла белизной — однозначно свидетельствовал, что царапины эти кровили и презрительно. Однако эльф был жив, бодр и гневен. А вот котик наш молчал, и это молчание мне совершенно не нравилось.

— М-могли п-пострадать люди!

— Ага, — я встала на карачки, может, поза и не самая изящная, однако наиболее в моем положении устойчивое... что-то захрустело, и платье вдруг начало расплзаться.

Твою ж...

— Это в высшей степени б-безответственно! — он и не подумал помочь даме подняться. То ли не держал меня за даму, в чем я, честно говоря, его понимала, то ли просто был слишком раздражен, чтобы обращать внимание на такие вот мелочи. Я же, сдернув с гретиной постели покрывало — розовое и густо расшитое сердечками — закрутилась в него с головой.

— Что вы сделали с нашим котиком?

— Что? — Эль раскрыл было рот, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, хотя и не понимаю, с чего бы ему злиться, это ведь он к Барсику полез. Ушел бы потихоньку, как и планировалось, и все было бы замечательно.

— С котиком нашим, — сказала я, присаживаясь на кровать. — Что сделали?

Ноги не держали.

То ли из-за треклятых каблуков, то ли от волнения.

— Котика помните? — я попыталась содрать туфлю, но она, еще недавно сама норовившая соскочить с ноги, теперь будто намертво к ней приклеилась. — Там был.

Я пальцем в потолок ткнула.

Терзали меня смутные сомнения, что тишина на чердаке не сама собою воцарилась. Эль кивнул.

— Мы его Барсиком назвали...

— Б-барсиком... — повторил он тихо.

— Вот... так что вы с ним сделали?

— Л-ликвидировал...

— Что?

Нет, говорила мне мама, не связывайся с эльфами! До добра не доведут... или она это про гномов? Или вообще про мужчин? Не важно.

А маму надо было слушать.

— Ликвидировал, — повторил эльф, точно я на глухоту жаловалась.

— Как?

— Об-быкновенно...

Вот значит... обыкновенно... защитник животных, чтоб его... я все-таки содрала треклятые туфли, жалея, что не могу поступить подобным образом и с платьем. Оно, съехав с груди, на бедрах держалось крепко, и промокший подол самым отвратительным образом лип к ногам.

— В-вы к-куда?

— Я туда, — я мрачно указала на лестницу, хотя пассаж о ликвидации не оставлял сомнений, что Барсика больше нет. И значит, пропали наши сорок пять золотых, уплаченные за участие в выставке... и вообще сам план, который в кои-то веки имел все шансы на успех. Мазь, в отличие от прочих Гретиных изобретений, работала! А теперь вот...

Я рванула подол вверх, походя отметив, что шелковые чулки тоже не пережили падения с лестницы. Тетушка, конечно, предложила бы их заштопать, или на худой конец использовала бы для хранения лука, но меня подобная альтернатива ввергала в глубокую меланхолию.

Эльф оскорбленно сопел сзади.

Интересно, чего он ждал? Благодарности?

— И дверь сломали, — мстительно заметила я, потому как вышеупомянутая дверь висела на одной петле... — И замок...

— Я в-вас спас! — клянусь, мне не надо было оборачиваться, чтобы понять — он покраснел.

— А я вас просила меня спасти?

Я подняла покрывало.

На чердаке царил беспорядок... нет, он там царил всегда, даже в самые благословенные времена тетушкиной власти, ибо и ее сил не хватило, чтобы убираться еще и там. Но беспорядок — это одно, а хаос... сломанный табурет, развалины клетки, обрывки какого-то тряпья, которое прежде мирно покоилось в сундуках... лужи крови... или нет, не крови, а перебродившего варенья, уж не знаю, как оно на чердаке оказалось.

Знакомый гул мух, которые уже почували наживу.

И мертвый Барсик.

Сейчас он, развалившийся на старой столешнице из мореного дуба, выкинуть которую у тетушки рука не поднялась — она вообще была категорическою противницей выбрасывания вещей — казался мне таким... милым.

Беззащитным.

И главное, пушистым.

Я всхлипнула... нет, я не собиралась плакать. Я и когда маму хоронили, не плакала... и потом тоже... и вообще, я плакать не умела, то есть, я думала, что не умела.

— В-вы в-вообще п-представляете, что эт-то т-такое? — эльф вовремя подал голос, потому и потока слез не случилось.

— Барсик это, — я подошла к павшему герою, на морде которого и сейчас было выражение упрямого несогласия с этим жестоким миром.

— Это, п-позвольте заметить, орочий маншул...

— Кто?

Знакомо прозвучало... красиво... я и представила, как на клетке нашего Барсика висит гордая табличка «маншул орочий одноглазый».

— Орочий м-маншул. Его в стойбищах держат. Охотится на мелкую нечисть...

— Вот видите, — я потрогала шерсть. — Какой полезный был зверь.

До чего мягкая... интересно, а если из него шубу сделать? Нет, на шубу точно не хватит... вот если шапку там или воротник... старое теткино пальто перелицевать и воротник. Должно бы неплохо смотреться.

И в голове щелкнуло.

Конечно.

Меховая лавка старого гнома и теща его, свежепохороненная, но не нашедшая в себе сил расстаться с любимым зятем. Явилась, так сказать, проведать... покупательниц пугала... и шубы перебирала, бормотала что-то про недогляд. Нехарактерное, если честно, для нежити поведение, но с другой стороны из гнома и нормального умертвия не получается.

С тещей мы разобрались быстро.

А гном потом еще плакался, что не только быстро, но и грязно. Я своей методой ему товару на сотни золотых попортила... особенно сокрушался по поводу шубы из орочьего маншула. Дескать, очень редкий зверь...

Опасный.

И шубу ту я прекрасно помню. Там мех был куда пожиже, и цвета другого, серого, пыльного будто.

— Одомашненные в с-стойбищах живут, — эльф стоял на пороге, являя собою фигуру прескорбную. — А эт-то д-дикий... д-дикие маншулы считались вымершими...

И значит, треклятая медаль была у нас в кармане.

Несправедливость случившегося, да и вообще собственной жизни, заставила меня склониться над бедным маншулом, который, увы, был безвозвратно мертв.

— То есть, — я не отказала себе пустить в голос яду, — вы, вместо того, чтобы защитить последнего представителя вида, его убили?

— Я?! — похоже, с этой точки зрения эльф проблему не рассматривал.

— Ну не я же! Я, между прочим, просила вас не вмешиваться...

...в голове возникла совершенно бредовая мысль.

— Д-дикие животные опасны! А маншулы... очень оп-пасны! Он меня едва не загрыз!

И это было бы проблемой. Но эльф был жив, а вот маншул — нет.

— Знаете, это все выглядит как саботаж, — я встала — все одно мертвого маншула поцелуем не оживить. — Моя сестра купила это несчастное животное у живодеров! Она желала его спасти! И спасла! Мы несколько дней выхаживали его... а появились вы, проникли в дом обманом...

— Я...

— Сказали, что защищаете животных, — я поправила покрывало, которое норовило сползти, не осознавая, что время для соблазнения прошло. — А сами... сами...

Всхлипнула я совершенно искренне.

— Н-но...

— Ворвались на чердак, где наш маншул восстанавливал душевное спокойствие... столкнули меня... — я пощупала голову. — Между прочим, у меня сотрясение может быть! Не говоря уже о том, что я вообще могла шею сломать...

Эльф краснел.

И бледнел.

Серел.

В какой-то момент мне стало не по себе... вдруг да сердце у него слабое... эльф же! Они вообще чувствительные очень.

— И пользуясь тем, что я пребывала в бессознательном состоянии, убили беззащитное животное...

Насчет беззащитного я, конечно, переборщила, но...

— Я... п-простите...

— Я буду жаловаться, — сказала я, скрестив руки на груди. — В это ваше общество защиты животных... пусть разберутся.

— Н-не надо!

Эль сделал шаг назад.

— Стоять!

Не хватало, чтобы это недоразумение с лестницы сверзлось. С него станется. Эльф от моего окрика

вздрагнул и замер, вжав голову в плечи.

— М-может, м-мы д-договоримся? — предложил он шепотом.

— Как?

— Я... я к-компенсирую ущерб... — Эль потер лоб, украшенный живописною царапиной. Надеюсь, шрамов не останется, иначе ущерб придется компенсировать уже мне. А я эльфийского целителя не потяну, даже если продам теткин дом со всем барахлом в придачу.

Но предложение было весьма заманчивым...

— Что ж, — я вытащила из волос матерчатую розу. — Такие вещи следует обсудить в спокойно обстановке...

...эль покинул наш дом через час.

Уходил он с четким осознанием непреложности того факта, что нести добро людям и вправду занятие не из легких. Надеюсь, что следующую свою попытку облагодетельствовать мир путем активного вмешательства в дела, его напрямую не касающиеся, он предпримет еще не скоро.

С другой стороны, мне было грех жаловаться.

Полторы тысячи золотых — неплохая цена за мертвого котика... тем более, что, если быть честной, мертвым котик мне нравился куда больше, чем живым.

Да и была у меня одна идея...

Безумная, как весь этот треклятый план.

Леди Алауниэль, прозванная также Хрустальной Лилией, что ей весьма льстило, поскольку всецело отражало то стремление к истинной красоте и хрупкости, которое свойственно каждой эльфийке, шествовала по дорожке.

По левую ее руку, отступив ровно на три шага, не средней длины, но коротких, что свидетельствовало о высочайшем доверии, держался секретарь. Полукровка, что несколько печалило леди Алауниэль, поскольку человеческие черты привносили в почти совершенный облик Лагастииэля некоторую раздражающую дисгармонию, которая сегодня как-то особенно была заметна. Вероятнее всего потому, что людей в Королевском саду собралось множество.

Леди Алауниэль людей недолюбливала, пусть и предпочитала об этом помалкивать из соображений исключительного воспитания и политической целесообразности. Но видят Светлые боги, порой терпение ее, немало тренированное воспитанием супруга и сына, подвергалось ужасающим испытаниям.

Как вот сегодня.

Нет, в следующем году мероприятие стоит сделать закрытым.

Для избранных.

— Дорогой, — обратилась леди Алауниэль к сыну, который шел по правую руку, но дистанцию, подобающую его положению, не держал. Он то забывался и отставал на пять шагов, что могло быть истолковано превратно — леди Вилиниэль, встреченная якобы случайно, всенепременно пустит слух о сыновней непокорности или даже, упасите Боги, о ссоре... вечно она все преувеличивает. А порой мальчик подступал слишком уж близко, демонстрируя неприглядную эмоциональность.

И задумчивый какой.

Отрешенный.

Быть может, влюбился? Леди Алауниэль нахмурилась, но вспомнила, где находится.

— Дорогой, — повторила она очень ласково, и Тири вздрогнул. — Ты не приболел?

— Я здоров.

Какая краткость.

Граничащая с грубостью краткость. Неужели забыл о том, что отвечать старшим надлежит почтительно и подробно, но не забывая о границе, которая отделяет вежливость от болтливости.

И все-таки мальчик у нее получился неудачненький.

Не хватало ему ни величественной сдержанности отца, ни изысканной красоты Хрустальной лилии... и умом не отличался, наставники с ним намучились...

— Дорогой, ты ведь помнишь, где мы находимся? — тон леди Алауниэль был мягок.

Обманчиво мягок.

— Да, — сын вновь проявил краткость, граничащую с непочтительностью. — Забудешь тут...

Леди Алауниэль нахмурилась.

Все же не следовало привозить его в город... мальчик слишком юн, подвержен тлетворному влиянию, а какое еще влияние могут оказывать люди, среди которых ему пришлось находиться? И прямо сейчас, и, так сказать, в принципе.

А еще эта нелепая его идея о самостоятельности... леди Алауниэль прекрасно известно, что самостоятельность — не для ее сына. И естественно, она постарается донести эту мысль до Тири... но дома. Выяснить отношения на людях — удел людей.

— Тогда, будь добр, улыбнись. Нет, дорогой, не так... улыбнись непринужденно... помнишь, я тебе говорила потренировать непринужденную улыбку перед зеркалом. Ты тренировал?

Она обращалась к сыну ласково, стараясь, чтобы не прозвучало в тоне ее и намек на недовольство.

— Недостаточно... твоя улыбка выглядит несколько вымученной. И люди могут принять это за оскорбление. Крайне обидчивые существа... ничего, мы вернемся домой и потренируемся вместе.

Леди Алауниэль ободряюще коснулась руки сына.

И тот покраснел.

А левое ухо дернулось... вот снова! Сколько уж она обращалась к целителям, но все без толку! Твердят, будто мальчику ее нужен покой и нервный тик сам пройдет... а один, особо наглый — верно, не обошлось без человеческой крови, и не будь он столь известен, леди Алауниэль не переступила бы порог его дома — смел утверждать, что она задушила мальчика заботой.

Не задушила.

Окружила.

— Все будет хорошо, — леди Алауниэль коснулась щеки, жест почти неприличной близости, но рядом никого из знакомых не было, а секретарь промолчит. — Мама тебя не оставит...

Сын вздохнул.

Она хотела добавить что-то еще... про гномов, кажется, вернее, про целебные их источники... или про ороczy грязи... в общем, важное, когда внимание ее отвлек секретарь. И способом таким, который заставил леди Алауниэль усомниться в разумности своего выбора.

Она ведь изначально сомневалась, стоит ли принимать полукровку на столь ответственную должность... но рекомендации были хороши, а секретарь нужен... и до сего дня служил он безупречно... а тут вдруг взял и рывком сдернул леди Алауниэль с тропы.

И сам вперед шагнул.

Немыслимая наглость!

Она ведь едва не упала! И упала бы, когда б не Тири, успевший подхватить... все же мальчик не до конца потерян. Просто леди Алауниэль следует приложить больше сил к его воспитанию.

— Не бойтесь. Барсик смирный, — раздался низкий голос, который леди Алауниэль сразу не понравился.

Как и его обладательница.

Но леди Алауниэль была слишком хорошо воспитана, чтобы выказать свое недовольство прилюдно.

— Лагаст, — произнесла она тоном столь мягким, что секретарь вздрогнул.

И отступил с дорожки, а пред очами Хрустальной лилии предстала картина удивительнейшая в нелепости своей.

Первой, на кого она обратила внимание, была как раз-то девица. Естественно, человек. На нынешней выставке людей было множество, как среди посетителей, так и среди участников. Наивные, полагали, будто бы их питомцы способны составить конкуренцию воспитанникам благородных эльфийских семей... нет, к кошкам у леди Алауниэль претензий не было.

Кошек она даже любила.

Да и кто их не любит?

Но вот люди... и нынешняя девица являла собой замечательный пример того, до чего нелепым могут быть эти создания. И сколь обошла их милосердная природа...

Девица была высока для человека.

Тоща.

И совершенно дисгармонична. Конечно, отчасти виной тому был нелепый ее наряд, бесформенный какой-то, будто она нарочно пыталась скрыть очертания тела. И цвет выбрала неудачно... темно-лиловый ей не к лицу. Кожа, до отвращения неухоженная, обветренная даже — служанки леди Алауниэль и те не запускают себя до такой степени — обретала некрасивый желтоватый оттенок.

Или это не из-за наряда, а из-за загара?

Помилуйте, кто будет добровольно портить кожу загаром? Волосы пшеничного оттенка, в котором проскальзывала легкая рыжина — вот это сочетание леди Алауниэль пришлось по вкусу — были стянуты на макушке, а из узла торчала потрепанная матерчатая розочка.

В общем, жалкое зрелище.

Леди Алауниэль перевела взгляд с девицы на клетку. Обыкновенную деревянную клетку, которую не удосужились даже пологом прикрыть... какая безответственность! Кот может перегреться!

И поильника не поставили...

Леди Алауниэль нахмурилась. Чего она не терпела, так это жестокости по отношению к животным. В частности, к кошкам. Все же благородные эти создания в ее глазах стояли много выше не только людей, но и гномов, орков и даже некоторых, известных ей, особ эльфийской крови.

А уж когда она пригляделась...

Существо, лежавшее в клетке, было самым великолепным созданием, из когда-либо виденных. А уж на своем веку и должности — Хрустальная лилия была куратором ежегодной королевской выставки кошек — леди Алауниэль перевидала немало кошек.

Но эта...

Она была огромна. Совершенна в каждой мягкой своей линии... и масть... истинный «дымчатый сапфир»... и стать... и глаза... вернее, один.

Левый.

— Что вы...

— Орочий маншул, — сказала девица, которая теперь нравилась леди Алауниэль еще меньше, нежели прежде, потому что невысказанно, чтобы человек обладал таким сокровищем.

Орочий маншул... леди Алауниэль доводилось встречать этих созданий. Орки тоже имели наглость участвовать в выставке, но те маншулы были меньше.

Неказистой.

И живей.

Она моргнула, пытаясь понять, не померещилось ли ей, что...

Не померещилось.

— Он же... — голос леди Алауниэль предательски дрогнул, и она поняла, что вот-вот расплачется.

— Ага, немножечко мертвый...

Девица улыбалась во все зубы.

— Н-но...

Леди Алауниэль вдруг поняла, что совершенно не представляет, как ей быть...

— Это выставка кошек!

— Так ведь не собака же, — резонно возразила девица. — А в ваших правилах не сказано, что кошка должна быть непременно живой...

Хрустальная лилия беспомощно оглянулась на секретаря. Нет, правила она знала... сама писала ведь, но сие было так давно... тот же кивнул, выходит, что права девица.

На следующий год, конечно, в правила внесут изменения, но...

Нет, не в правилах дело, а в том...

Мертвый маншул смотрел на леди Алауниэль единственным глазом, в котором ей виделся упрек...

— Кто... — она вытянула руку, не способная справиться с дрожью. — Кто посмел его... сделать таким...

— Если про то, что поднять, то я, — нагло заявила девица. И пояснить удосужилась. — Некромант я. По диплому если... ну и по жизни вообще...

Некромантов леди Алауниэль не любила столь же сильно, как и людей...

— Вы его убили! — она схватилась за сердце, прикидывая, стоит ли лишиться чувств или все-таки прояснить вопрос окончательно.

— Я?! Нет, — девица замотала головой.

— А... кто?

Сзади тяжело вздохнул Тири.

Бедный мальчик! Какое испытание для слабых его нервов... надо будет завтра всенепременно показать его целителю. А лучше, двум... и покой, всенепременно покой... вместе с бульоном из куриных пупочков. Его леди Алауниэль сварит собственноручно, по рецепту, доставшемуся от прабабки, которой случилось потчетвать этим бульоном Пресветлую Владычицу и...

Нет, с бульоном и Тири все ясно, а вот с котом — нет.

— Нежить, — девица сунула руку меж прутьями и за ухом кота поскребла. Тот замурлыкал да так, что рокот этот перекрыл и шум толпы, и вообще все шумы в округе. — Маншулы... видите ли, на нежить охотятся... очень храбрые животные... и мы вместе встретились с одним... умертвием.

Тири закашлялся.

Надо бы отослать его, ни к чему мальчику подобные рассказы слушать, но не уйдет ведь. Да и опять же, вокруг леди Алауниэль и клетки постепенно собиралась толпа. И значит, уход Тири не останется незамеченным...

— Барсик сражался, лишился глаза... и ухо ему отгрызли в бою...

Ухо и вправду было повреждено.

— Он пал смертью храбрых... — закончила девица и, расчувствовавшись, смахнула слезинку с ресницы. — И я поняла, что не могу его так отпустить... и вот...

— И вот... — эхом повторила леди Алауниэль, осознавая, что не оставит подобное чудо в грубых человеческих руках...

...и пусть маншул не очень живой, но так даже лучше...

...эсклюзивней...

Она закрыла глаза, просчитывая перспективу... а что, выставкой живых кошек никого не удивить, но если несколько расширить рамки... и никто, даже леди Визиниэль со своим питомником, не сможет ничего противопоставить маншулу окраса «дымчатый топаз».

Леди Алауниэль шевельнула мизинцем, и секретарь озвучил самый главный из оставшихся вопросов:

— Сколько?

Маншул заурчал.

А у Тири дернулось и правое ухо...

Я сидела на лавочке и ела малину. А что, оказалась она вовсе не так уж и плоха... сладкая, с отчетливым привкусом липового меда и легкою пряной нотой.

Мята тоже, к слову, чувствовалась.

День клонился к закату. И цикады растрещались, не то о любви, не то о чем другом, куда более простом и понятном... в общем, было почти хорошо. А потому к появлению эльфа я отнеслась спокойно.

Пришел?

И пускай себе... стоит, мнется, тянет шею, и малина листьями шелестит, приветствует, стало быть, старого приятеля.

— Заходите, — я помахала рукой.

А что... благодаря его мамочке черта бедности отодвинулась от нас с Гретой лет этак на пару. И вообще, если разобраться, парень он неплохой.

Застенчивый только.

— С-спасибо, — сказал он. — Д-доброе в-вечера.

— И вам того же... хотите малины?

— А она съедобная?

Вопрос, честно говоря, был актуальным.

— Надеюсь, что да, — честно ответила я и подвинулась. К превеликому моему удивлению, эльф воспользовался этим, бессловесным, приглашением. Присел. Протянул мне бумажный пакет с логотипом известной кондитерской.

— Это вам...

— Спасибо.

— В-вам с-спасибо.

— За что?

Следом в калитку проскользнул маншул. Окинул двор настороженным взглядом, но ничего подозрительного не заметил.

— За т-то, что не в-выдали. М-мама... т-трепетно относится к ж-животным. Она н-не п-поняла бы...

— А...

Что ж, благодарность, оформленную в виде корзиночек с пышной белковой пеной, я приняла.

Маншул, описав круг, улегся у ног эльфа.

— Что-то не так? — я указала на зверя.

— Н-нет... он т-теперь со мной ходит... м-мама решила, что мне н-нужен д-друг, — эльф произнес это печально. Понурился...

— Это, конечно, дело не мое, но... вашу маму не смущает, что он... как бы это выразиться, несколько мертвый?

Честно говоря, мне и вправду стало интересно.

Нет, я знаю, что люди встречаются разные, а среди некромантов вообще велик процент чудаков. Был в Академии профессор, который повсюду таскал с собой скелет вороны... а про второго говорили, что в кабинете он держит заспиртованную голову тещи, с которой беседы ведет. Но

эльфийка давешняя на некроманта походила слабо.

Эльф понурился еще больше.

— Она п-полагает, что живые д-друзья на м-меня д-дурно в-вливают.

— Ясно.

Я протянула ему синюю ягоду, которую он молча сунул в рот. Разжевал. Задумался. И сам потянулся за следующей.

Нет, будем верить, что малина не ядовита.

— Слушай, — я почесала кота за ухом, и тот заурчал.

Как живой получился! Вот не даром я двое суток без сна провела... все вспомнила, чему учили, а чему не успели, сама дошла.

— А как ты его вообще...

— Н-на них м-магия с-слабо д-действует. П-пришлось р-руками шею л-ломать...

Руками? Как-то не выглядел Эль способным на такое зверство.

— И где тебя такому научили?

Ухо нервно дернулось.

— Н-на границе. Я там д-два г-года п-провел...

Побег малины нежно прилег на эльфово колено... и в венчике листьев показалась ягода. Вот подхалим... это я про малину. А еще сторожевая.

— И как оно?

Я про границу всякого слышала. Но сама и из города выезжала нечасто.

— Хорошо... — он прикрыл глаза и добавил. — Очень хорошо... там мамы не было.

Он замолчал. И я ни о чем не спрашивала.

Оно мне надо, влезать в чужие проблемы, когда своих с избытком?

— Я п-посажу н-немного?

— Посиди.

Лавки мне не жалко. Цикад тоже. И малины хватит на двоих... в конце концов, малина на двоих — это еще ничего не значит.

Часть 2. Не все любят свадьбы

Жизнь — тоска.

В посмертии тоже ничего хорошего. Я дернула ногой, и челюсти упыря громко клацнули, ухватив лишь воздух. Он же, кувыркнувшись, неловко приземлился на моховую подушку и заскулил.

Ночь.

Романтика, мать ее... полная луна зависла над кладбищем. И старые памятники гляделись в ней такими уродливыми осколками костей. Упырь завозился и вой его сделался громче, появились в нем жалобные нотки. Он обошел дерево по кругу.

И еще раз.

И увлекшись, быстро потрусил по собственному следу. Да уж... интеллектом упыри не блещут. На мое счастье. Я поерзала, устраиваясь поудобней в развилке. Ночь обещала быть долгой.

...а тоже, поверила, старосте. Мол, закныши завелись, бедокурят. Всего-то и надобно, погонять чутка, чтоб убрались с кладбища. А то могилки копают, цветочки разбрасывают и пугают приличных вдов.

Вздох мой заставил упыря остановиться.

Тощий какой.

Недавно вылутился, стало быть. Вон, и остатки одежды сохранились. Приличным человеком был при жизни. Наверное. Тут уж никак не угадаешь, и вообще, как по мне, прежде чем закапывать покойника, разумно ему голову отрезать. Или, на худой конец, кол осиновый в грудь вогнать.

И чесночку...

С чесночком оно надежней.

Я вытащила из кармана пакет с молотым и, свистнув, опустила руку, помахала, привлекая внимания упыря. Тот подобрался. В мутных глазах его мелькнула искра надежды.

Давай дружок...

Упырь не обманул ожиданий.

Прыжок его, еще не пообвыкшегося с телом, был неуклюж. Но пасть распахнулась, аккуратно для того, чтобы поймать пакетик. Бумажная оболочка лопнула, и упырь завизжал.

Громко так.

Тоненько.

Нет, как его можно было принять за закныша... и вообще...

...ничего, за упыря возьму втрое. Чтоб на будущее знали, как несчастных некроманток, жизнью обиженных, в заблуждение вводить.

Упырь метался, то и дело натываясь на надгробья. Он верещал и подпрыгивал, смешно тряс головой и, кажется, отплевывался. Уйдет же, зараза этакая... лови его потом по окрестностям.

И я сползла с дерева.

— Эй ты... — голос мой прорезал ночную тишь, и ответом ему стал жалобный плач козодоя. Упырь, как ни странно, услышал. Он дернулся всем телом, извернулся и, опустившись на четвереньки, кинулся на меня.

Быстро кинулся.

Вот же...

Зараза...

Брызнули комья земли. И шкура упыря треснула, выпуская острейшие иглы. Я же, нервно сглотнув, сделала единственное, на что была способна: огненный шар.

От страху, не иначе, — гворхов до того я только в университетском музее и видела — шар получился

ярко-белым, стабильным и, главное, полетел именно туда, куда его послали: напрямик в оскаленную пасть. Щелкнули челюсти — нежить, даже высшего порядка, к обучению не способна — и спустя мгновение раздался взрыв.

Глаза я закрыть успела.

Только и успела, что закрыть глаза...

...нет, день определенно не задался.

А ведь так хорошо все начиналось. Сестрица моя, в кои-то веки уняв любовное томление, ушла в работу. И не просто так ушла, а первый серьезный заказ выполняя, как ни странно, но зелье ее и вправду нашло покупателя, пусть речь шла о пробной партии, но близость честного заработка подействовала на сестрицу самым чудесным образом. Главное, что в доме стало тихо, а что пованивало изредка, так это мелочи.

Я устроилась в саду, в зарослях малины, которая постепенно расплзлась, захватывая двор. Особенно ей по нраву пришлась та его часть, которая граничила с соседкиным забором. Полагаю, дело в помоях, которые любезная фра Никорьяк щедро выплескивала на задний двор.

...малина помои ценила.

Цвела.

И радовала крупной полупрозрачной ягодой ярко-синего колера.

У меня были книга, остатки творожного печенья, холодный ягодный морс и твердое намерение провести день в тишине и неге. И не важно, что книга оказалась любовным романом самого ванильного свойства, а печенье уже вызывало некоторые сомнения в своей съедобности, но...

Я его грызла.

Похищала над витиеватыми признаниями влюбленного орка, который пытался добиться внимания бедной, но очень гордой сиротки, и была счастлива настолько, насколько это в принципе возможно.

Принесла ж нелегкая почтальона.

Сперва я даже не поняла, что нужно этому тощему мужчинке с печатью обреченности в глазах. Стоит у ограды, переминается с ноги на ногу, шею вытягивает, силась разглядеть что-то по-за зарослями малины. А та, засранка зеленая, и рада стараться. Листья распушила, колючки расставила, приглашая в теплые объятия...

— А... — голос мужчинки дрогнул. — Здесь живет Юстиана Нихвельсон?

— Здесь, — вынуждена была признаться я.

Если имя мое меня вполне устраивало — бывает и хуже — то фамилия заставляла вспомнить о матушке и ее надеждах, которым не суждено было сбыться.

И мне вручили конверт.

Розовый, мать его конверт, щедро посыпанный золотой пылью.

Приглашение.

На свадьбу.

Они издеваются?

Они определенно издеваются... Глен и моя треклятая бывшая подруга, которую в данный конкретный момент времени я ненавидела куда сильнее неверного бывшего. В конце концов, его жажда устроиться в жизни поудобней была мне вполне понятна, а вот она...

...дорогая Юстиана...

Охренеть, до чего дорогая... и этот почерк узнаю, с завитушками и идеальным наклоном. Не то, что мой. У меня буквы норовят расплзтись, что тараканы на вольном выпасе...

...нас огорчает сложившаяся ситуация, которая порождает слухи самого нелепого толка...

Ага, значит, болтуны подруженьку довели.

В это верю.

Марисса всегда была слишком идеальна для нормального человека, а про идеал люди должны говорить только хорошее и, желательно, с восторженным придыханием.

...и желая доказать их несостоятельность, я приглашаю тебя разделить нашу радость.

Третьей в койке?

Глен не откажется, только, боюсь, Марисса имела в виду не это.

...зная, что в настоящее время ты испытываешь некоторые затруднения финансового плана, я готова взять на себя все материальное обеспечение...

Паразитка.

Знает она...

...и я пойму, если ты сочтешь нужным отказаться.

Отказов Марисса и в прошлой жизни терпеть не могла.

...но смею напомнить, что мой дядя умеет быть благодарным.

Да уж... ее дядя, глава местного отделения гильдии некромантов меня и так недолюбливал по непонятной мне причине, а уж если единственная племянница нажалуется... нет, официально он ничего не сделает, но вот неофициально... испортить жизнь некроманту несложно.

А уж некроманту-неудачнику.

...надеюсь, дорогая, на твое благоразумие...

В общем, именно тогда у меня появилось вполне объяснимое желание кого-нибудь да убить.

...я встала.

Кое-как отерла склизким рукавом лицо. Сплюнула — во рту было горько, и хотелось бы думать, что исключительно нервное, но... останки нежити раскидало по кладбищу. А я запоздало подумала, что доказать присутствие гворха будет затруднительно.

С другой стороны...

Я выдернула из сапога иглу, которая, к счастью, увязла в плотной турьей коже. За нее дадут пяток золотых. Ишь, плотная, тяжелая, наверняка, с ядом... если поискать еще...

...искала я до рассвета. И добычей — полторы дюжины игл, пяток зубов, весьма острых и пусть алхимической ценностью не обладающих, но в сувенирных лавках им будут рады — осталась довольна. Пара шматков кожи, обрывок лапы с уцелевшими когтями...

...остаток ночи ушел на то, чтобы проверить разрытую могилку и поставить печати.

Домой я возвращалась в настроении одновременно мрачном и приподнятом. А потому маншулу почти обрадовалась.

— Привет, — сказала я, почесав тварь за ухом.

Не знаю, моими ли стараниями или мамочка Эля нашла некроманта поприличней, но выглядела зверюга ухоженной. Шерсть ее слегка потемнела, лоснилась, единственный глаз сверкал, что драгоценный камень. Драгоценные, впрочем, тоже сверкали.

На ошейнике.

— Доброго утра, — Эль церемонно поклонился. — Неправда ли, нынешний рассвет чудесен?

И платочек протянул.

— Просто охренителен, — согласилась я, но платочек приняла.

Потерла щеку.

Засыхая, слизь отчетливо стягивала кожу. Пренеприятнейшее ощущение.

— Вижу, ваша ночь прошла плодотворно...

— Ага...

— И могу ли я надеяться, что у вас найдется несколько м-минут д-для... разговора, — Эль судорожно выдохнул. И уши его привычно покраснели. — П-приватного...

И коробочку протянул.

С эклерами.

— Не вопрос, — я дернула дверь, которая беззвучно отворилась. Вот же... значит, Грета опять забыла закрыть ее. — Заходи... только подождать придется, а то ведь...

Если слизь застынет окончательно, волосы придется обрезать.

Знаю.

Уже проходила.

Эль поклонился, скрестив руки на груди. Церемонный он наш... со времени первого знакомства прошло несколько месяцев. Не сказать, что мы стали друзьями или даже приятелями, просто... вот у кого-то мыши заводятся, а у нас — эльф. Он приходил, приносил пирожные, я заваривала очередной Гретин сбор и мы просто сидели, не мешая друг другу разговорами.

Маншул играл с малиной.

Или она с ним.

В общем, на редкость удобные были гости.

Мылась я долго, выскребая из спутанных волос засыхающую кровь, слизь и куски чешуи. Некоторые выдирались с волосами, что не добавляло хорошего настроения.

Эль ждал на кухне.

— П-простите, я в-взял на себя смелость... вы н-наверное г-голодны, — он поставил на стол мою любимую кружку, над которой поднимался ароматный пар. — К сожалению, я не нашел здесь ничего, что бы...

...это да...

...на рынок давно следовало сходить, но все как-то... откладывала.

— Ничего, сойдет и так.

Имбирный напиток с лимоном и мятой.

Эклеры.

И корзиночка с цукатами.

И еще нечто донельзя хрупкое и воздушное, вызывающее определенные сомнения в своей съедобности.

— Мамин повар пробует новые рецепты, — Эль успокоился.

Я уже успела понять, что заикаться он начинал лишь в минуты серьезных душевных волнений. Махнув рукой, я велела:

— Садись и выкладывай.

И Эль подчинился.

Вздохнул.

Понурился.

И тихо спросил:

— В-вы... бы н-не м-мгли стать м-моей н-невестой?

Я даже подавилась.

Той самой хрупкой и воздушной хренью с персиковым ароматом и острым привкусом.

— Чего?

Сунула в ухо палец. Мало ли, вдруг его слизью залепило... или вообще, поцарапалась об иглу, а там яд, вот и пошли слуховые галлюцинации.

Эль же съежился еще сильнее и повторил:

— Невестой.

...дело было не в нежити.

Хотя как по мне, лучше уж честная нежить, чем заботливая маменька, решившая, что настал судьбоносный момент обустройства личной жизни подросткового отпрыска.

От нежити всяко есть шанс отбиться.

— П-понимаете... м-мама д-добра желает... она в-выбрала д-девушек... они с-совершенны... к-каждая... и м-мне лишь надо выбрать.

Эль сгорбился над кружкой.

...выбирать ему не хотелось. А повода отказать прекрасным девам во внимании не было. Если же без повода отказать, то это — настоящее оскорбление, и позор падет не только на самого Эля, но и на весь его род.

В общем, жопа.

Пусть и пресветлая эльфийская.

— Я н-не х-хочу с-связывать себя словом, которое не смогу разорвать, — выдохнул Эль. — Вернее в теории могу, но на практике мне не позволят. Как только я проявлю интерес... или сделаю что-то, что может быть интерпретировано, как проявление интереса...

— Тебя оженят, — эльфийское нечто было вкусным.

Но явно не отличалось питательностью, поскольку чувство голода не утолило совершенно. Напротив, желудок мой, которого подразнили тенью еды, издал крайне громкий и неприличный в приличном обществе звук.

— Но если девушки так совершенны...

— Они п-похожи н-на м-маму, — с трудом выдавил Эль и взгляд отвел, явно смущаясь эдакого признания. — Н-не внешне, н-но...

...по сути.

— А почему ты думаешь, что твою матушку твоя мнимая помолвка остановит? — мне было и вправду любопытно, а уж фруктовая корзинка, украшенная белой башней взбитых сливок — успел изучить мои слабости, гад ушастый, — настраивала меня на мирный лад.

...видела я его матушку там, на выставке.

Хрупкая леди.

Прекрасная.

Со стороны если. А у эльфа нашего — как-то я уже привыкла его нашим считать — всякий раз при упоминании о дражайшей матушки ухо дергается, иногда и оба.

— П-понимаете...

— Давай уже на «ты», раз жениться собрался...

Уши опять дернулись.

Да уж... поаккуратней с ним надо, ишь какой впечатлительный. Я же, облизав пальцы, — корзинки были хороши и первый голод вполне утоляли — потянулась за сумкой.

— П-понимаешь... я не п-просто с-скажу, что... что выбрал тебя в ж-ж...

— Жены, — помогла я, вытаскивая сумку.

И Эль кивнул.

— Жены, — он выплюнул страшное слово и носом дернул. Да, запашок от сумки исходит еще тот. Плотную ткань, некогда зачарованную на совесть — отжалела я тогда за нее почти два десятка золотых — покрывала корка грязи, темной крови, слизи, моха... и желтый листик, прилипший к уголку выглядел то ли украшением, то ли утонченным издевательством.

Эль приподнялся.

— Не отвлекайся, — велела я, прикидывая, можно ли это ставить на стол. С одной стороны, чай я попила, пирожные съела, а... с другой, Грете не понравится.

С третьей, на столе периодически громоздились ее пробирки, колбы, реторты и просто кастрюли, содержимое которых было столь же далеко от кулинарии, как я от понимания красоты имперского балета.

— И-извините... извини... я объявлю... — он произнес длинное эльфийское слово. Что-то такое, со светом связанное или наоборот... в общем, дрозды поют понятней.

— Чего?

Эль повторил.

И снова.

И покачав головой, снизошел до пояснения.

Это можно было перевести примерно как «лунный свет, снизошедший на душу, чтобы раскрыть полноту ее звучания», хотя Эль утверждал, что данный перевод и не отражает в полной мере сути термина и уж тем более не способен раскрыть и малого числа оттенков.

Не важно.

Главное, смысл его сводился к следующему.

Эльфы женятся на эльфийках. Эльфийки выходят замуж за эльфов. В общем-то нормальное явление, и потому отягощенное целыми сонмами правил, обычаев и полагающихся по случаю церемоний, которые посторонним казались по меньшей мере странными, по большей — нелепыми. Но не суть важно, поскольку эльфийкой я не была. И до недавнего времени — для эльфов относительно недавнего, ибо обычай «Лунного света» едва-едва разменял тысячу лет, что по меркам светлорожденных суть вовсе ерунда — я могла бы рассчитывать самое большее на роль любовницы.

Временной.

Все-таки продолжительность жизни у наших рас несопоставима.

Однако что-то там произошло.

То ли война, то ли страсть, которую воспели в балладах, но... он полюбил ее, она его, и боги снизошли к молитвам, позволив двум сердцам воссоединиться в вечности.

А против богов и эльфы выступать не смеют.

И отныне, если случится какому эльфу втюриться в существо другой расы, да так сильно, что образумить несчастного не получалось, он объявлял о начале подготовки ритуала, который и должен был разрешить сомнения окружающих.

Ну да... ритуалы и эльфы... эльфы и ритуалы...

Созданы друг для друга.

— В жертву меня принести собираешься?

— П-простите? — Эль моргнул. — Н-нет... взыскующие отправляются в храм и молят богов о милости. Боги или снисходят, или нет, но... до храма вряд ли дело дойдет.

Я вытащила иглы.

Все же добычу следовало осмотреть, составить акт, благо, понятой у меня имелся, а заодно

ведомость на оплату по верхней границе: пусть гильдия сама потом старосту трясет. Они долги выбивать умеют, а я девушка слабая...

...и десять процентов не просто так отчисляю.

— Дело в том, что... — Эль сглотнул и подался вперед. — Гворх?

— Он самый.

— И матерый, — он осторожно поднял иглу и понюхал. — После спячки вышел... яд настоявшийся... сколько за него хочешь?

— Да я...

...в гильдию сдам, там все берут, правда, дают в лучшем случае две трети от нормальной цены, зато оптом.

— Двести за одну...

— Серьезно?

Про две трети это я, похоже, слегка погорячилась.

Эль пожал плечами:

— Гворхи мало где водятся, а чтобы и матерый, и иглы полные, так в принципе редкость. Ваши станут ломать, половину материала попортят. Его ведь откачивать надо осторожно, чтобы не вступил в контакт с воздухом.

Двести...

...нет, деньги у нас были. И те, что Эль перечислил на заре нашего знакомства, и другие, его матушкой за маншула выплаченные... но двести... за одну иглу.

— Согласна.

И леший с ней, с ведомостью.

— Идет. Так что там с храмом?

...эльфы не могут напрямую противиться воле богов, как и обойтись без церемоний. Вот они и объединили одно с другим. Теперь пара, ищущая высшей милости, должна была пройти через ряд испытаний, доказывающих серьезность их намерений, и самым главным являлся период, скромно названный «светом ожидания».

— Сколько лет? — уточнила я, пересчитав иглы.

Две Эль забраковал.

Маловаты.

И пусты будут.

И я не спорила. Еще одна оказалась сломана... в общем, и для гильдейцев хватит.

— Двенадцать, — потупившись, признался эльф. Правда, играть скромность у него получалось плохо. Нет-нет, да косил в сторону сумки. — Совет настаивал на столетнем сроке...

...что решило бы проблему кардинально, ибо сравниться с эльфами в долголетию могли, разве что, легендарные драконы.

— ...однако возникли разногласия... и срок сократили.

— Ага...

Я вытащила клыки, ошметки кожи и пару костей, одну из которых Эль придвинул к себе, сказав:

— Четыреста.

За какую-то обугленную кость?

Он серьезно?

Или решил побаловать грядущую невесту?

— Это же осколок пястной кости с железистым бугром, — пояснил он, тыкнув в почерневший уголок. — Почти неповрежденным. Возможно извлечь живую ткань и попробовать пересадить ее в стабилизированную среду.

В среду, значит. Еще один экспериментатор. Помнится, мой бывший тоже все бредил наукой, мол, за ней будущее и вообще... а в жизни при университетских лабораториях остаются лишь те, у кого связи имеются. Суровая правда, мать ее... С другой стороны, мне-то что? За четыреста золотых пусть хоть в вазу сажает.

— Подобные эксперименты проводились. Моему наставнику удалось вырастить чешую горного варраха из ошметка шкуры... и еще кость... и ногти, и даже мышечную ткань.

— Забирай.

— Позволишь? — он снял с полки колбу.

Почти целую и, что куда актуальней, почти чистую. Понюхал. Вздохнул. Оглядевшись, потыкал пальцем в связки трав. Ага, на кухне Грета хранит лишь то, что безопасно.

Относительно.

Волчанка в супе никому здоровья не прибавит, но я искренне надеюсь, что сестрица не ошибется однажды.

Волчанки он и сорвал.

И еще темнокорня, который отщипнул махонький кусочек. Выгреб из горшка жира, обыкновенного, свиного, на котором Грета картофельные блины жарит. Смешал, кинув какое-то заклятье.

Пробормотал что-то на высшем... и тут уже не заикался, что характерно.

— Я возьму, — эльф размешивал топленый жир с травами моей любимой вилкой. — Просто иначе я ее до дому не донесу... если бы я знал, что ты настолько сильна, чтобы... на гворха обычно выходят как минимум боевой тройкой.

Я возгордилась.

Почти.

— Да ладно...

...за его золото я новую вилку куплю. И даже две.

Если преодолею лень вкупе с хандрой и доберусь-таки до рынка. Заодно и пледиком можно озаботиться. Розовым... и новым томом походов прекрасного орка... или еще кого-нибудь, прекрасного и по-книжному безопасного.

— Благодарю... я п-поражен в-вашей храбростью...

Опять переклинило.

Ошметок уха не произвел на эльфа особого впечатления. Вывод? В ушах гворха нет алхимически ценных ингредиентов.

— ...и д-для м-меня б-будет честью, если...

— Погоди, — я махнула. — Не маячь...

Пирожные переварились, и мой желудок заурчал, напоминая, что фрукты и взбитые сливки — совсем не то, чем стоит восстанавливать силы.

— Значит, ты хочешь, чтобы я побыла твоей невестой... на ближайшие двенадцать лет?

Он поклонился.

Ага, будем считать, что это согласием.

— И что мне нужно будет делать?

— Н-ничего...

Тут я не по верила. И Эль понял. Вздохнул. Сунул ошметок кости в жир, впитавший уже с дюжину составляющий, в число которых вошла и поваренная соль, и сушеные крылья иглозубки, которым на кухне совершенно точно делать было нечего.

...с Гретой эльфа сводить нельзя.

Любовь любовью, но двух алхимиков этот дом точно не выдержит.

— В-вы... д-должны б-будете п-почтить своим п-п-присутствием...

— Успокойся, — я дотянулась, благо кухонька была небольшой, — мне просто надо знать, на что я подписываюсь...

...на семейные завтраки дважды в год.

И праздник Преломления, который я должна буду встречать с потенциальной родней. А ей мое присутствие — тут и гадать нечего — особой радости не доставит.

Пара испытаний.

— Н-ничего оп-пасного... д-дань т-традиции...

Эль покраснел.

А красный эльф выглядел донельзя жалко.

— И поход в храм, — завершила я. — Через двенадцать лет.

Он же кивнул и, присев на табурет, который опасно покачнулся и заскрипел, напоминая, что не так давно разменял третий десяток лет, а для домашней мебели сие срок и падать на него вот так, — в высшей степени неблагоприятно.

— Б-боги п-просто... не с-снизойдут... так бывает. Часто, — Эль потер глаза. — Я п-понимаю, что это в-выглядит не п-правильно, но... если вы вдруг согласитесь... даже не двенадцать лет, а... п-пока не встретите кого-нибудь, кто... изъявит ж-желание ввести в-вас в... дом...

И опять краснеет.

— Не встречу, — махнула я.

— Почему?

— По кочану. Можно, по кочерыжке, — я пересчитала оставшиеся куски нечисти. Надо было аккуратней за собой убираться, а то ж опять в Гильдии придираться начнут.

Там меня не любят.

Нет, если подумать, меня нигде особо не любят, но в Гильдии делают это как-то слишком уж активно. И я даже знаю почему... не стоило обзывать бывшую подругу нехорошим словом.

...да и половину сказанного тогда, в запале, я по нынешнему уму не стала бы озвучивать.

А так...

— В-вы красивы, — тихо произнес Эль. — Для человека.

Мило.

— Умны. И сильны, как маг...

...но при этом на редкость невезуча. Да и... нет уж, хватит с меня больших любовей, уже налюбилась.

— Я согласна, — я сгребла остатки добычи обратно в сумку и потеряла глаза.

Спать хотелось.

А еще есть и кого-нибудь убить, и желательно, чтобы смерть эта была мучительной. Главное же, что ложиться спать смысла не было. Гильдия вот-вот откроется, да и на почту заглянуть стоит, отправить ответное письмецо дорогой, чтоб ее гворхи драли, причем во всех смыслах, подружке...

Я моргнула, когда передо мной встала кружка горячего травяного отвара.

— Я п-подумал, что вам нужно...

...и пирог.

Мясной.

Свежий. С блестящей румяной корочкой, которая чуть-чуть треснула, выпуская мясной сок.

— Откуда?

— Вы... т-ты задремала...

...и лука не пожалели. В масле жареного... я такие нюансы уже научилась различать. Лук в жиру — совсем иное... приправы... перец и базилик... базилик люблю. А травы... сам намешал, точно. Ромашку чувствую и еще хладницу, которую не люблю за горечь и резковатый привкус, но сейчас, странное дело, я ощущала ее, но не сказать, чтобы неприятно. И мята горная... с мятой хорошо.

Зверобой.

Белокорень тертый.

Я с удовольствием зажмурилась. Становилось легче... надо же, уснула во время беседы... ага, прелестно...

— Т-тебе следует отдохнуть, — с упреком произнес эльф.

...надо спасибо сказать.

За отвар и пироги. И вообще... только не скажу. В силу паскудности характера и поддержания образа ради.

— Потом.

— Я тоже так подумал. Тебе еще в Гильдию нужно, — он сел, положил локти на стол и, сцепив руки в замок, уперся ими в подбородок. Маншул потерся о ноги и заурчал. — Гворх в городской черте — это серьезно... причем настолько старый. Эти твари не любят шума...

То кладбище было тихим, но... пожалуй, я соглашусь.

Отвар здорово прояснял мозги.

...матерый гворх довольно умен, чтобы нацепить безопасное обличье, но не настолько, чтобы долго прятаться. Все же в городе хватает и некромантов, и охотников за нечистью, да и вообще...

Я запечатала могилу, но не осмотрела кладбище на предмет гнезда...

...и нарушила еще пяток пунктов, которые выйдут боком. Нет, все нарушают правила, поскольку не в силах человеческих объять необъятное, но... на нарушения одних закрывают глаза, а вот другим приходится штрафные отчислять.

Я вздохнула.

А Эль протянул мне сумку.

Чистую, мать его сумку... она такой была в первую неделю после покупки.

— Как...

— На границе всякое случалось... а слуг там нет, — Эльф пожал плечами. — Я бы хотел сопроводить тебя. Гворх в городе — это серьезно...

...и я не стала возражать.

А еще мне нацепили на руку браслет. Серебряный. То есть, может и не совсем серебряный, но красивенький. Листочки-веточки и цветочки с полупрозрачными лепестками. Камушки разноцветные...

Красота.

— Если... вы р-решите, что обязательства в-вас т-тяготят, достаточно будет отправить этот браслет... я п-пойму...

— Слушай, — я покрутила браслет, который, как ни странно, при всей моей нелюбви к

побрякушкам, не мешал. — У меня к тебе будет ответная просьба... раз уж ты мой жених, то... настаивать не буду...

...и кажется, начинаю понимать, почему он заикается и краснеет. Просить кого-то о чем-то жуть до чего неудобно. Но, видят боги, я справилась.

А эльф согласился.

Вот так сразу взял и согласился... бестолочь ушастая.

...здание Гильдии я покидала спустя два часа в весьма смятенном состоянии духа.

Нет, меня по-прежнему не любили.

Но к обычной нелюбви, к недоумению, которое я отчасти разделяла — среди некромантов мне с моим даром и нелюбовью к работе делать было нечего — добавилось весьма откровенное презрение. Оно читалось во взглядах.

Жестах.

В тоне благообразного Седрика, бесшменного секретаря, который прежде не разговаривал со мной сквозь зубы, не говоря уже о том, чтобы заставлять трижды переписывать треклятый отчет.

И в гворха он не поверил.

Трижды проверял клыки.

И шипы уцелевшие.

Кости разве что не на зуб пробовал. Хмурился. Играл бровями и морщил благородный нос, горбинка которого сразу перестала казаться мне очаровательной.

— И чего ты хочешь? — мрачно поинтересовался он, убирая кости и клыки в ящик для мусора. — Денег все равно нет.

Почему-то для меня они, если и находились, то нечасто, после долгого торга и понижения ставок до минимума...

— Оплаты согласно прейскуранту, — я выдержала холодный взгляд. — И правилам Гильдии.

— Ты ее уже получила, — Седрик ткнул пальцем в копию контракта, который я подмахнула при прошлом визите.

Не читая, подмахнула.

Мать его...

...а ведь говорила тетушка, что не стоит верить людям. Палец Седрика уткнулся в предпоследний пункт. А я поняла, что зря вообще сюда заглядывала.

И не только я.

Эльф, державшийся рядом с видом независимым и даже непричастным, взял бумагу. Пробежался взглядом. Хмыкнул. И заметил.

— Мне представлялось, что Гильдия была создана именно для того, чтобы отстаивать интересы ее членов, а не составлять бумаги таким образом, что они явно данным интересом противоречат.

Ага...

...и ведь не пожалуешься... сама подписалась извести шалунов, шептунов и иную нежить, угрожающую покою граждан... стоило подумать, отчего столь простой контракт не нашел исполнителя.

Для меня придержали.

Но за что?

И главное... Седрик пыхтит, но взгляд не отводит.

— Контракт выполнен, — Эль протянул бумаги, а маншул оскалился и заворчал. — Будьте добры

отметить...

Седрик запыхтел, но печать шлепнул. И подпись свою поставил. И...

— Согласно уложению, все трофеи, добытые во время выполнения контракта, принадлежать исполнителю, — меланхолично заметил Эль. И забрал останки несчастной нежити. Вместе с контейнером.

Седрик возражать не стал.

Я тем более.

Душила злость.

Вот не просто злость, а... не знаю... хотелось и плакать, и смеяться, и постучаться головой о стену. Глядишь, и наступит чудесное прояснение, а следом и понимание, что же такое происходит вокруг. Не может быть, чтоб это из-за подруженьки моей...

Или эльфа?

Или...

Я заставила себя успокоиться. Разберусь...

— Мне показалось, или отношение к тебе было несколько предвзятым? — Эль нес коробку с остатками гворха, при этом локтем умудрялся прижимать копию контракта с отметкой об исполнении.

Когда успел взять?

— Спасибо.

Он слегка наклонил голову. А я предложила:

— Пойдем пообедаем...

...в трактире было шумно, не слишком чисто, но вполне уютно. Пахло мясной похлебкой, пирогами, вновь же мясными, и еще квашеной капустой, которую можно было брать прямо из бочки. Я и взяла.

Гору навалила.

И клюквы выловила, украшая. Все-таки чувство прекрасного мне не чуждо, а что может быть прекрасней правильно зажаренного куска говядины, под которым растекается полупрозрачное озеро подливки? А уж полупрозрачные нити капусты с алыми мазками тертой моркови и клюквинами — это вообще почти совершенство.

Как ни странно, эльф тоже попросил мясо.

— А разве вы...

— Моя матушка предпочитает питаться растительной пищей, — он поставил коробку на стол, чем вызвал нездоровое любопытство подавальщицы, которая шею едва не вывихнула, силясь разглядеть содержимое. А когда разглядела, слегка сбледнула с лица и вообще улыбка ее прежняя померкла. — Но... мне этого маловато. На Границе едят почти одно мясо... и шоколад. Хорошо восстанавливает силы.

Я кивнула, соглашаясь.

И вправду хорошо.

Шоколада надо будет прикупить.

И спрятать.

Хорошенько спрятать... у Греты на шоколад нюх, и не то, чтобы я жадной была, но вот... душа требовала иметь стратегический запас шоколада. Просто на всякий случай.

И в память о голодных временах.

Голодный некромант — это плохо.

Эльф жевал мясо. Причем умудрялся делать это с видом задумчивым и отрешенным. Однако ни капли подливки не упало мимо тарелки, впрочем, как и в тарелку. Он ловко орудовал туповатым вилок и ножом, который ему поднесли вместе с льняной салфеткой.

Мне салфетки не досталось.

Как и нож.

Но у меня свой имелся, куда как острее, а что черный и ритуальный, так это смотря у кого какие привычки.

— П-прости, ты не б-будешь возражать, если я расскажу своим?

— О чем?

Признаться, сытая, я смотрю на жизнь немного иначе. Оптимистичней, что ли? Не важно, главное, мерзковатое ощущение отступило. И вообще, воображение у меня живое...

Заговор гильдии... как же...

Все куда проще. Засранец Седрик за малую плату мимо гильдейской кассы помог бедному крестьянину решить его проблему за счет одной дуры. А что эта дура подписывает бумаги не глядя, так это ее собственная проблема.

— Гворх. В городе. Старый. Это плохо.

Я согласилась, что гворху в городе делать нечего.

Пусть даже не совсем и в городе, ибо формально и деревенька, и кладбище ее еще не вошли в большое кольцо, что и давало Гильдии право послать старосту с его бедами к свободным охотникам. Небось, будь кладбище и вправду городским, Седрик три раза подумал бы, прежде чем так шутить.

Городской глава к вопросам безопасности относился весьма серьезно.

— Говори.

— А... — он подвинул коробку, окинув задумчивым взглядом содержимое.

— Забирай.

Мне что? Мне не жалко.

Сытая, я на удивление великодушна.

— Благодарю... и не б-будет ли дерзостью с м-моей стороны нап-помнить о... з-завтрашнем з-завтраке... м-матушка б-будет ждать, — почти шепотом закончил он.

А я вздохнула.

Что ж... назвалась невестой? Полежай к свекрови в логово. А с другой стороны... еще посмотрим, кто кого сожрет. И вообще, это ложь, что некроманты — на диво неблагодарный народ. Я добро помню, и потому кивнула.

Эль дернул ухом. Правым.

И левым тоже.

И подвинул коробочку еще ближе. И вид у него был такой...

— Слушай, — ягодный взвар в трактире оказался неплохим, как и пироги. — А чего ты вообще из Патруля этого ушел? Торчал бы себе на границе... бдил там... хранил покой мирного населения вдали от мамы... или она тебя заставила?

Острое эльфячье плечико опустилось, а сам Эль сгорбился — не знала, что он так умеет — и сказал:

— Почти... поступила жалоба... пропадает птица и мелкий скот... и беспокойно становится. Понимаешь? Молоко киснет и все такое... кто-то видел тень. Кому-то кошмары стали сниться. Много кому.

Кошмары — признак фиговый.

Нет, они всем время от времени снятся. Я вот частенько вижу себя стоящей перед экзаменационной комиссией. И в голове пустота, но ладно бы только это, нет, потом приходит осознание, что я стою

голая. Вот как есть...

Но это личное.

И у каждого свои скрытые страхи. Но когда они начинают вылезать не у одного-двух человек, но массово, ищи причину. Как правило зубастую, хищную и ждущую, когда ослабленная бессонницей добыча разомкнет охранный контур.

— Проверяли дважды, но... чисто. Никаких следов... совсем никаких, — он щелкнул пальцами. — Теперь я понимаю, что подобное невозможно, а тогда... мы решили остаться на ночь. В полнолуние... третьего месяца...

Идиоты.

Или...

Кто бы ни прятался в темноте, он был достаточно умен, чтобы убрать следы. А на это способны далеко не все твари. С теми же, кто способен, я бы предпочла не встречаться.

— У нас это существо называют аль-накраин, идущий-в-теньях, — Эль прикрыл глаза. — И долгое время оно считалось вымершим. Нам удалось закрыть периметр, но... мой наставник не вернулся из темноты, как и двое из тех, с кем я делил воду...

Я молчала.

Тут ничего не скажешь. Я не знаю тех эльфов и, признаться, еще недавно мне было глубоко наплевать на них и всех прочих, а теперь... почти память.

— Я сам долгое время находился... между мирами. Ей удалось оживить мои кошмары, смешать их с явью, — у него дернулось не только ухо, но и половина лица. — Миэль до сих пор видит сны... а я не способен сотворить более-менее сложное заклятье. Силы уходят из дырявой души... на границе таким не место.

Да уж...

А я тут на жизнь жалею. И вместо слов я подняла не слишком чистый кубок: пусть легким будет путь ушедших душ. Эль повторил мой жест.

А молчание...

Порой оно — лучшая эпитафия.

— Завтра... — когда пауза слишком уж затянулась, я решила уточнить. — Что мне делать?

— Ничего. Просто будь собой.

И кажется, это не было комплиментом.

...Эль приперся после полуночи, постучал в окно, а я вместо того, чтобы послать его подальше, выбралась в сад. Мы устроились на лавке.

Полночь. Тишина.

Шелестели листья малины, то ли сочувствуя, то ли жалуясь на Грету, которая, увлеченная работой, позабыла про верный кустарник. А без алхимических отходов тот чувствовал себя как-то не так.

Маншул терся о ноги.

— М-мой друг... с-сказал, что с-случай не п-первый, — Эль явно волновался, уши скреб, дергал, краснел и в результате заикался куда сильнее. — Н-не здесь, но вообще... п-по всему малому кольцу... т-то и дело кто-то да добывает нежить, которой здесь быть не может. Под Нарумом вскрыли лежку молодых упырей...

Тоже новость. Упыри — еще та пакость, но знакомая. С ними и обычный человек при толике сноровки справится.

— ...степного типа...

А вот это уже интересно. Степных нам показывали на практике. От наших они отличались меньшими размерами, непомерно длинными руками, на которые опирались при беге, и куда большей настырностью. Если уж стая становится на след...

Но откуда им взяться под Нарумом?

— А в Китеше пару морских кликуш... правда, дохлых. Местное озеро им не понравилось.

Я думаю... все-таки соленость не та.

— И еще он сказал, что судя по толщине шкуры, твоему гворху лет двести...

Охренеть.

Нет, и вправду... двести лет... да быть такого не может, я ведь свидетелей опрашивала. И пусть те мялись, отводили глаза, прикрывая старостину махинацию, но вот двести лет... да он бы выжрал село и не одно, и значит, завелся не там, а где-нибудь на Пустошах, где нежить чувствует себя вполне вольготно.

Завелся и...

Что?

Взял и мигрировал? Что-то я о подобном не слышала. Гворхи — твари мерзопакостные, склонные к людоедству, как и вся нечисть, устойчивые к магии. А еще не отличающиеся любовью к путешествиям.

Да и как?

Его бы на подходе к городу зачистили. Все же не те мозги у него, чтобы...

— П-поэтому мне п-подумалось, что мы д-должны проведать кладбище, — заключил Эль, сунув в рот синию ягодину.

Это, конечно, мысль, но, боюсь, найдем мы там лишь следы Сердрика. Он, может, и скотина, но хитрозадая. После нашего визита сидеть на жопе не станет, подчистит, чтоб, если вдруг вздумается мне правды искать, я на пену изошла, доказывая, что гворх все-таки был.

С другой стороны...

Луна.

Ночь.

Кладбище.

Романтика, мать ее...

...что ты воешь, упырь, одиноко.

Что ж ты девушкам спать не даешь...

Мой голос разносился далеко, тревожа кладбищенские тени. Луна повисла низко. Свет ее ложился на кривенькую оградку, слегка прихваченную кладбищенским плющом. И совесть требовала подправить защиту, а внутренний голос твердил, что это дело не мое.

Пусть к Седрику обращаются.

На воротах, обмотанных свеженькой цепью, висел замок. Но эльфа он не остановил. Сомневаюсь, что он вообще был способен остановить хоть кого-то. Эль, подергав плющ, убедился, что тот достаточно прочен и, ухватившись за стебель, взлетел на ограду. Еще и руку мне подал.

Мило.

Руку я приняла.

А уже наверху натянула перчатки.

И волосы собрала в хвост, а на голову повязала косынку. А то ж мало ли что... амулеты проверила. Серебряный браслет, который норовил выскользнуть, убрала под рукав.

Прислушалась.

Тишина.

И спокойствие, причем на всех планах. Это и подозрительно...

Эль спрыгнул первым.

И вновь руку подал. Вежливый какой... Глен подобным не маялся, здраво полагая, что некромант и сам способен через стену перелезть... или не стену...

К демонам Глена.

Я не о том думать должна.

Оглядевшись — кладбище продолжала оставаться подозрительно спокойным — я двинулась по дорожке. Эль держался рядом. И ведь не с пустыми руками пришел. Надо же... я никогда двухручных бойцов не видела, а уж чтобы с эльфийскими клинками... думала, сказки бают. Кэйовин и двумя руками удержать сложно, а чтобы в одной...

Но на душе стало спокойней.

Вот реально спокойней.

Мы шли.

И... шли... я давно заметила это поганое свойство сельских кладбищ. Они притворяются небольшими, тогда как на самом деле... а вот это кривое надгробие помню. И то, которое слева, перечеркнутое трещиной. И дерево знакомо. Я на нем и сидела, действуя нежити на нервы...

Значит, почти пришли.

И я запела.

Просто... как-то слишком уж тихо. Действует на нервы.

Эль сперва вздрогнул. Мелькнули серебряными лентами клинки, к счастью, не коснувшись меня.

— И-извини... я п-просто не п-привык, чтобы...

Я махнула.

Никто не привык. Голоса и энтузиазма у меня всяко больше, чем умений. Что поделать, матушка полагала, что будущему некроманту музыка ни к чему...

...снова замерло все до рассвета.....дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь...

Я остановилась у надгробья, которое прежде было целым, но теперь камень слегка перекинулся, местами потек. И на светлом, на нем четко проступали темные пятна.

...словно ищет в потемках кого-тоИ не может никак отыскать.

Голос немного сорвался.

И Эль снова дернулся. С нервами у бедолаги совсем плохо... ничего. Нервы мы вылечим. На успокоительных отварах Грета руку давно уже набила.

...ты признайся, кого тебе надо.....ты провой, упырек молодой...

Лежку не тронули, радовала взгляд разверзтая могила, которую слегка присыпало листвой. В яме остались кости, в основном животных, да и было их не так, чтобы много. Значит, объявился гворх здесь недавно. И могилка-то чужая... относительно свежая, а потому хозяином он тоже не побрезговал, приняв не только обличье.

Я повертела обглоданную локтевую кость и бросила в яму.

И дальше что?

Кладбище чистое. Я три поисковика активизировала.

Эль тоже не стоял на месте. Ходил. Бродил. То и дело останавливался, к чему-то принохиваясь... я даже петь перестала, чтобы не сбивать бедолагу с мысли. Наконец, он остановился и сказал:

— Его сюда доставили.

И подозреваю, имел он в виду отнюдь не почту.

— Но я не могу понять, зачем?

И я не могу.

Ладно, если кто переворот готовит, или армию мертвецов на соседнем кладбище клепает, хотя практика показывает, что это дело дурное. На армию консервирующего раствора не напасешься, к тому же нежить по природе своей туповата, командовать ими никаких нервов не хватит.

Эль остановился у одной могилки и тихо спросил:

— У тебя лопата есть?

— Неа, — я выбралась из ямы и кое-как отряхнула брюки, к которым налипли листья, сор и пожеванные гворхом птичьи перья.

А что, некромантия — занятие грязное и на редкость неблагодарное.

— Здесь... неладно, — он сморщил эльфийский нос.

И я прислушалась.

И снова прислушалась.

И поисковик запустила, а тот ушел в землю, что нож в масло и... и вышел.

Пусто.

Чисто.

Неправильно. А что именно неправильно, сказать не могу. И поэтому...

— Отойди, — велела я, создавая огневик.

Лопата, лопата... хороший огневик, и что бы там ни лежало, само раскопается.

— ...то пойдет на поля за ворота...

...то к могилке вернется опять...

Пробормотала я, спуская шар.

Зашипела земля. Брызнула горячей крошкой. А следом раздался утробный, пробирающий до самой печени вой.

Наверное, стоит все-таки обзавестись лопатой.

...вот за что всегда любила Большой справочник нежити, так за точность изображений. И сейчас, глядя на костлявую уродливую морду твари, я отмечала несомненное портретное сходство.

Жирняк кладбищенский.

Большой.

Определенно большой.

Вон, бородавки налобные сформировались, сочатся гноем. И вторая пара клыков торчит из пасти, загибаясь вниз.

И глаза художнику особенно удались.

Заплывшие, глубоко посаженные, того темно-красного оттенка, который хорошо смотрится в рубиновых гарнитурах, но никак на нежити. И главное, виделась мне в тех глазах мрачная решимость добраться до моего горла.

Пока же жирняк ерзал, норовя выбраться из слишком тесной могилы...

Сверкнули клинки, вот только и зачарованное железо увязло в толстой шкуре нежити. Правда, жирняк заверещал, и голос его заставил меня отмереть. Огненный шар утонул в той же шкуре, в которую вгрызлся с шипением и дымком. Дым мерзко пованивал топленным салом, а нежить удвоила усилия.

И решимости-то, решимости в глазах поприбавилось.

Эльф не без труда вытянул клинки, чтобы вновь вонзить их в тушу жирняка. Тот же, похожий на болотную жабу дернулся, и удар пришелся вскользь. Вспоротые бородавки прыснули желтоватым трупным ядом, и вонь стала невыносимой.

Главное, чтобы на кожу попало...

...рванувшись, тварь выбралась-таки из могилы и заурчала. Раздулись горловые мешки, а в глазах, готова поклясться, появилось выражение торжества.

Мол, никуда не денетесь.

Треснула пасть.

— В сторону...

Без него знаю. Правда, не знаю, каким чудом удалось отскочить. Длинный язык жирняка, украшенный дюжиной шипов, врезался в надгробье. И то треснуло, брызнуло камнем...

А язык вновь показался из пасти.

Так.

Думай, Яся... думай, иначе помрешь здесь героически, но на памятник Гильдия вряд ли расщедрится.

...жирняк.

...предпочитает болотистую местность.

...источник магии... массовое захоронение... эманации смерти...

Я бежала.

Бегала я хорошо. Зигзагами, успевая иногда и нырком уходить из-под ударов. Жирняк же, утомившись — бегать он не любил, на наше счастье-то — плюнул ядовитой слизью. Попав на камень, та запузырилась, а надгробья мягко оползли, будто и не гранитные были...

Эль тыкал в тварь клинками, та злилась.

Я бы тоже злилась, если бы вот так посреди ночи подняли и не для позднего ужина.

Остановившись у приличного с виду мавзолея — а вряд ли здесь хоронили деревенских старост, с другой стороны, на сельских кладбищах чего только не встретишь — я помахала рукой.

— Сюда иди...

По-хорошему нам до ограды бы добраться и помощь кликнуть. Все же жирняк — не та тварь, на которую в одиночку ходят, но...

Гордость не позволяла.

Что еще знаю?

Магией их не взять. Шкура и толстый слой трупного бурого жира надежно защищают тварь. Мозг у них крошечный, а вот аппетит — наоборот. Но это понятно. Попробуй этакую тушу удержи от распада.

Клинки...

И зачарованные не возьмут.

У матерых жирняков, поговаривают, шкура вырастает полуметровой толщины. Этот выглядел вполне себе матерым.

Эль, сообразив, что стоять и ждать, пока ее нашинкуют, тварь не станет, отступился. Он благоразумно обогнул жирняка по дуге, ловко увернувшись от пары плевков, и присоединился ко мне. Благо, мавзолей был достаточно древним, а значит, вполне себе пафосным.

Заговоренный мрамор.

Высокая крыша.

И периметр, в котором теплились остатки охранного заклинания. Я добавила силы — жирняку оно вреда не причинит, но заставит держаться в стороне. А мы пока на крыше посидим.

Эль положил клинки рядом и, потрогав кромку, поинтересовался:

— Что делать будем?

Я пожала плечами.

Разум подсказывал, что единственный разумный выход — побег. Но...

— Ты же некромант, — в голосе эльфа послышался упрек.

— Очень хреновый, — чистосердечно призналась я. — Мне и диплом-то давать не хотели, но... мамина память, цеховая солидарность и все такое.

С крыши было удобно следить за жиряком.

Он топтался на месте, обваливая края ямы, в которой спал. А ведь и вправду... откуда взялся? Не болото. И захоронение, конечно, вполне себе массовое, но не того класса, который даст повышенный уровень темных эманаций. А главное, опять же... чтобы дорасти до подобных размеров, не год нужен и не два.

Ладно, над этим подумаем позже.

...я ведь как-то справилась с гворхом. Точнее, мне повезло, но...

В голову закралась идея.

Обычно безумные идеи — это Гретино, но, верно, родная кровь — это вам не водица... снаружи жирняк неуязвим. А вот если изнутри попробовать?

— Слушай... а ты можешь мышь поймать?

— Что? — Эль, следивший за жирняком пристально, моргнул.

— Мышь... или крысу. Лягушку. Что-нибудь живое и...

...лучше бы крупное. Вот маншул бы подошел, но эльф благоразумно оставил мертвого кошака дома.

— Зачем? — светлые бровки сошлись над переносицей.

— Тварь брать будем. На живца.

Ловить мышей эльф отказался на отрез, то ли не умел, то ли любовь к живому и вправду была сильна, но в целом план ему понравился. А коррективы — почему бы и нет?

Спустя четверть часа жирняк сумел-таки выбраться из ямы, потоптался вокруг, снеся с полдюжины надгробий, и заковылял к мавзолею. Махонькие лапки его каким-то чудом не проваливались в рыхлую кладбищенскую землю, а массивная туша, хотя и колыхалась, но не падала.

— Готово, — сказал Эль, убирая руки от тряпичной куколки.

Я такие в детстве делала.

Веточки.

Ниточки.

И пара лоскутков, оторванных от эльфийской белоснежной рубашки. Рвал он, к слову, сам.

— Ты уверен? — куколка, конечно, шевелилась, но... съедобной не выглядела. Может, конечно, у нежити свое собственное восприятие съедобного, однако мучили вот меня сомнения.

— Увидишь, — Эль, подхватив куколку, лихо спрыгнул на радость жирняку, который от счастья аж соловьем залился. Правда, длилось то недолго, поскольку подлый эльф быстренько вскарабкался на крышу.

А куколка...

Какая куколка? На тропинке появилась девочка.

Маленькая такая.

Белокурая.

С личиком румяным, с глазками наивными в пол-лица... я едва с крыши не сверзлась. Вот тебе и магия иллюзий...

Жирняк пасть раскрыл.

Слюну пустил.

Девочка стояла.

Корзинка в руках плетеная. На волосах красная косыночка с рюшками... корзинкой помахивает, рюши щупает. И подмигивает жирняку, мол, чего ждешь-то? А главное, выражение лица у крошки такое вот... циничненькое, как у девы любви, клиента подзывающей.

Тот и не устоял.

Разверзлась пасть.

Мелькнул язык. И... опустела тропинка. Жирняк лишь икнул сыто. Глазки прищурил, правда, закрывать и впадать в спячку он явно не намеревался.

— И... думаешь, сработает? — шепотом поинтересовался Эль.

А я пожалала плечами.

Единственное, что у меня получалось более-менее стабильно — взрывы... и этот не стал исключением. Сначала в туше что-то заурчало, заворчал. Ухнуло глуховато, заставив жирняка приоткрыть пасть. И на морде его тупой, клянусь, появилось выражение крайне недоумевающее.

А в следующее мгновение тушу разорвало.

— Ложись...

Я и без подсказки в камни вдавилась, а эльф сверху растянулся. Это зря... жиру в жирняке накопилось изрядно. И растопленный магическим огнем, смешанный с внутренностями твари и содержимым их, он покрыл все, что находилось в полусотне шагов от взрыва.

Мы вот находились.

Жир был в меру горячий и без меры вонючий.

Он лег на руки, на куртку... теперь только выбросить... судя по шипению и оркскому нецензурному, жениху тоже досталось... и главное, сверху что-то еще шлепнулось, влажноватое, тяжелое...

Я откатилась и села, аккуратно для того, чтобы увидеть, как медленно сползает по эльфийскому надменному лицу ошметок шкуры.

— Знаешь, — Эль его отбросил в кусты. — Я себе это как-то иначе представлял...

Как по мне, на подобные темы лучше вообще не фантазировать, но... кому как нравится. Я сняла с пояса флягу и молча протянула жениху.

Он так же молча принял.

Глотнул.

Посмотрел на небо, которое стыдливо зарозовело, обещая близость рассвета и разборки с местными. Чую, не понравится им жир жирняковый с могил отмывать. Да и само кладбище... как-то утратило прежней пасторальности.

А нам еще яму осматривать.

— Надо поспешить, а то на завтрак опоздаем... — меланхолично заметил Эль, допивая отвар. А что, говорю же, успокоительные у Греты получались отменнейшие. — Мама расстроится...

— В таком виде?

Мне отмываться часа два... да и ему не меньше. А яму бросать нельзя, мало ли, кто до нее доберется... нет, пока фон почистишь, пока контуры выправишь и печать сверху...

Однозначно не успеем. Разве что...

Эль, выслушав мои резоны, как-то странно улыбнулся и произнес:

— К сожалению, я полностью выложился. И... мне жаль, но у меня платочек есть.

И вправду платочек протянул. Батистовый. С монограммой...

...прекрасная леди Алауниэль окинула взглядом девушек, собравшихся в гостиной, и мысленно поморщилась. Идея, еще недавно казавшаяся донельзя удачной, утратила всякую привлекательность.

Несколько месяцев раздумий.

Тщательнейший отбор, ибо мальчик достоин лучшего... и что в итоге?

Юниэль замерла с чашечкой в руках, не замечая, сколь нелепа и неестественна ее поза. Эта вытянутая шея, эти покатые плечики. Явно в обычное время девица сутулится.

Темноволосая Веламиэль говорила слишком уж громко, выказывая полное небрежения правилами хорошего тона. Эравиль, устроившаяся в дальнем углу, помалкивала и улыбалась, но... если приглядеться, заметным становилось легкое косоглазие... если очень приглядеться.

Но вдруг этот недостаток передастся детям?

У бледнокожей — слишком уж бледной, чтобы это выглядело естественно — Хирумвиэль что-то не то было с прикусом. А вот Сираниэль и вовсе не стоило приглашать. Все-таки троюродный брат ее прабабушки по материнской линии отличался крайне невоздержанным нравом. Родство не столь дальнее, чтобы это не отразилось в девице...

Нет, дело не только во внешности и воспитании, дело во внутренних ощущениях, которые вызывали девицы — резкого неприятия и даже раздражения. И если они раздражают саму леди Алауниэль, то что уже говорить о мальчике?

Супруга должна подарить покой израненной душе.

Окружить бедного Тири заботой и вниманием... а эти... очевидно, что они сами будут требовать внимания. Цветов. Стихов.

Драгоценностей.

Изведут капризами и непомерными требованиями... он ведь такой слабенький, податливый...

Хрустальная лилия подавила вздох.

Быть может...

...стоит.

...подождать? Лет сто... или двести? Она готова пожертвовать собой ради сына... сама будет варить бульон из куриных пупочков... следить за тем, чтобы рубашки были отглажены, а в носках не появлялись дыры. И быть может, иногда позволит себе читать мальчику вслух.

Зазвенели колокольчики, нарушая тишину.

И девицы встrepенулись.

Эравиль поправила волосы... слишком уж пышные, чтобы поверить, будто они собственные. Шиньонами тоже надо уметь пользоваться. Сираниэль покусала губы, быстро хлопнула себя по щекам... какие плебейские уловки! Право слово, не стоило с нею связываться... Юниэль расправила плечи еще сильнее, из-за чего спина ее выгнулась самым ужасающим образом. Еще немного и лопатки коснутся друг друга. И только Хирумвиэль продолжала загадочно улыбаться...

— М-мама, — в голосе дорогого мальчика слышалось волнение. Он осознавал, сколь неучтивым выглядит его опоздание, и наверняка мучился из-за этого...

...или из-за рубашки, которая была недостаточно бела.

Нет, бела она была.

Когда-то.

Все же леди Алауниэль тщательно следила за слугами, но... сейчас одежду ее дорогого мальчика покрывали желто-бурые пятна. И не только одежду. Волосы слиплись тонкими прядками, которые при каждом движении вяло шевелились, будто тинные черви. Кое-где к пятнам прилипли травинки, комочки земли и, кажется, ошметки кого-то... о ком лучше не думать. Тири же поскреб пальцем ухо и сказал:

— П-познакомься... п-пожалуйста... это Юся. М-моя н-невеста...

...кружка выскользнула из пальцев Юниэль и упала на белоснежный хишахсский ковер, дабы навсегда оставить на нем кофейное пятно.

Хрустальная лилия закрыла глаза.

Открыла.

Существо, смутно знакомое к слову, никуда не делось. Более того, оно протянуло руку с отвратительно обветренной кожей и ногтями, никогда не знавшими ухода, и сказала:

— Привет. У вас тут симпатичненько.

Именно в этот момент времени Хрустальная лилия осознала, что не стоило давить на мальчика. Он ведь впечатлительный.

Эмоционально неустойчивый.

И склонный к необдуманным поступкам... наверняка она его приворожила.

Подкупила?

Обольстила?

Последнюю мысль, впрочем, леди Алауниэль отбросила: вряд ли ее мальчик настолько изголодался по женскому обществу, чтобы польститься на подобное. Значит... значит, дело в травме. Она так и знала. Пусть целители в один голос уверяли, будто происшествие не оставит и следа, но...

Она мать.

Она лучше знает.

И вот воплощенная травма ныне стояла и беззастенчиво разглядывала обстановку.

Лицо... обыкновенное.

Человеческое.

С грубыми чертами. Кожа шершавая, загорелая дотемна. И морщины уже появились, значит, и по человеческим меркам девица не юна.

Волосы с легкой рыжиной... оттенок первых осенних листьев. И это мило, но на волосах милое заканчивалось. Облачена она была в мешковатый свитер не первой свежести и неясного цвета, покрытый все той же не то грязью, не то слизью. Слишком широкие плечи. Слишком длинные рукава, которые девица то и дело подбирала. Слишком...

...уродливые штаны, потертые на коленях.

Высокие ботинки на ребристой подошве. Цвет их рассмотреть не удавалось, поскольку здесь корка грязи уже начала застывать. Главное, что к подошве левого прилип кусок чьего-то уха... или это не ухо?

И из украшений — серебряный браслет из тех, которым лучше оставаться в легендах.

— П-простите, — Хрустальная лилия вдруг явственно осознала, что готова согласиться на любую из девиц, даже на Сириэль вкупе с троюродным братом ее прабабки и всеми его странностями... — Я... я безмерно счастлива...

...браслет посверкивал и переливался всеми оттенками света.

И как мальчику удалось добыть его?

Он ходил в храм... но этого недостаточно... многие ходят в храм, однако боги...

...боги...

И эта девица?

Нет, все не может быть настолько плохо.

Леди Алауниэль заставила себя улыбнуться.

...еще не все потеряно.

Браслеты...

...если подумать, то примеряли их довольно часто... в каждом поколении находилась пара-тройка безумцев, которым хотелось в жизни странного. И печально, что в число их попал ее мальчик... травма... завтра же она навестит целителя, и пусть тот лишь попробует отговориться занятостью или еще какими глупостями... нет, он обязан дать успокоительное.

И что-нибудь, что позволит прояснить разум.

Или... отправить мальчика домой? И самой... это будет выглядеть дурно в глазах света, но... в кои-то веки леди Алауниэль готова была закрыть глаза на общественное мнение. Ребенок требует жертв и...

...у нее есть дюжина лет, а это...

...это достаточно, чтобы мальчик образумился. А если и нет...

— Дорогая, — сказала она, надеясь, что голос звучит ровно. — Я бесконечно рада, что сын мой был достоин света...

Говорила леди на высшем эльфийском.

А если девица не понимает, то это исключительно ее проблемы. В конце концов, нельзя собираться замуж за эльфа, не зная эльфийского.

...спустя два дня изящный экипаж, запряженный четвериком степных коней редкого каракового окраса, остановился перед гостиницей «Лисий двор». Построенная в незапамятные времена и с тех пор не единожды сменившая обличье — всякое новое было роскошней прежнего — та заслуженно считалась лучшей в городе. А уж банкетный зал на триста персон был и вовсе уменьшенной копией королевского, что позволяло владельцам безбожно задиравать цены. Впрочем, людям солидным, имеющим положение и финансы, было зазорно играть свадьбы где-то помимо «Лисьего двора».

Однако нынешняя по всеобщему мнению была самой роскошной за последние годы. А потому экипаж сперва никого не удивил... все ж знакомых у городского главы имелось всяких.

Вышколенный слуга подхватил поводья.

Другой подал руку даме, которая выбралась из кареты. И сделал вид, что не слышит слово, оной дамой произнесенное. Да, порожки в эльфийских экипажах были высоки, а дверцы узки, и выбраться из такого без должной сноровки было тяжеловато.

Спутник девицы вот сумел.

Выпорхнул.

Оттеснил слугу. И почти снял даму с хрустальных ступенек.

— Спасибо, — буркнула она, одергивая кружевной край свободной блузы.

Черной.

Черным кружевом отделанной.

— Мы не опоздали? — она поправила крохотный цилиндр, украшенный длинным фазаньим пером. Маленькая сетка с мушкой выгодно оттеняла рыжину волос. А в булавке, крепившей цилиндр к кудрям, посверкивал темный камень.

Девица огляделась и, помахав невесте, решительно направилась к ней.

— Марисса! Я так по тебе соскучилась... я так рада была, что вы спустя столько лет все же решили пожениться...

Невеста, без сомнений, была прекрасна.

И подружке улыбнулась.

Как-то так улыбнулась, что слуга вздрогнул и едва не выпустил поводья.

— Я боялась, что он бросит тебя, как бросил меня... — девица говорила довольно громко, и не оставалось сомнений, что к вечеру слова ее, приукрашенные и преображенные, разнесутся по городу. — Но вижу, что не посмел...

Жених, и до того выглядевший больным, вздохнул.

А невеста неловко клюнула подругу в щеку.

— Что ты творишь? — прошипела она, впрочем, услышать это могла лишь рыжеволосая нахалка, заявившаяся на свадьбу, мало того, что в брюках, пусть и весьма интересного кроя, так еще и в черных. — Где платье?

— Ты же знаешь, что я не люблю платья... — отмахнулась рыжеволосая и пожала жениху руку. — Молодец, Глен. Поздравляю. Ты все-таки сумел устроиться в жизни... это ведь главное, выбрать жену с правильными родственниками... Кстати, знакомьтесь... мой жених...

Слуга отвернулся, пряча улыбку.

Пожалуй, эта свадьба обещала быть особенно интересной.

Часть 3. Кто не любит родственников?

— Юся, — моя сестренка скромно потупилась и ковырнула носочком пол. — Знакомься, это папа... он с нами жить будет.

Я открыла рот.

И закрыла.

И... открыла, желая высказать все, что думаю, по поводу внезапнообретенных папаш сомнительного виду, но наткнулась на умоляющий взгляд сестрицы и вздохнула.

Папа, стало быть...

Нет, ее папеньку я помнила распрекрасно. В детской памяти моей почему-то отложилась не внешность, но весьма характерный запах каленого железа, а еще колючесть бороды и громкий голос, от которого хотелось спрятаться под кровать.

— Юсенька! — воскликнул гном преувеличенно бодро. — Выросла-то как, выросла...

— Ага, — я огляделась.

А день-то хороший.

Солнышко вот выглянуло, даром, что осень на дворе, а оно припекает по-летнему, и малина наша, словно чуя, что деньков этаких осталось немного, поспешила раскинуть колючие плети, растопырилась, подставляя солнцу глянцевою темную листву.

Поблескивала черепица на обновленной крыше.

Из трубы сочился дымок.

Пахло мясной похлебкой и самую малость — тем вот каленым железом, которым гном пропитался от макушки до пяток. Что сказать... гном как гном.

Обыкновенный.

Широкоплеч, коренаст и бородат. Борода рыжая, с нитями седины. Глаза серые. Кожа темная, это только считается, что они на поверхность выглядывают редко, да и под землю уровень излучения высок, вот и загорают... ага, почти дочерна.

Морщины опять же.

Одет неплохо. Скромно, но практично. И кожаные штаны я оценила, и жилетку со многими карманами...

— А я тебе вот принес, — он вытащил из кармана пару мятных карамелек, и я сглотнула. Точно. Он приносил их и клал возле кровати, а после отступал.

...и еще он мне кроватку сделал, для куклы.

И саму куклу купил, красивую, с белым фарфоровым личиком и платьем бархатным. Я ее несколько дней из рук не выпускала... куда она подевалась потом?

— Спасибо, — карамельки я взяла. — Гм... а... вы к нам надолго?

Нет, воспоминания — дело хорошее, но дом наш не то, чтобы велик, да и в принципе не готовая к полному воссоединению семьи.

— Так это... — гном поскреб бороду и, оглянувшись на сестрицу, промолвил: — До свадьбы только...

И вот тут я окончательно потеряла дар речи.

Свадьба.

Свадьба — это, конечно, хорошо и даже замечательно, но где-нибудь в отдаленной перспективе, а не чтобы вот так и сразу. Когда вот так и сразу, то это уже не свадьба, но полнейшее безобразие.

Сестрица же, испустив тяжкий вздох, сказала:

— Ты только не ругайся. Я все объясню.

А я засунула карамельку за щеку. С карамелькой за щекою ругаться как-то не получалось.

...дело было в любви.

И еще в Гретином волшебном эликсире, который местные оценили сполна, да и не только местные. Небольшая реклама, и вот уже желающих приобрести чудо-зелье столько, что очередь приходится расписывать на месяцы вперед.

Нет, это хорошо...

...удачно.

И можно, конечно, нанять кого-нибудь, тем паче Грете намекали, но в кои-то веки она намеки предпочла не услышать, здраво рассудив, что открыть рецепт проще, чем закрыть его. Какое отношение это имеет к любви? Самое что ни на есть прямое. Эликсир Грета продавала через лавку многоуважаемого Торвуса, гнома в городе известного.

Сам-то он в силу возраста от дел почти отошел, передав оные с лавкой вместе сыну.

А уже сын...

...сын был хорош.

Деловит.

Практичен.

И доход от лавки сумел повысить едва ли не вдвое. Это до эликсира... а уж с ним...

— Понимаешь, мы патент оформим... я документы уже подала, — Грета нервно теребила розовые бусики, обмотанные вокруг запястья. — Передам права на пользование Эрику, а у него троюродный брат в столице... представляешь, какие перспективы открываются?

— Ага, — мятные карамельки были хороши.

Сладенькие.

Нервоуспокаивающие.

— И я подумала, что лучше жениха не найти. Только... он единственный сын, наследник... а я кто?

— Кто? — я была в том благодном состоянии, когда могла лишь слушать и задавать вопросы.

— Никто... сиротинушка... — Грета всхлипнула.

— Горькая, — подсказала я.

— Почему?

— Так жалостливей...

Она вздохнула.

Нет, любовь была взаимной, а подкрепленная радужными перспективами обоюдной выгоды — все-таки проснулась в сестрице гномья кровь — и вовсе, можно сказать, неземной. Эрик дарил браслеты... и этот, с бусинками, тоже. В трактир водил. И матушке представил.

Вот тут-то и случилась... неприятность.

Матушка у Эрика была из рода старого, почтенного, а потому Грете не обрадовалась.

— Она... назвала меня полукровкой...

— Ты и есть полукровка, — я погладила широкий лист малины. — Даже четвертькровка... хотя так не говорят.

— Безродной... и вообще...

...именно тогда в Гретину светлую голову пришла чудеснейшая мысль отыскать папочку. А что, имя она знала, остальное же оказалось не так сложно.

— Понимаешь... она нас ждет... в гости... и если... если ей не понравится, то она не разрешит Эрику сделать мне предложение...

Я вздохнула.

Интересно, сказать Грете, что, даже будь она дочерью Подгорного короля, вряд ли бы понравилась будущей свекрови. Уж не знаю, почему, но чувствовала я это ясно. А еще чувствовала, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Но Грета уставилась на меня и, шмыгнув носом, добавила:

— Тебе хорошо... у тебя целый эльф имеется.

Эльф имелся.

И вполне даже целый, хотя местами и погрызенный. Он по-прежнему появлялся ближе к ночи, устраиваясь в беседке, и мы пили чай.

Пили и молчали.

Порой говорили, но о вещах каких-то посторонних, к высоким материям отношения не имеющих. Он приносил эклеры и сахарные трубочки, а я заваривала собственные сборы.

Нам было хорошо.

Мне во всяком случае. А Эль... как-то притащил большой справочник нежити. И еще подробную карту провинции, которую я повесила на стене в спальне. Были булавки с разноцветными камнями. И споры шепотом о том, стоит ли нападение свирдлов на рыбацкую деревушку считать особым происшествием...

...я знаю, он обращался в гильдию с запросами, но...

С гильдией у меня сложные отношения.

И у эльфов тоже.

Как бы то ни было, но прошедшие месяцы выдалась на редкость спокойными, и это должно было насторожить.

— Ты же пойдешь? — робко поинтересовалась Грета.

А я вздохнула.

Пойду.

Куда ж я денусь. Вот интересно, должна ли я знакомить Гретиного папеньку со своим женихом, с учетом, что папенька, как по мне, личность пресомнительного достоинства, а жених и вовсе подставной?

Эль явился после заката, и малина зашелестела, приветствуя кормильца. Побег стлался, листья сворачивались, выпрашивая сушеное мясо, которое Эль носил в кулечке.

— А что с ней зимой будет? — поинтересовался он, пытаясь отцепить особо наглый побег от рукава куртки.

— Понятия не имею. Уснет.

Зимой весь наш двор засыпало снегом. Порой он добирался до окон и выше их, и тогда в доме становилось не только холодно и сыро, но еще и темно.

На меня воззарились с неммым упреком.

— Да она живучая, — попыталась оправдаться я, а Эль вздохнул и произнес:

— Если ты не возражаешь, я укрою ее. Иногда случаются морозы, а розоцветные к ним весьма чувствительны...

И малина поспешно закачалась, всем видом своим притворяясь чувствительной и вообще показывая крайнюю трепетность натуры. Я же пожалала плечами: если ему хочется, то пускай укрывает.

Эль же протянул мне коробочку и спросил:

— Что случилось?

— Ничего. Нет, действительно ничего такого... Грета вот замуж собралась, — я поставила коробочку на лавку и посмотрела на дом. На кухне хозяйничала сестрица, и не то, чтобы мне было неприятно, просто...

...просто, глядя на тех двоих, которые вдруг и сразу нашли общий язык, будто не было ни побега, ни предательства, ни пропущенных лет, я чувствовала себя лишней.

— Отца нашла... он сейчас там.

— А ты здесь?

А я здесь.

Очевидная глупость, только ничего с собой не могу поделаться. Чувствую, начни он играть в доброго папочку, нервы сдадут... и да, я не знаю, что там у них произошло с мамой. У нее и вправду характер тяжелый был, но... это не повод бросать Грету.

И меня тоже.

Я ведь к нему успела привыкнуть за пару-то лет... и та кровать, кукла... и еще украшения из проволоки с камушками... первые мои украшения, которые до сих пор лежат в старой шкатулке, им же сделанной. И кукла, подозреваю, где-то там же. Только искать ее не буду.

Не хочу.

— Прогуляемся? — Эль предложил руку, а я приняла ее.

Хороший у меня жених.

Был бы человеком еще...

Мы шли.

Просто шли.

Улочка и еще одна... тишина, которую изредка нарушают чьи-то голоса. Шорох, шепот... тени из-под ног... шмырников развелось, куда только Гильдия смотрит? Это ведь только кажется, что шмырники безобидны, мелкая беспомощная нечисть, только и способная, что ворон на помойках гонять. Да и то стаей. Но вот стаи их имеют обыкновение разрастаться самым поганым образом, а уж когда их больше сотни... нет, с сильным связываться не рискнут, но вот из пьяного жизненные силы вытянут, ребенка заплутают...

...надо будет написать доклад.

Правда, крепко подозреваю, что отправится он прямехонько в мусорное ведро.

— Если ты не хочешь возвращаться, я могу предложить тебе свой дом, — Эль щелкнул пальцами, и темная фигура, бросившаяся было наперерез нам, поспешно отступила в тени.

Что-то совсем неладное в городе творится.

Настолько неладное, что мысли мои окончательно прояснились. Я огляделась. Мы были... где-то были, да... явно не в бедном квартале, вон, заборы высокие, дома за ними видятся массивные, приличного свойства. А главное, на охранные заклинания местный люд не скупился. В этакое месте должно быть безопасно, что днем, что ночью, а тут... шмыгает всякое.

Я принялась.

Запах характернейший, вроде бы и медом тянет, и в то же время дерьмецом пованивает. Значит, где-то поблизости свяжье гнездо, причем, если осень уже, то зрелое вполне. Неделька-другая и лопнет оно перезревшим шаром, выпуская толстых медлительных маток. Те, конечно, изрядная добыча для прочей нечисти, но десяток-другой уцелеет, чтобы уйти под землю и там перезимовать. А по весне, выбравшись, забывшись в какую-нибудь щель, выстроить гнездо новое.

Свяги в городе...

...они больше по деревням. Селятся под крышами овинов и сараев, коровью чуму провоцируя, улы опять же любят, пожирая пчел, которые до последнего, будто одурманенные, таскают незваным

гостям нектар. Пчеловоды свягов крепко не жалуют, только...

Что им в городе делать?

И как...

— Чуешь? — спросила я, дернув эльфа за рукав. И тот принялся.

Нахмурился.

И произнес:

— Это ненормально.

Ага, совершенно ненормально... а еще ненормально, что мы вместе крутанулись, пытаюсь уловить направление. И ведь получилось же, чтоб их...

...дом — не дом, так, хижина, не известно, каким образом уцелевшая. Стоит, покосилась, грязна и мрачновата с виду. Крыша из гнилой соломы зияет прорехами. Окна заколочены. А во дворе, за рухнувшим забором лебеда в человеческий рост поднялась. И из нее, сизой, дерьмецом несет отчетливо. Заодно уж слышится характерное такое гудение.

— Не успеем за помощью, — Эль снял куртку и набросил мне на плечи. — Надень, как полетят...

...свяжи матки, конечно, малы, но жалят больно, а уж яд их, пусть и не смертелен в малых количествах, но и вывести его не каждый целитель сподобится.

— А ты?

— Я как-нибудь... — он повесил мне на шею амулет. — Огонь?

Я кивнула.

Единственный способ. Подойти нам не дадут. Гнездо лежало черным огромным шаром, набухшим, готовым разорваться от переполнявшего его роя. Поднялись в воздух охотники, их темные тела тускло поблескивали в лунном свете.

Если волной...

Направленной...

Я присела и, дотянувшись до обломка доски, провела линию. Конечно, защитный круг лучше рисовать по правилам, но времени нет. Рой разворачивался. Вот и рабочие показали, они меньше охотников и слабее, но переполненные ядом раздутые их тела делали рабочих похожими на маток.

Их задача — отвлекать хищников.

А этих...

...я старалась не слишком пристально всматриваться в тени, уж очень мне не нравилось то, что и без того вижу.

Шар лопнул именно тогда, когда я вычертила последнюю руну.

А Эль направил с ладони волну белого яркого света. Та пролетела, стерев первую линию охотников, испепелив свягов...

...мой огонь послабее будет, но если направленно. Давно хотела попробовать замкнуть стандартный контур кольцом... вот так... диаметр побольше, чтобы гнездо влезло. И гудение... гудения не слушать. Запахло гарью.

Свяги метались, силясь вырваться из контура, но я держала.

Силы у меня не так, чтобы много, но на гнездо хватит... и кто-то горестно завыл, сетуя, что ночной пир не удастся, кто-то заухал... а гудение стихло.

Ненадолго.

— Второе... — Эль смахнул пот со лба. — И... справимся?

...пять.

Их оказалось пять, треклятых гнезд, к счастью, последние три были еще на стадии созревания, а

потому уничтожить их оказалось куда как проще. Но к концу я ощущала себя полностью обессиленной.

И не только я.

— Будешь? — Эль протянул флягу.

С водой.

Ледяной и сладкой водой, от которой заломило зубы.

— Спасибо... — я села на землю.

И плевать, что в пыль. И в принципе... плевать.

На все.

Я смотрела на выжженный двор и домишко, который, как ни странно, уцелел... а докладную придется-таки писать. Хуже всего, что за работу, подозреваю, мне не заплатят.

...папенька жарил оладушки.

Сияла чистотой кухня, на которой обустроилась рыженькая женщина, главным достоинством которой был, несомненно, выдающийся бюст.

— Юся! — воскликнула она, подавшись вперед. — Как ты выросла!

— Как-то, — буркнула я. — Сама удивляюсь.

Губы женщины задрожали, в зеленых очах появились слезы.

...а я ведь помню ее, госпожу Франтишек, частенько заглядывавшую в маленький наш домик. Она приносила конфеты в карманах своего клетчатого передника, да и не только их. Карманов было множество, а чудес, в них скрывающихся, и того больше.

Лоскутки разноцветной ткани, из которой госпожа Франтишек кроила платья для моей куклы.

Иглы в пузатой банке-игльнице.

Два золотых наперстка. То есть мне они казались золотыми... и еще пуговицы, крючки, ленты и ленточки... как-то она заплела мне девять кос, и я весь день ходила счастливая. А потом она взяла и украла нашего с Гретой отца.

— Обижаешься, — вздохнула госпожа Франтишек, смахивая со стола несуществующие крошки. Передо мной появилась тарелка с башенкой из пышных оладушек.

Плошка с медом.

И с вареньем.

Высокий кувшин, над которым поднимался парок. И...

— Не знаю, — честно ответила я, сглатывая. Что и говорить, в тавернах готовили неплохо, но несколько однообразно, что ли. А у меня самой руки были не той стороной к телу пришиты, чтобы вот так... оладушки.

— Ты ешь, ешь... тебе сладенького надо, ишь, какая тощая...

Хотелось ответить чего-нибудь этакое, но в животе урчало, да и... Эль остался ждать некромантов вкупе с городской стражей, которой надлежало опечатать дом и начать разбирательство. Он проводил меня до самого забора, хотя я бы и сама прекрасно добралась, но...

...не положено.

Кому и кем не положено, понятия не имею.

Он вообще предлагал отправиться в пресветлый особняк, если мне домой неохота, но вот встречаться с матушкой Эля мне хотелось еще меньше, нежели с Гретиным отцом.

Оладушки я ела.

С медом, с вареньем. И заливала горячим терпким яблочным компотом, в который госпожа Франтишек добавляла травы и можжевельниковые ягоды. И как ни странно, жизнь становилась если не лучше, то всяко терпимей.

— Я там тоже прибралась, — сказала она, устраиваясь напротив. Ручкой щеку подперла... а она не так уж и молода. Матушка как-то обозвала ее юной прохвосткой, но... морщинки вот и седина, которая в морковного колера волосах видна явно.

Сколько ей?

Матушке было бы за сорок, доживи она...

— Надеюсь, ты не против?

— Не против.

— Хорошо... и... не обижайся. Мы ненадолго. Вот навестим госпожу Игнеру, и домой...

...домой.

Почему-то стало обидно. Значит, у них дом есть. Наверняка большой, светлый. Полосатые шторы на окнах. Цветы в горшочках.

Оладушки вот.

Не по праздникам, но просто так... и еще пахнет там отнюдь не алхимической лабораторией, в которой по недомыслию умертвие доиздохло.

— Мы в Бессаве живем, — продолжила госпожа Франтишек. — Тут недалеко... если порталом, то в один переход. Мои родители оттуда... правда, уже их нет, но...

— Моих тоже. Матери во всяком случае.

Не стоило этого, наверное, говорить. Разве сложно притвориться, что все хорошо? Я ведь притворяться умею. Пара улыбок... неотложные дела на завтра, а там уже и визит к этой достопочтимой госпоже, которой моя Грета не нравится.

— Мне жаль.

Я не поверила.

А она поняла и вздохнула, сказала тихо:

— Она была удивительной женщиной, но... с очень сложным характером... ты же знаешь.

Знаю. Понимаю.

И нет.

— Все получилось не так... мы не собирались убежать... тайно и вообще... думали, она просто даст развод... у них давно все разладилось, иначе я никогда бы... а она отказалась. Напротив... меня выгнала... кричала, что это я во всем... а что сама дома не появлялась не то, что днями, порой неделями, бросив и хозяйство, и вас на Бжизека...

Упомянутый Бжизек тяжело опустился на стол и добавил:

— Я ее крепко любил. Поначалу... молодой был. Она-то постарше, да все одно... яркая, горячая... что ни слово поперек — то скандал. Думалось, страсть... только этой страстью быстро наелся. А она... она, ты вряд ли помнишь, без крика жить не могла. Напряжение скидывала. Я ей, мол, может, лучше травок каких попить, а она сковородкой.

Он потер голову и поморщился.

— Это я еще стерпел... только... я ж тоже работу бросить не могу. Мастером едва стал, а значит, надобно имя делать, клиентов искать. Не так оно и просто. Вот и Франечку наняли, стало быть, в помощь.

На свою голову.

Я промолчала.

Мне, по-хорошему, не было дела до произошедшего много лет тому.

— Как Франечка появилась, так Марьяна и вовсе забывать стала, что у нее дом имеется. Бывало, объявится, пропахшая гарью, гнилью, помоется, спать заляжет, а проснувшись, исчезнет вновь. И никогда не говорит, куда она и зачем... я-то сперва интересовался. А она огрызалась, мол, не моего ума дело. Кто я? Артефактор со слабеньким даром. Она ж уже тогда известна была... отпуская... ей эти походы нужны были.

Нужны.

Она и потом не переменялась. Уходила. Возвращалась. Отсыпалась и отлеживалась, порой залечивала раны и тогда, вынужденная отдыхать, снисходила до нас с Гретой. И позже, когда мой дар развернулся и окреп, учить меня бралась. Правда, у нее быстро заканчивалось терпение, поскольку сама я не отличалась ни особым умом, ни, говоря по правде, талантом.

— Потом уж до меня доходить стали слухи, что она не только на нежить охотилась... что меня одного ей было мало. Сперва-то не верил, только... один, другой, третий... я не выдержал. Спросил. А она ответила. Как есть правду, что... сила требует.

Слухи?

Не знаю. То ли мне они были не интересны, то ли актуальность утратили, то ли матушка изменила образ жизни, но мужчины в этом доме не появлялись.

— Вот тогда-то я и задумался о разводе. Попросил... а она вспыхнула. Не из любви, детонька, — Бжизек подвинул ко мне блюдо с оладьями. — Ешь, ешь... в вас оно все одно не задерживается.

— Почему?

— Силу тратите. Вон, пустая вернулась...

— Нет, — оладушек я стянула. — Почему не из любви?

— Так, выходит, не было ее никогда, — развел он руками. — Сама сказала, что выбрала меня, потому как другие знали про ее... особенности... вот для постели были охотники, а чтоб законным браком... ее это задевало крепко, уж не знаю, почему.

Я сунула палец в миску с медом.

Я так в детстве делала, пока однажды по пальцу этому не получила, оно, конечно, обидно, да все равно из миски и пальцем мед определенно вкуснее.

— Развода она не даст, сказала, лучше честной вдовой станет, — Бжизек скривился и, задрвав рукав, протянул руку. Левую. — И знаешь, я поверил... я не робкого десятку, однако же...

Черное пятно на запястье походило на жирную пиявку, присосавшуюся к венам, да так и издохшую. Она была мертва, несомненно, но...

— Это... она?

Червь? До того я подобное лишь в учебнике видела. Червь не нечисть, но проклятие из запрещенных, довольно простое, требующее от некроманта лишь силы и желания. Силы, к счастью, немалой, что подтверждает: матушка моя необыкновенными талантами отличалась.

Посадила и... собиралась ли снять?

Червь к жертве прикипает, сперва он мал и слаб, но, кормясь жизненной силой, разрастается, становится заметен, тогда-то его можно обезвредить. Но не снять. В любом случае, если бы Бжизек пошел в полицию... в Гильдию...

Он же рукав поправил.

— Я сначала понять не мог, что происходит. А уж как оно появилось, так и... приятель один, слава богам, помог... только сказал, что целиком снять уже не снимешь.

— Почему...

— Она не со зла, — покачал он головой. — Просто... характер такой... неумный. Сама творит, после сама жалеет... а жалеть не умеет, вот и больше творит.

Все равно.

Незаконно.

Опасно.

И... и слов не найду.

— Это она когда мы уехали... нашла быстро... тут и искать нечего было, куда нам податься, кроме как к моим родителям, — госпожа Франтишек отвела взгляд. — Я его уговорила уехать тихо... боялась я очень.

Как понимаю, не зря.

— А она появилась однажды... сказала, чтобы я вернулся, а не то хуже будет. Я ответил, что устал от такой жизни.

О детях оба не слишком, полагаю, думали.

— Я хотел забрать вас, — будто подслушав мои мысли, сказал Бжизек. — Только...

— Не позволила?

Он развел руками.

— Сказала, что вы ей самой нужны...

Знать бы для чего.

— А деньги? — спросила я, раз уж завели этот разговор, то следовало выяснить все до конца.

— Деньги? — он удивился. — Я продал лавку... да, оставил только четверть, но мне самому нужны были...

...и поганей всего, что он не врал.

...что я знаю о гномах, кроме как, что отличаются они завидной сквалыжностью, и сложно придумать клиентов хуже. Дотошны. Занудны. И так и норовят обсчитать, ибо чужаку платить полную сумму совесть не позволяет. А чужаки для гномов все, в ком крови их нет.

Или есть, но мало.

Или даже много, но кровь эта давно ушла, разорвав с общиной деловые связи.

В общем, гномов я не слишком жаловала, а потому от субботнего визита не ждала ничего хорошего, впрочем, о предчувствиях своих я предпочитала помалкивать, дабы не испортить Грете настроения.

Она порхала.

Цвела.

И щебетала, как-то легко найдя общий язык не только с отцом, но и с рыжеволосой его подругой. Точнее супругой, ибо развод разводом, а вдовство, оно тоже себе способ избежать брачных обетов.

Я не мешала.

Я...

...утром ушла в город и бродила, пытаюсь выбросить из головы лишние мысли, которых оказалось как-то слишком много. А потому, оказавшись в знакомом переулке — при дневном свете выглядел он куда как солидней, почти не удивилась.

Вот и обваленный нами заборчик.

И дом, над которым ныне маячит купол охранного заклинания.

— Юся? — окликнули меня.

Я обернулась.

Надо же, какая встреча... и не сказать, чтобы радующая.

— Привет, — сбежать было не в моих привычках.

— Привет, — отозвался Глен, несколько смутившись. — А ты здесь... по делу или так?

— Так, наверное. Это мы вчера...

— Знаю.

— А ты...

— Решили, что здесь от меня будет больше пользы, чем в лаборатории, — мой бывший погрузился, любовью к полевым выходам он, в отличие от многих, не отличался. — Здесь гнездо спящих выжлов нашли... если бы только наши нашли...

Он примолк, позволяя додумать самой. Наши, надо полагать, это гильдейцы. Что бы сделали? Да потихоньку зачистили и все дела, даже по документам проводить не стали бы, чтобы не выплыло, не приведите боги. Выжлы — это серьезно.

Это почти чрезвычайное происшествие, а кому они нужны?

Вот именно.

— Твой... эльфов притащил, — пожаловался Глен, облачиваясь на хилую оградку. — И теперь вот...

...замолчать не выйдет.

И у главы города появятся весьма интересные вопросы, ответов на которые у гильдейцев, полагаю, не будет...

— ...поэтому тебе лучше тут не мелькать особо...

Ага, а виновата, как обычно, Юся...

— ...потому что эльфы эльфами, а наши крепко злы...

— За дело, — огрызнулась я.

Это ж кем надо быть, чтобы выжлов проворонить? Нет, я все понимаю, город немаленький, людей и нелюдей в нем изрядно, за каждым не уследишь. Тут проклятыице обронят, там кровь прольют, которая возьмет да и переродиться во что недоброе, но выжлы...

Хищные волкоподобные твари, которые, собственно говоря, от волков и происходили, если верить современной науке, правда, случилось это давно и под влиянием сил высших, которые оставили разве что костяк волчий. А так... выжлы сильны, выносливы и до отворачивания малоуязвимы.

Еще соображают куда быстрее обыкновенной нечисти.

Помнится, пару десятков лет тому их вовсе пытались внести в список разумных, да как-то оно не заладилось...

— Так ведь... — бывший пожал плечами. — Может, оно и так, но... на себя злиться сложнее.

Я прищурилась: прежде Глен как-то попроще был, что ли.

— Пошел слушок, что ты пакостишь...

— Как?!

То есть, выжлов проглядели они — страшно подумать, что было бы, проснись они, выжлам местная охранка на ползуба да и вообще, — а виновата я? И каким таким образом?

— Не знаю, — он потер щеку и тихо произнес: — Уехать бы тебе куда-нибудь...

— На год другой?

— Насовсем.

И прозвучало это не сказать, чтобы по-доброму. Стоит ли говорить, что домой я вернулась в столь отвратном настроении, что исправить его не смогли ни борщ с крохотными чесночными булочками, ни сливовый пирог...

...а утром мы отбывали, следовательно, вечер можно было считать потерянным.

Грета собиралась.

Пять чемоданов.

Три корзинки.

И большая шляпная коробка, в которой мыши свили гнездо. Мыши были изгнаны, коробка обернута хрустящей бумагой и наполнена доверху каким-то хламом. Причем Грета с Франечкой — именовать подружку ее папеньки следовало именно так — тщательно укладывали все эти резные шкатулочки, грешки и деревянные заколки, оборачивая каждую в ту же бумагу, обсуждая...

— Смотри, дарить надо, начиная с младших... сначала четвероюродные сестры, потом... — голос Франечки слышен был даже на чердаке. А Гретиному папеньке не хватило чувства такта и самосохранения, чтобы оставить меня в покое.

Пришел.

Принес взвар и тот самый пирог. На тарелочке.

Салфеточкой укрыв.

Поставил.

Помялся. Кхекнул, когда я рукой махнула, тонко намекая, что в компании не слишком нуждаюсь, однако не ушел. Сказал:

— Если вздумаете переехать, то у нас всегда место найдется...

— Куда переехать?

И этот о переезде заговорил. Вот... не нравится мне такое активное желание окружающих спровадить меня в неведомые дали. Мне и в ведомых живется весьма неплохо. Он же мялся, вздыхал...

— К нам от... домик, если продать, то у нас можно прикупить... жилье недорогое... в городе меня знают, уважают... стало быть, вас примут...

— А жених?

Вообще-то я про Гретиного спрашивала, но Бжизек лишь рукой махнул:

— Какой из эльфа жених?

Как по мне, совершенно замечательный. С романтикой не пристаёт, луну с неба достать не обещает, еще и подкармливает от случая к случаю. Нет, такого жениха бросить совесть не позволит.

И договор, опять же.

— Я про Грету...

— А... — он дернул себя за бороду и помрачнел. — Боюсь...

— Не сладится?

— Так-то оно да... только вот нет...

Я похлопала по старому шкафу, который лежал, а потому был весьма удобен для сидения. И Бжизек опустился рядом.

— Не примут? — нет, не то, чтобы у меня самой были какие-то радужные надежды, однако Грета была счастлива, и мне бы хотелось, чтобы она побыла счастливой еще некоторое время.

— Не примут, — эхом отозвался отчим и руку поскреб. — Он-то, может, и ничего... не знаю, не встречался с ее этим... только вот про маменьку его слышан. Она из Клеповицких.

Ни о чем не говорит.

И Бжизек понял:

— Батюшка ее на Северном кряже шахтами владеет. Не сам, конечно, но в старшинах ходит, как и его отец, и отец его отца, и...

— Я поняла, — а то этак мы всю родословную переберем от сотворения мира.

— Ага, — Бжизек моргнул. — Они там... не то, чтобы от мира отгородились, просто вот... старые порядки крепко блюдут.

А в старых порядках, если я чего-то смыслю, полукровкам не место.

— Игнера... она и не каждого гнома за гнома считать будет... а уж людей или этого твоего... ушастого...

Он дернул себя за ухо и с надеждой поинтересовался:

— Может, он туточки останется?

Это он зря. Туточки оставаться Эль не пожелал. Он объявился рано, с мертвым маншулом на пару, вид которого произвел на Бжизека странное впечатление. Тот сперва крякнул.

Дернул себя за бороду.

А после неожиданно улыбнулся и сказал:

— Хороший котик... от себя не отпускайте.

И вот как-то мне совсем расхотелось отправляться в эти гости. И даже то, что Эль, переступив через древние правила приличия и собственное воспитание, взял меня под руку, как-то совсем не успокоило.

Нас встречали.

Прямо за порталным кругом и встречали. И желание вернуться без того сильное, возросло и окрепло. Оно прямо-таки почти непреодолимым сделалось, но... я крепче вцепилась в руку своего эльфа, а он величаво кивнул мрачному гному.

Гном помрачнел еще больше и возложил ладонь на боевую секиру.

— Добро пожаловать, — сказал он тоном, в котором читалось куда более искреннее «чтоб вам к демонам провалиться». — Мы всегда рады гостям.

И троица за его спиной кивнула, подтверждая: мол, конечно рады.

А доспех напялили исключительно из глубочайшего личного уважения, которое они к нам испытывают. И штандарт захватили от радости. И... и что забыли телегу для багажа, так оно случается.

— Тут недалеко, — мстительно ослабившись, произнес давешний гном. Представиться он не соизволил, потому про себя я его окрестила Рыжим, за окрас. Честно говоря, настолько рыжих гномов вижу впервые, а этот еще и веснушками усыпан был щедро.

Он развернулся и шагнул к порталам.

Ага... значит, мы отправляемся дальше? И судя по тому, как нахмурилась Грета, для нее это было неожиданностью.

...портал.

Круг.

Легкая тошнота от переноса.

И вновь портал. Круг...

...это ж куда нас ведут-то?

К Северному кряжу. Я вот, стоило выйти из пятой, если не сбилась со счета, порталной комнаты, как-то сразу и поняла, что находимся мы на этом самом Северном кряже. Да и где еще? Слева возвышались горы, изумрудно-зеленые, будто стеклянные. Справа — тоже горы, на сей раз сизоватые и высокие, вершины их пронизывали облака, а основание терялось в туманной дымке.

Было свежо.

И дышалось с трудом.

— Сейчас пройдет, — Эль сотворил какое-то заклятье, ущипнувшее меня за шею. И дышать стало легче. — Здесь воздух разрежен, с непривычки тяжеловато.

Он начертил заклятье и для Греты, и для побелевшей Франечки. А вот отец отказался: мол, хоть и

полукровка, а гор не боится.

И я не боюсь.

Просто вот... мы стояли на длинном уступе, который протянулся над пропастью, а я не могла отделаться от мысли, что пропасть эта глубока, а ограждающее заклятье не так и надежно. Я бы предпочла забор.

Или два.

Три, так вообще идеально.

Наше сопровождение щурилось и держалось за топоры, всем видом своим демонстрируя собственное превосходство... ага, посмотрела бы я, куда оно на кладбище подевалось бы...

Впрочем, кладбищ здесь не было, а гномы имелись.

И с ними — пяток чемоданов, три корзинки и давешняя шляпная коробка, которая на этом птичьем уступе смотрелась совершенно нелепо. И это не считая собственно моей рабочей сумки, захваченной исключительно по привычке.

— Тележки не найдется? — поинтересовалась я, прерывая затянувшееся молчание. — У девушек багаж...

И чемодан пнула.

Легонечко.

Намеком.

— Пусть здесь остается, — Рыжий решил проявить великодушие. — Не упрут.

Оно-то, может, и не упрут, но Грета выглядела несчастной. Она весь вечер платья собирала, и не только их. Подозреваю, что четыре из пяти чемоданов забиты склянками самого разного размера, а уж содержимое их... что ж, если порталы пропустили, стало быть, откровенно запрещенного там нет.

— Тележку, — повторила я.

— Юся... — Грета дернула меня за рукав. — Может...

Не может.

Здесь нам не рады, а следовательно, хуже точно не будет. Скорее наоборот, спустим, они окончательно убедятся, что гости слабы, беспомощны, следовательно, не заслуживают не только любви, но и элементарного уважения.

Нет, я была слишком зла, чтобы отступить.

Гном фыркнул.

А эльф, присев, почесал маншула за ухом и произнес этак, задумчиво:

— Вижу, здесь ничего не изменилось. Как и прежде, сыновья Золотой жилы слишком хороши, чтобы уважать собственные законы гостеприимства...

...тележку нам все-таки привезли, правда, кривоватенькую и скрипучую, но это уже мелочи. Папенька проворно нагрузил ее чемоданами, отцепил побелевшую ручку супруги и сказал:

— Ведите уже...

И нас повели.

Подозреваю, повели нарочно кружным путем, возможно, проложенным специально для дорогих гостей, ибо пол в коридоре был неровный, потолок низкий, а сам коридор петлял, как старая гадюка.

Мы молчали.

Скрипела тележка.

Прял ушами маншул, прислушиваясь к тому, что творится в толщине камня, и клянусь, мне не нравилось задумчивое выражение его морды. А заодно уж это место.

Гномы.

И Гретин жених, причем последний — заочно, раз уж допустил, чтобы над невестой так измывались... в общем, вопрос крепко я задумалась, а нужно ли нам этакое счастье-то?

Но вот коридор вильнул в последний раз, подло подставив подножку из трех гранитных осколков, намертво впаянных в пол, и вывел к залу.

К такому типично гномскому залу, каковыми их в учебниках истории рисуют. Эта пещера, предполагаю, изначально исключительно естественного происхождения, за последние пару сотен лет преобразилась. Она расширилась, приобрела приятную округлость свода, выложенного полудрагоценными камнями. Появились колонны, отсутствие изящества которых сполна компенсировалось внушительностью. На полу легла сложная мозаика, изображавшая то ли сотворение мира, то ли героические хроники из жизни Северного кряжа...

Стены укрыли драгоценными камнями.

Воткнули пару сотен светильников, от энергии которых кожа зачесалась.

А заодно уж согнали толпу встречающих. Я остановилась. Вот как-то... не внушает мне доверия это благочинное собрание. Гномы, гномы и еще раз гномы... совсем старые, частью облысевшие, но при том с бородами, закинутыми на плечо. И молодые. И совсем юные. И в том смутном возрасте, когда собственно сам возраст определить почти невозможно.

Главное, что было их даже не сотня, сотню я бы как-нибудь перенесла.

Две?

Пять?

Десять?

Над гномьими головами вздымались штандарты, а от блеска украшений, которые нацепили на себя многоуважаемые гномки, слепило глаза.

Или от светильников все же?

— Клеповицкие — очень большой род, — тихо произнес папенька. А я закрыла приоткрывшийся было рот: после выскажусь.

Наедине.

С собой.

Сипели трубы, бляели рога горных туров, перехваченные медными кольцами. И звук их, отраженный стенами, заставлял пещеру трястись, а меня морщиться.

Я даже палец в ухо засунула.

— Мы рады приветствовать гостей Северного кряжа, — рявкнул пухлый гном, обряженный в алую хламиду. Хламида, пусть и шелковая, щедро украшенная вышивкой и красными камнями, смотрелась нелепо, а уж остроконечный колпак с темным, цвета венозной крови камнем, и вовсе был, мягко говоря, странен.

— Советник, — произнес Эль тихо. — Правая рука патриарха...

Упомянутый патриарх восседал на уродливого вида кресле. Сделанное из переплавленных секир и ломов, украшенное то ли рубанками, то ли киянками, то ли и тем, и другим, и еще прочим разнообразным инструментом, оно выглядело на диво неудобным.

А еще кресло было велико.

Приземисто.

И почему-то кривовато. Во всяком случае левый подлокотник был заметно выше правого, к которому патриарх и сполз вместе с пухленькой подушечкой. Впрочем, он изо всех сил старался выглядеть грозным, топорщил седую бороденку и бровями играл, изображая, кажется, глубокую работу мысли, но все одно казался безобидным милым дедом.

Он позевывал и тер глаза.

Моргал отчаянно и, честно говоря, складывалось впечатление, что он не слишком хорошо понимает, где находится и как сюда попал.

— И мы рады, — откашлявшись, ответила Грета. Только голос ее, не усиленный магией, потонул в гомоне толпы.

Гномы заговорили все и сразу.

Кто-то, кажется, обсуждал вчерашние новости, кто-то — Гретин наряд, исполненный в лучших столичных традициях, но здесь, на Северном кряже, неуместный и даже смешной. Досталось и Бжизеку, а щеки Франечки стали краснее свеклы...

— Не обращай внимания, — Эль кивнул старичку, который ерзал, силясь сохранить равновесие. А я разглядела, что кресло и вправду перекошилось. Ножки справа выгнулись, того и гляди треснут. — Это обычная практика... им нравится ставить гостей в неудобное положение.

Я кивнула.

Практика стало быть... а положение... они говорили и поглядывали на нас, мол, что будем делать среди всей этой толпы разряженных гномов.

— Грета, — довольно громко спросила я. — А ты сильно замуж хочешь?

— Уже не знаю, — сестрица вздохнула и ковырнула розовый камешек, которыми было расшито платье. — А что?

— Меня от такого гостеприимства домой тянет...

И ведь не соврала же.

Бжизек испустил очередной тяжкий вздох, то ли сетуя на мою невоспитанность — нехорошо уходить, даже чаю не поимши, то ли на обстоятельства нынешнего бытия, но Франечка отчаянно закивала.

— Тогда, полагаю, нам стоит вернуться, — произнес Эль, и тут толпа несколько примолкла.

А заодно на ковровой дорожке, постеленной, надо полагать, чтобы гости дорогие с пути не сбились, появилась гномка весьма солидных статей... как солидных... в общем, что вверх, что вширь стати были примерно одинаковы. Платье из алого же, — полагаю, родовые цвета — шелка лишь подчеркивало монументальность фигуры. На внушительной груди возлежала золотая цепь в три ряда, щедро посыпанная драгоценными камнями. В прическе поблескивали алмазы, с ушей свисали массивные серьги.

Золотые браслеты.

Золотые кольца и перстни.

Золотой пояс. И золотые цепочки, с пояса свисавшие. Не удивлюсь, если и туфли ее из золота отлиты.

— Здравствуй, дорогая, — неискренне произнесла гномка, разглядывая Грету и при том шурясь на оба глаза. — Я несказанно счастлива, что ты приняла мое приглашение.

Ага... а уж мы как счастливы.

И главное, толпа резко смолкла. Теперь все, за исключением придремавшего на троне патриарха — бедолага закурился в подбитую мехом мантию, — смотрели на нас и только на нас.

— Это твоя семья? — поинтересовалась господа Игнера.

— Да, — Грета смутилась. — Это мой... папа... Бжизек...

— Горский, — ответил папенька. — Старший мастер...

Игнера скривилась, то ли ей имя не понравилось, то ли звание, хотя старшего мастера за красивые глаза не дают, особенно полукровке.

— Моя супруга, — он взял под руку Франечку, которая неуклюже присела, изображая столичный книксен. — И моя старшая дочь с женихом...

— Эльфом? — уточнила Игнера, будто до того понятно не было.

— Любовь зла, — меланхолично ответила я.

И как ни странно, ответ этот нашел полное понимание у госпожи Игнеры. Прочие гномы слушали, смотрели... и запоминали все.

Сплетничать, небось, будут.

...пускай себе.

— А это? — госпожа Игнера указала на маншула, который стоял тихонько, только хвост слегка подрагивал.

— А это наш котик... — Грета выдержала взгляд потенциальной свекрови. — Моя сестра его сама сделала.

— Сделала? — а вот и новое старое лицо, тот самый советник в алом балахоне.

Колпак его слегка сполз, отчего вид у советника сделался не столько грозный, сколько несколько дурковатый. Сказать, что ли?

Или обидится?

— Юся — некромант, — Грета посмотрела на меня умоляюще. И я кивнула. Как есть некромант. Даже диплом имеется... дома... где-то...

— Некромант — это хорошо... — советник поскреб лоб, намечающуюся лысинку и произнес этак, доверительно: — У нас в пятой шахте чегой-то шебуршится...

...и в этот момент я явственно осознала, что следовало остаться дома.

Нет, нас препроводили не в пятую шахту, ибо шубуршание шубуршанием, а порядок приема гостей, пусть и не самых желанных, был установлен. Нас ждали комнаты — крохотные коморки, в которых и коту-то тесно будет, не говоря уже о людях, но... может, на Северном кряже всех гостей так встречали? Главное, здесь было тепло, сухо и ничего — я проверила — не шубуршалось.

Остальное же...

— Может, все-таки домой? — поинтересовалась я, глядя, как Грета пытается запихнуть чемоданы под низенькую кровать. Впрочем, назвать кроватью настил из досок, на который бросили тонкий соломенный матрасик и прикрыли это сооружение простыночкой, к счастью, чистой, язык не поворачивался. Чемоданы не лезли. Грета злилась.

И расстраивалась.

— Не выпустят, — Эль отобрал чемодан и поставил его в угол. А на него — второй и третий. Это он ловко придумал, получился этакий комод... почти.

Открыть не откроешь, но если Грета про подарки заикнется, то я сама ей шляпную коробку с гребешками на голову надену.

— Почему?

— Потому что тогда у нас будет повод заявить о недостаточном гостеприимстве. И подать иск.

— Это как? — мысль об иске показалась донельзя свежей. Хотя, конечно, отсудить у гномов хотя бы медяшку, это постараться надо...

— Некогда сам Тадеуш Бронзовый топор, восьмой король Подгорный, соизволил путешествовать по своим владениям инкогнито. И прием ему оказали не самый теплый. После чего и появился на свет известный в узких кругах свод Закона о гостеприимстве, — пояснил Эль, озираясь.

Шкафа, чтобы запихнуть на него шляпную коробку, в комнатушке не наблюдалось.

— Тот, кто нарушит его, обязан выплатить виру оскорбленному гостю...

— То есть, они соблюдают закон? — уточнила я.

Вот как-то не вязалось у меня откровенное хамство встречающих с понятиями гостеприимства.

— Нас встретили, — Эль заглянул под кровать, убеждаясь, что висит она низковато. А единственный угол комнаты занят чемоданами. — Нас приветствовал весь клан, оказав тем самым немалое уважение.

Ага, то есть это я себя уважающей чувствую.

— Нам предоставили кров. Теперь осталось пережить торжественный ужин, переночевать, выслушать хвалебные речи...

Шляпная коробка встала на грудь чемоданов, и надо сказать, смотрелась она вполне гармонично.

— ...Греточка, ты что, мама может увидеть! — жаркий шепот привлек мое внимание.

Я прижалась к стене.

Комнаты нам отвели в боковом узеньком коридорчике, полутемном и довольно пыльном. Вереница дверей одинаково безликих сливались со стенами.

— Нам надо подождать... немного подождать... прадедушка обязательно благословит нас...

Хорошо, что двери не скрипели, а сублинный гном был слишком увлечен собственной речью.

— ...если ты проявишь благоразумие...

— Я уже проявляю благоразумие, — Грета держала гнома за узкую кожаную веревочку, заменявшую галстук. На веревочке болталась пара камней, смутно вспоминаю, что свидетельствовали они о статусе, надо полагать, немалом, но каком именно...

— Что вы устроили?

— Это мама! Она... она сказала, что я должен представить невесту роду... так заведено...

— А предупредить?

Гном смутился.

То есть, или не подумал, или мама запретила... нет, этот тип мне категорически не нравится.

— И чего еще ждать?

Грета дернула за шнурок, и гном торопливо залопотал:

— На ужине будут самые близкие... родные... мама представит тебя всем... и твоих родных... так положено... ты не из нашего рода, пойми... тебя не знают, и чтобы приняли в род... ты должна проявить благоразумие...

...родных и близких набралось сотни две.

На кресле, уже деревянном и с виду вполне удобным, тихо дремал патриарх. Его не беспокоили, разве что время от времени подносили блюдо с очередной снедью, соблюдая одним гномам понятный ритуал. Патриарх во сне вздыхал, пускал слюни и причмокивал губами.

Ужину это не мешало.

...а над креслом повисло марево незнакомого мне заклинания. Щит, что ли? Оно-то, конечно, полезно, мало ли, что от чужаков ждать можно. Но структура его была весьма занимательна. Меня так и подмывало подойти и посмотреть.

Курс по расовым особенностям магии нам читали, но не сказать, чтобы подробный.

— Значит, отца своего вы не знаете? — в третий раз уточнила госпожа Игнера, втыкая вилку в тушку кого-то, весьма похожего на крысу.

— Не знаю.

Про гномью традиционную кухню слухи ходили самые разные, и как-то не хотелось мне на собственном опыте разбираться, сколько в них правды.

— И узнать не пытались?

Пыталась, только... брак матушка не заключала, в моем свидетельстве указала имя собственного батюшки, а дневников, в которые можно было бы сунуть любопытный нос, она не вела.

...тонкое плетение, изящное даже.

— Понятно, — госпожа Игнера произнесла это с нарочитым сочувствием. — У людей слишком вольные нравы... не сочтите на свой счет.

Не сочту.

Постараюсь во всяком случае. И я положила на тарелку чего-то зеленовато-желтого, дрожащего и остро пахнущего травами.

...вот если присмотреться, становятся заметны шесть опорных линий, связанных потоками второго и третьего уровня.

— Когда мой Эричек сказал, что хочет жениться, я обрадовалась, — голос госпожи Игнеры звучал над столами, и даже патриарх сопеть перестал, будто прислушиваясь. — Я давно искала мальчику подходящую партию... кто ж знал, что он в любовь вляпается.

Мальчик зарозовелся.

Он сидел по правую руку матушки и благоразумно помалкивал.

— Признаюсь, я не обрадовалась... что такое любовь? Сегодня есть, а завтра нет... к свадьбе же надо подходить обстоятельно. Или вы не согласны?

Я кивнула, ибо желе оказалось липким, и зубы склеило намертво. Рот наполнился кисловатой слюной, а в душе возникло позорное желание немедля выплюнуть гномский деликатес. И клянусь, сумей я рот раскрыть, выплюнула бы...

...а на четвертом наблюдалась некоторая легкая асимметрия. Я моргнула. Нет, не показалось. Щит тускло мерцал и... если прикоснуться к нему, очень осторожно... исключительно в целях научных, я ведь не собираюсь патриарха убивать.

— Вот и я о том же! — мое молчание было принято за согласие, и госпожа Игнера заметно оживилась, а сынок ее погрузился. — Любовь... это для людей, которые сегодня есть, а завтра нет. Приличные гномы думать должны о выгоде!

Я прикоснулась.

Клянусь, только чтобы потоки рассмотреть подробнее. А щит вдруг мелко задрожал и рассыпался. За соседним же столом кто-то захихикал, и патриарх заворочался, а после и вовсе глаза открыл:

— Что тут происходит? — поинтересовался он сиплым со сна голосом.

— Ничего особенного, — Советник поспешил подать внушительного вида шапку. Пошитая из темно-красного бархата, отороченная полинявшим мехом, она сияла сотней драгоценных камней. — Эрик жениться собрался?

— Да? — патриарх проморгался и шапку принял.

Натянул на макушку. Поерзал.

Снял и сунул советнику.

— Убери эту заразу... тяжеленная... говорил же, пускай в сокровищнице лежит, целее будет, а мне от нее голова чешется.

И не чинясь упомянутую голову поскреб.

— Жениться, значит, — взгляд патриарха, разом утративший прежнюю сонливость, скользнул по столам, уставленным снедью, и задержался на упомянутом Эрике, который от такого высочайшего внимания совсем поблек. — Куда ему жениться? Он еще без маменькиного дозволения до ветру ходить не научился...

— Молодой мастер...

— Какой из него мастер? — непритворно удивился патриарх, позевывая. — Криворучкой был, криворучкой и остался... да не шипи, знаю, что гости... не совсем еще из ума выжил.

Вот тут, судя по взглядам, которыми обменялись достопочтимый советник и госпожа Игнера, с последним утверждением они категорически согласны не были.

— У мальчика талант, просто... еще не прошло достаточно времени, чтобы он раскрылся.

— И закрылся... так кто невеста?

Герда встала и молча поклонилась.

— Ага... ничего такая... крепенькая... Бжизек, старая собака! — этот вопль заставил госпожу Игнеру подпрыгнуть. — Сколько лет тебя не видел... твоя кровь?

— Моя.

— А вторая?

— Тоже моя, — папенька дернул себя за бороду.

— От же ж... — восхитился патриарх, причем, как показалось, вполне искренне. И с креслица своего сполз, едва, правда, не рухнул, в мантии запутавшись, однако удержался, только матюкнулся от души и с немалой фантазией. — Еще вчера по штольням лазил... сколько я тебя за уши драл?

— Много...

— Ага... а у него уже девки... и две... и обе красавицы... скажи своей, чтоб кого другого поискала, а не этого никчемушника...

— Дедушка...

— А ты замолчи, ишь, волю взяли... чего вы мне там подсыпали? Признавайтесь...

Советник слегка смутился, а госпожа Игнера пробормотала:

— Вам давно следовало отдохнуть...

— Тьфу ты... завтра чтоб и ноги твоей тут не было... и чтоб возвращаться не смела, пока я не дозволю... а то этак и отравят, я и не замечу... и любовника своего прихвати...

Гномы зашумели.

Как-то разом и вдруг, а я, наконец, сумела разлепить зубы. Твою ж... и языком провела, проверяя, все ли после этакого деликатесу на месте остались. Надо будет рецептик истребовать, подобная прелесть в работе пригодится. Вот ринется на меня, скажем, вырлупень бродячий, а я ему в пасть гномским яством, и пока он, бедолажный, будет зубы расклеивать, я...

— Боюсь, — голос Советника заполнил всю трапезную, надо полагать, без магии дело не обошлось. — Ваши решения давно вызывали недовольство Совета клана, а нынешнее поведение...

— Засранец, — патриарх покачал головой. — Как был, так и остался... я ж говорил, не меняются люди со временем... и не люди тоже, а мне они про гуманизм и эволюцию. Драли тебя мало...

Стало как-то тихо.

И Эль положил руку на пояс, а мне этот жест его категорически не понравился.

— ...заставляет предположить, что возраст возымел свое. Ваши суждения далеки от реальности...

Патриарх вновь покачал головой и пальцами щелкнул. И стало еще тише. Слышно было лишь как урчит чей-то желудок... а говорят, что гномы и камни переварить способны.

— Устал я от них, — пожаловался патриарх, присаживаясь рядом. Папенька подвинулся, место высвобождая. — Плетут интриги, плетут... слава, честь... я-то думал, поживут, образумятся, а они... бестолочи...

Гномы молчали.

Патриарх наполнил кубок мутной жидкостью, поднял, приняхался.

— Ишь ты... на грибочках настоеная... вам-то оно лучше водицы, а то ж с непривычки оно как-то крепковато будет...

Я кивнула.

Икнула.

— И крысок поставили, — патриарх вогнул вилку в тушку неизвестного — хотя уже вполне известного — существа. — Не пожалели... не кривись, у нас крысы хорошие, откормленные... для наземников, оно, конечно, экзотик полнейший, но что поделаешь, свиньи в шахтах не больно-то

выживают...

Госпожа Игнера стояла, открывая рот и закрывая.

Открывая и...

Советник благоразумно молчал, сам ли, силой ли заклятья — а фоново от дедушки магией так, что у меня зубы занули — и старался стать незаметным.

— Чего встали? — патриарх тушку разломил. — Или стражу кликнуть...

— Дедушка! — взвизгнула Игнера. — Вы... вы... не можете... вот так взять и разрушить жизнь...

— Чью?

— Мою!

— Так а разве я ее рушу? — патриарх прищурился. — Скажи, я велел тебе мужу изменять? Или вот с ним связываться?

— А... а как же... Эричек?

— А чего Эричек? Туточки останетса... в шахту поставим, поглядим, авось, на что и годный... а то ишь разбаловались...

— В шахту ему нельзя, — севшим голосом сказала госпожа Игнера. — В шахте... шубуршится.

И тут все посмотрели на меня.

— Юсенька, — Бжизек прижал руки к груди. — Ты только поглянь...

— Нет, — я смотрела в стену, поскольку смотреть на папеньку было выше моих сил. Совесть, столько лет спавшая, вдруг очнулась и начала припоминать, что ту самую куклу с фарфоровым личиком и глазами, которые, о чудо из чудес, закрывались, стоило куклу на спину положить, что карамельки, что прогулки на площади...

Плечи, на которые меня сажали, и я становилась выше всех.

Сахарных петушков и орехи в меду, которые ссыпались в карман к вящему матушкиному неудовольствию... пучеглазую жабу в кувшине — мы кормили ее червяками — и меч с рукоятью, обмотанной шелковым шнуром.

Красивый.

Почти настоящий.

Им я, помнится, поколотила Тодрика, наглого соседского мальчишку, повадившегося обзывать...

...все равно нет.

— Там оно, если б взаправду было неспокойно, кто-то да пропал бы... а Гнедыш, он за помощь благодарный будет... я уж думал, что он от дел отошел, а раз тут, то... — продолжал увещевать Бжизек, а Грета лишь вздыхала, то ли по рухнувшей любви, то ли по неясным перспективам многострадального ее эликсира.

Нет, партнеров она найдет, но...

...пока найдет, пока притретса, пока на нынешние объемы выйдет, не говоря уже о повышении. Я понимала ее тоску по потенциально упущенной выгоде, однако на памяти моей ни одно вот такое «шубуршание» неясной природы не оборачивалось чем-то простым и безобидным.

Грета ни о чем не просила, но от того на душе становилось совсем уж тошно.

— Я посмотрю, — решил Эль, окончательно испортив настроение.

Герой недоделанный.

...шахта, в которой шубуршалось, расположена была в стороне от прочих. И пара деревянных щитов, щедро расписанных рунами, этак ненавязчиво намекала, что соваться туда не стоит. Я щиты

оценила, как и подернутые ржавчиной рельсы, уходящие во тьму.

Кривые стены.

Мох на них.

Соваться вглубь расхотелось совершенно.

Но разве ж моего... гм, жениха, чтоб не сказать неприлично, удержишь? Он вон и шею вытянул, ушами прыдет, что жеребец на полосе препятствий, прикидывая, как бы сподручней во тьму первозданную нырнуть. Мы с маншулом переглянулись, и я покачала головой: героизм, он такой, от откровенной дурасти недалеко ушел.

Я огляделась.

Как назло, камней подходящих, чтобы огреть героя по затылку, не наблюдалось.

— Ничего не чувствую, — признался Эль, ткнув пальцем в деревянный щит, который взял и хрустнул, что заставило эльфа убрать руки за спину, да только поздно: по щиту поползла трещина, раскалывая рунопись пополам.

Что-то щелкнуло.

Загудело в горе.

— А оно так должно? — поинтересовался Гретин жених, ныне бывший, приставленный к нам то ли проследить, чтобы гости добрались до нужной шахты, то ли предотвратить побег, то ли просто девать его было некуда.

Он то и дело укладывал руку на топор.

Хмурился. Шевелил густыми бровями. Губы оттопыривал.

В общем, старался как мог выглядеть еще большим идиотом, чем был. И надо сказать, у него получалось.

— Должно, должно, — проворчала я, вглядываясь в шахту.

И вот не уйдешь же... не знаю, кто этот щит ставил, но, благодаря ему, что бы там внутри не шубуршалось, оставалось оно в шахте. А значит, совесть не позволит оставить бедных... ладно, не очень бедных и не таких уж беззащитных гномов в неведении.

Нам ведь не надо лезть глубоко.

Два шага.

И веревку привязать, а то ведь иным тварям и этих двух шагов хватит, чтобы голову заморочить. Я присела и веревку достала. Крепкую. Конопляную. Не единожды меня выручавшую. Привычно пробежалась пальцами, проверяя целостность, а то, поговаривали, находились порой умельцы...

Нет, не знаю, что за человеком матушка моя была, но главное правило — проверять снаряжение — она мне в голову вбила.

Пара свечей в негасимых стаканах.

Повязки с отвращающими знаками... Эль от такой отмахнулся, молча вытянув корешок на тонком шнурке. Свое, значит... предусмотрительность — это хорошо.

— А... — глядя на добро, которое я раскладывала прямо в коридоре, Эрчик постепенно бледнел. — Можно, я тут останусь? Посторожу.

— Посторожи, — я решила быть великодушной, главным образом потому, что лишние люди, пусть даже и не совсем люди, главное, что медлительные и беспомощные, мне не нужны.

Вот и...

Тьма молчала.

Эль пялился в нее с видом презадумчивым. А меня посетила чудесная мысль: щиты-то хлипкие... вон, одного тычка хватило, а нежить, она тычком не остановилась бы... и если так, может, нет никого в шахте из тех, которых к ночи вспоминать не стоит?

Может, шубуршится там... не знаю, ручей, в скале запертый.

Или крысы.

Крыс тут, как выяснила, хватает, причем отнюдь не все белые редкой мясной породы.

— И все-таки я считаю, что тебе тоже следует подождать, — произнес Эль. Впрочем, настаивать не стал, только вздохнул, когда я закрепила веревку на камне.

Пара капель особого эликсира... не помню, что варила Грета, но клей получился отменнейший, и проще будет отрубить хвост веревки, чем отковырять ее от камня.

— Держи, — протянул свечу, закрепляя собственную над головой.

— Думаешь...

— Не знаю, — почему-то мысль использовать магический светлячок мне не нравилась. Необъяснимо. Иррационально. Но категорически. А чутью я своему верила.

И Эль поверил.

Огонь он зажег, и мы... я оглянулась, подметив скорбную фигуру Эричка, сторбившуюся над камнем.

Стало темно.

И душно.

В какое-то мгновение мне даже показалось, что этим влажным киселем, заменявшим в шахте воздух, я не смогу дышать. Но нет, приспособилась. Только взмокла как-то и сразу, а не скажешь, что в шахте жара.

Шаг.

И еще.

И остановка. Я вижу эльфа, он напряжен, насторожен, как и я. Прижался к ноге маншул. И хвост его подрагивает. Ему это место категорически не нравится, а я...

Я готова повернуть.

— Что думаешь?

— Здесь что-то не так, — голос Эля тонет в вязком воздухе, и звуки получаются растянутые, размытые. — Не понимаю, что именно...

Никого нет.

Я плету поисковое заклятье, и оно проваливается в вязкую тьму. Падает, падает... и падает, пока не рассыпается под собственным весом. Здесь не просто никого нет, здесь... крысы и те ушли, а это, однако, показатель.

И что имеем?

Я мысленно перелистывала тот самый справочник нежити.

Урлы? Они выедают все окрест, до чего дотянутся, но в шахте чтобы... нет, им, как бы ни противоестественно это звучало, нужны солнечный свет и постоянная подпитка от живого. Снаружи урлы цепляются за траву, за мошек, а здесь скала... или завелся, сожрал все, до чего мог дотянуться, и издох?

Коррозия плесень... эта, как раз-то скалы любит, и тихие влажные места, в которых разрастается стремительно, подергивая камень тонкой пленкой, совершенно безобидной с виду.

Нет, плесень щитами не остановишь.

Ее споры имеют отвратительное свойство разноситься даже такими слабыми токами воздуха, как в подземельях. А попав единожды в вентиляцию... да и не слышали о плесени уже не одну сотню лет.

К счастью.

Но камни я осмотрела.

Обычные. Темные, грязноватые с виду, но при том лишенные и маслянистого блеска, и характерного ванильного аромата.

Тогда...

...нет, в справочнике имелся изрядный список тварей больших и малых, которые не отказались бы от подобного убежища, но в большинстве своем они были не то, чтобы безобидны, скорее уж вполне уничтожимы обычными людьми.

Или гномами.

Нет, тут что-то другое...

Веревка под рукой вдруг вздрогнула, натянулась и вполне характерно ослабела. А скала, точно этого и ждала. Она содрогнулась, задрожала...

— Держись, — Эль вцепился одной рукой в меня, а второй, кажется, маншула за шкуру ухватил. Верно, если потеряемся, на него одна надежда.

Додумать я не успела.

Пол вдруг наклонился. Сперва немного, я даже подумала, что движение его почудилось, но каменная плита, на которой мы стояли, издавала протяжный скрип, а потом взяла и провалилась.

С нами вместе.

Твою ж...

...выберусь, я им тут покажу шубуршание...

Падали мы недолго, я даже испугаться не успела. И что куда актуальней, не выпустила руки Эля и собственной сумки.

Каменный пол встретил недружелюбно.

Я упала набок, неудачно хряснувшись левым плечом об острый уступ. Куртка, конечно, защитила от раны, но синяк останется. А пока...

— С тобой все в порядке? — осведомился Эль, поправляя сползшую повязку. Выглядел он несколько растерянным, но и только.

— Все, — я потеряла плечо, мысленно успокаиваясь.

Потом всех убью.

Когда выберусь.

Именно, что когда, а не если... о таком и думать не стоит, ибо мысли наши — наши враги... и...

...что они скажут? Ушли и исчезли?

Выражаем сочувствие... соболезуем даже.

— Не понимаю, — я огляделась. Мы оказались в коридоре, который от верхнего если чем и отличался, то количеством пыли. — Они ведь специально, да?

Ладно, древняя ловушка вдруг взяла и сработала, бывает такое. Но веревка! Мы бы повисли на ней и выбрались, если бы... если бы кто-то ее не подрезал.

Кто-то мелкий и подловатый.

Кто-то оставшийся веревку сторожить и...

— Боюсь, в этом есть моя вина...

Эль осматривался.

Есть. Как не быть. Я ведь не хотела сюда соваться, я была, честно говоря, категорически против исследования этих вот шубуршаний, но... промолчу. Упреки не помогут. К тому же, подозреваю, что, если нашим добрым хозяевам понадобился некромант, они бы нашли иной способ его получить. Так что...

Я пошевелила рукой.

Сгибается. И разгибается. Сунула нос в сумку, убеждаясь, что содержимое от падения не слишком пострадало. И потрепала маншулу по загривку.

— Куда направимся?

Коридор был одинаково уныл и пустынен в обоих направлениях. И вспоминая, что в привычках гномов было создавать под землей целые лабиринты...

...нет, мы выберемся.

Хотя бы затем, чтобы оттаскать одного сволочного патриарха за бороду. Ишь, разыграли представление, а мы и купились...

В руках Эля появились мечи, которые тускло поблескивали во тьме. А я опять создала заклятье... и опять впустую. Что ж, наверное, стоило порадоваться, что здесь никого нет, однако радость получалась какой-то не совсем искренней.

Я бы предпочла тварь известную этой вот...

— Веди, — разрешила я маншулу. — Как-нибудь, чтобы на свет божий выбраться...

Вряд ли он поймет, хотя... маншул встрепенулся и бодро зарысил по коридору. Что ж, если особой разницы нет, куда идти, то можно и за ним.

И мы пошли.

И шли.

Шли.

Коридор становился то уже, — однажды пришлось протискиваться боком — то шире. Порой он поднимался, но лишь затем, чтобы в следующую сотню шагов опуститься на уровень ниже. Время от времени он раздваивался или, наоборот, вливался в другой такой же безликий и пустой коридор...

А мы шли.

И я даже перестала вслушиваться в каменную тишину, и когда Эль остановился, тоже остановилась.

— Нам следует отдохнуть, — сказал он, опускаясь на каменный пол.

Отдохнуть?

Уставшим он не выглядел, а вот я... это место угнетало. Никогда не любила закрытых помещений, а тут... тьма впереди, тьма позади.

Мертвый кот, глаза которого тускло светились.

И пока еще живой жених.

...пока, пока...

Живой.

Живой?

Этот шепоток слышался из камня.

Или мерещился?

...мерещился, мерещился...

Твою ж...

— Подъем, — я вскочила и огляделась. — Надо убираться... мертвое эхо.

Дважды повторять не пришлось.

И мы побежали. Мы бежали настолько быстро, насколько это у меня получалось. А я, хоть и старалась переставлять ноги — как-то вот не улыбалось мне стать частью местного мертвого мирка — но все равно была много медленней Эля.

...медленней, медленней...

...не уйдешь...

...не...

Тварь шелестела украденными голосами, подгоняя, поторапливая, а я... что мы можем против мертвого эха? Исчезнувшего в веках, описанного в легендах, существовавшего во времена незапамятные, от которых остались заброшенные города и...

...и ничего.

— Стоп, — я поняла, что еще шаг, и просто слягу. — Оно... здесь... давно...

Обжилось.

И протянуло тончайшие ловчие нити на мили вокруг, а может, пронизало ими все коридоры, и сколько бы мы ни старались...

Маншул зашипел.

А я стиснула кулаки: нет уж, я не позволю вот так взять и свести меня с ума.

...с ума, с ума.

Эхо имело отвратительную привычку соглашаться.

А еще оно не трогало тела, в чем мы убедились парой сотен шагов позже. Человек лежал в углу, подтянув ноги к подбородку, обняв их...

Тело успело мумифицироваться.

Кожа потемнела, мышцы иссохли, но вот одежда... характерный черный плащ, сапоги из шкуры виверны, а главное почти пустая сумка.

Некромант?

Я присела.

И, зажмурившись, потянулась к серебряной бляхе. Пусть я больше не в Гильдии, но... он заслуживает хотя бы строки в хрониках.

...заслуживает, заслуживает.

Да не тебе говорю...

...говорю.

Уши заткнуть бы, но, сомневаюсь, что поможет. В сумке мертвеца, что характерно, было пусто. Я потрясла флягой, убеждаясь, что если вода в ней и имелась, то лет этак с полсотни тому. А у нас самих немного...

...немного.

Заткнись уже. Как ни странно, потенциальная близость смерти лишила меня всякого страха. Бляху я подняла, потеряла о рукав куртки и, сунув в сумку, спросила:

— Что делать станем?

...станем, станем...

Нежить присоединилась к вопросу.

— Н-не зн-н-наю, — честно ответил Эль. И предложил. — М-может п-попробуем найти выход?

То есть, план прежний, главное, не вслушиваться в мерзопакостный шепоток, утверждавший, что, даже если нам повезет, очень-очень повезет добраться до выхода, выйти мы все равно не сможем.

Но, отдышавшись, я махнула рукой и сказала:

— Пошли, что ли?

И мы пошли дальше... глубже, то ли ниже, то ли выше, я окончательно запуталась в

хитросплетениях подземных ходов. Вот ладно я, а что они эльфячьей матери скажут, когда та явится? И памятью о характере моей потенциальной свекрови, дело светским визитом не обойдется...

...обойдется...

Вряд ли... она весь клан в подземелья спустит, в полном составе... думалось об этом, честно говоря, с изрядным скептицизмом, но все же...

Мы шли.

И отдыхали. И опять шли... еще тело... и два... эти лежат давно... а вот и просто горочка костей... аккуратная такая горочка. Черепа гладенькие, кости беленькие, будто вываренные...

...вываренные...

А тропа распадается на два рукава, и из левого тянет сыростью, но маншул, встав у прохода, шипит. И раз так, то соваться туда не стоит.

...не стоит.

Нечисть была на редкость терпелива. Убить нас она не пыталась, а что шептала, то... может, соскучилась за столько лет по общению.

...общению.

Мы остановились в темном зале. Нет, предполагаю, некогда он был вполне себе роскошным. Во всяком случае, на стенах сохранились остатки резьбы, пол украшала удивительной красоты мозаика, а колонны тускло поблескивали глазами полированных камней.

Эль опустился на пол.

А я так просто упала и, вытянувшись на драгоценном салльском мраморе — только он обладает удивительной способностью собирать разлитую силу и светиться — прикрыла глаза. Думать о том, что мы умрем, не хотелось совершенно. А мечтать о чуде не позволял здравый смысл.

Поэтому я просто лежала.

Лежала и...

...интересно, знают подземники, что за гость поселился внизу? Должны... и если так, то почему нас так настоятельно зазывали посмотреть? Избавиться? Ввиду поползновений Греты на того хилого недоучку? Сомнительно... они вполне законно нашли бы сто десять причин не допустить свадьбы... и вообще, замуж хотела Грета, а оказались в подземельях мы с Элем.

— Как думаешь, наших отпустят? — я спросила, не открывая глаз. Голос разнесся по пустому залу, который, следовало признать, был весьма внушительных размеров. Строить гномы умели и любили.

— П-полагаю, что д-да... им нет нужды приносить в жертву всех.

— В жертву? — я приоткрыла глаз.

Жертвой быть я не желала.

Категорически, между прочим. Жертва — это... это дева беззащитная... я и не дева давным-давно, и с беззащитностью у меня как-то тоже с детства не ладилось. Помнится, матушке частенько на меня жаловались.

Я вздохнула.

И нежить вздохнула тоже.

А Эль счел нужным пояснить:

— Я н-не уверен, однако... в д-древние в-времена существовал обычай... когда п-подгорники з-заклучали своего рода сделку с... — он стиснул мою руку. — Они отправляли вниз чужаков, которые служили пищей, а нежить не трогала тех, кто отмечен знаком клана...

Ага.

Дважды ага.

Трижды, если разобраться... и на что это похоже? На полную задницу, в которой, конечно, мне

случалось бывать, однако нынешняя была какой-то слишком уж полной. Можно сказать, всеобъемлющей.

— То есть, нас скормили... этому... этой...

...а что я вообще про Мертвое эхо знаю?

Я нахмурилась и почесала переносицу. Не так уж много. Все же оно было скорее мифом... нечто приходило и оставляло после себя разоренные города. А в редких записках упоминались лишь голоса в голове. Голоса имелись. Город...

И я открыла глаза. То ли они окончательно сроднились с темнотой, то ли мрамор был тому виной, но я могла узреть зал в полном его великолепии. Тонкие колонны стволами диковинных деревьев поддерживали свод, расписанный, к слову, травами и цветами. Вырезанные из камня, последние казались вполне себе живыми. А вот пол... пол был странным. Нет, мраморным, это да, однако то, что мне показалось мозаикой, было...

Дырами?

Яминами?

Не совсем, чтобы яминами... вон та линия явно рукотворная, то есть кто-то удосужился выложить полукруглый борт из двух сортов мрамора, огораживая дыру в земле? А вон там...

— Здесь, полагаю, была оранжерея, — сказал Эль, заметив мое любопытство. — И если так, то я представляю, где мы находимся...

Оранжерея?

Под землей?

— А разве... как они сумели? Без солнца?

— Солнцецветы, — Эль указал на потолок. — Погоди...

Он начертил в воздухе какую-то руну, и потолок засветился. Сначала тускло, но с каждым мгновением свет становился все более ярким.

...ярким, ярким...

Я жмурилась, а нежить... нежить определенно испытывала немалое удовольствие. Какая неправильная, однако, нам попалась нежить.

...нежить, нежить...

Свет исходил от крупных камней, вмурованных в потолок. Являвшиеся частью узора, они были незаметны, во всяком случае, пока не начинали сиять.

Солнцецветы?

Верю.

Сотня маленьких солнц, которые разогнали мрак, вот только светить было больше не для кого.

...кого, кого...

Эхо было со мной категорически несогласно. А еще я уловила нечто, что можно было трактовать, как сожаление.

Эль же сунул палец в иссохшую землю, из которой торчало пару былинков.

— Отсюда ушли и давно...

...давно, давно...

Эхо подтвердило. И... если уж оно настроено на беседу, если... разумное? Я не настолько революционно мыслю, однако... хуже ведь не будет?

...не будет.

Оно появилось...

...появилось. Возникло. Потом. Уже когда внизу не осталось живых. Оно было маленьким и

охотилось на мелких существ, которые водились во множестве. Поскольку охота давалась легко, оно росло.

Расползалось.

Постепенно осознавало себя.

...э нет, не хочу я видеть, как нежить себя осознает. И зрелище, как медленно растворяется плоть горняка, мне тоже покоя душевного не прибавит.

...оно росло.

И по мере роста менялось. Оно съело и мелких тварей, и иных, покрупнее, оно... постепенно перестало нуждаться в плоти как таковой и ныне поглощало сырую силу. Вот только...

...внизу было скучно.

Пожалуй, именно так можно было интерпретировать эту эмоцию. Оно изучило все ходы и выходы, оно даже выглянуло наружу, но то, настоящее солнце, оказалось слишком злым. Оно спускалось и поднималось... и щиты, которые закрыли проход, на самом деле не удержали бы, пожелай оно выбраться, но...

...был периметр.

И договор.

Кем заключенный? Оно пыталось объяснить, но я так и не поняла: то ли гном, то ли некромант, то ли гном-некромант, получивший немалую силу, сумел как-то провести границу, через которую нежить не переступала. А взамен...

...я моргнула.

Если выберусь, точно статью напишу. Или две... с большой долей вероятности их объявят ересью, но это не так уж важно. Главное, мир должен знать.

И о подгорниках в том числе.

...ну, папенька, удружил... старый друг, не обидит... кого-то, может, и не обидит... мы с мертвым эхом вздохнули одновременно.

Спали мы в зале.

Раз уж Эхо утверждает, что иной нежити в округе не осталось, а само нас пожирать в обозримом будущем не планирует, то... почему бы и нет?

Заснула я мгновенно, стоило лишь закрыть глаза, и сияние солнцезвездов попритихло, что было хорошо. Эль улегся рядом, обнял меня, а я не стала возражать, потому что вдвоем теплее и вообще... лучше, если в месте подобном рядом есть кто-то живой.

Снились мне апельсины.

Много апельсинов.

Очень много апельсинов.

Яркие оранжевые шары катились, собирались в пирамиды и рассыпались.

Они одуряюще пахли.

Были сочны и мягки.

И определенно, сладость, которую я помнила, помнила не совсем я. Вот на этом месте я и соизволила выпасть из странного сна в скучную действительность, где красок почти и не было.

— Слушай, — голос спросонья был сиплым, надсаженным. А волосы стояли дыбом. И пахло от меня... не апельсинами, определенно. — А у тебя тоже в голове апельсины?

— Шинемские, — уточнил Эль, потирая виски. — Оно их пробовало.

...пробовало, пробовало.

— ...и полагаю, ему понравилось...

...понравилось, понравилось, понравилось...

Образ вспыхнул и погас.

То есть, нежить тоскует по апельсинам? А если...

Мы с Элем переглянулись.

— Слушай, — я осмотрелась. — А давай мы с тобой тоже... договоримся?

...договоримся?

...система водоснабжения, как ни странно, работала вполне исправно. Стоило наполнить кристаллы силой, и насос загудел, захрипели трубы, принимая воду. Ее поднимали откуда-то снизу, и тварь поспешно нырнула в камень, не желая пропустить такое представление.

— Главное, чтобы фильтры не засорились, — меланхолично сказал Эль, постукивая по трубе, что характерно, инкрустированной янтарем. Труба зазвенела и выплюнула горсть песка.

Правда, вода тоже пошла.

Позже.

Грязная сперва, смешанная с землей и какой-то слизью, о происхождении которой задумываться не стоило. Но слизь иссякла, а вода...

Вода нам была нужна.

Мы пили из краника, вмонтированного в первую колонну. Как оказалось, внутренности их были пусты и являли собой сложные системы фильтрации, что характерно, с функциями самоочистки, которая включилась и заработала.

Строить гномы умели.

— Дальше вода обогащается минералами... запасы еще есть, это, полагаю, общественный сад Тирдаха...

Затерянного города, о котором сложено немало легенд?

Да быть того не может...

...может, может.

Тварь за очисткой наблюдала с немалым интересом. Ее и вода текучая не смущала, и солевые растворы она пробовала, правда, пришла к выводу, что вкус у них явно не тот.

— Мы проектировали не так много систем, и у каждой свои особенности, — Эль нежно провел по гладкой колонне. — Здесь использовался принцип платформ, накладывавшихся одна на другую. Это позволяло повысить полезную площадь... основные поверхности занимали травы...

Земля пила воду.

И я надеялась, что в ней уцелели семена. Я слышала, что семена могут переносить даже пожары. А нежить... нежить травой никогда не интересовалась. Разве что нынешняя, которая поспешно нырнула в землю. И перед внутренним моим взглядом вспыхнули сотни крохотных искр.

Уцелели.

Стало быть, шансы не так уж и плохи. И вообще...

...снилась мне Грета в белом платье, стоящая на горе из оранжевых апельсинов.

Утро — подозреваю, утром оно было условным — принесло новую головную боль. Нежить явно заглянула в мои сны, и теперь отчаянно желало узнать, зачем такое неудобное одеяние. Те, кто попадались ей прежде, носили вещи куда как попроще.

А платье понравилось.

И...

— Это свадьба, — сказала я, наблюдая, как Эль разгуливает по древней оранжерее. Он то и дело останавливался, запускал пальцы в землю и замирал, прислушиваясь к чему-то, мне явно недоступному. И я чувствовала, как тоненько звенит нить чужой магии.

Нежить тоже чувствовала.

И сдерживала себя, что похвально, дабы магию эту не сожрать. Уже ради этого стоило бы ей объяснить про свадьбу...

Я зажмурилась.

Итак, свадьба... это когда двое разумных существ разного пола... как это? А вот так, я женщина, а эльф — мужчина. И вместе у нас будут дети.

Сугубо теоретически.

Про теоретически Эхо не поняло, но детьми заинтересовалось.

Я и показала ей сперва орущего младенца, над которым склонилось поддюжины голов... потом измазанного кашей карапуза, эту кашу выплевывающего... на маменьку, естественно, прочие, наученные горьким опытом держались в отдалении. Или вот еще мальчишка с рогаткой у соседского окна...

...дети — это счастье.

Нежить недоумевала.

Но слушала.

А Эль, остановившись в центре зала, возложил руки на центральную колонну, украшенную пятеркой солнцезвезд. Он прижался к ней и...

— Так вот, когда двое понимают, что жить друг без друга не могут, они... как бы заявляют всем вокруг, что принадлежат друг другу. Этот ритуал называется свадьба, — подозреваю, вслух разговаривать было совсем необязательно, но уж больно зловещей была тишина.

И есть хотелось.

Очень.

Остатки сухого хлеба мы догрызли еще вчера, а полоски вяленого мяса, захваченные скорее по привычке — хорошие у меня привычки, однако, — исчезли и того раньше. В животе урчало, а на душе скреблись кошки.

Кошку я тоже показала.

— Они приглашают гостей... — сам собой возник образ недавнего застолья. — И жреца...

...который осенял благословением мрачную невесту. Жених был тих и сосредоточен, морально готовился, полагаю.

— И радуются...

...бывшая подружка старательно улыбалась, но взгляд ее, не предвещающий ничего хорошего, то и дело останавливался на мне. Я улыбалась в ответ.

Сама пригласила.

— Потом они живут... вместе... долго, и если повезет, то тоже счастливо.

...с тихим шипением и острым каблуком, который впился в ботинок несчастного, заставляя того выпасть из полудремы. Глен терпел. И пытался притворяться, говорил что-то нежное, только слова невесту злили, и злость становилось трудно удерживать.

А я не понимала, да и по-прежнему не понимаю, в чем причина.

Да, я воспользовалась приглашением, но...

...она и вправду рассчитывала, что я буду играть сироткину роль? Хотела продемонстрировать моему бывшему, сколь мало он потерял, отказавшись от меня? Или не только и не столько ему?

Для чего нужен был спектакль?

Мы честно отсидели ту свадьбу.

И даже потанцевали... танцы я показала, мне не жаль. Тем более, что танцевал скорее Эль, а я так, старалась не оттоптать бедолаге ноги.

Нежить вздохнула.

И кажется, приобняла меня сочувственно. Ну или, что вернее, примеряясь, дабы сожрать.

Эхо возмутилось.

Ладно, ладно... свадьбы... в общем и целом... на свадьбах мне бывать не то, чтобы не доводилось, но вот гостем чтобы... была одна, в деревеньке Тихий стан, где был чудесный обычай вытаскивать столы с угощением на улице... вспомнились вдруг жареные куры и поросята, фаршированные гречкой. Гусиные ножки, в меду томленные... мутный самогон, пить который могли лишь местные и те побрякивали, оглаживали усы.

...пьянка.

Драка.

Песни до рассвета. Шмырлы, гонять которых меня наняли, но они, притихшие было, вдохновились пением и завыли... а там и упырек поднялся.

Или вот...

Мою ладонь пощекотало, а поскольку щекотать тут было некому, я вскочила и...

...травинка. Зеленая такая. Нарядная. Красивая. И главное, не одинокая. Из темной жирной земли, которая как-то вдруг утратила всякое сходство с прахом, выглядывали ростки.

Я присела.

Осторожно коснулась пальцами острой травинки. Надо же... а вот и красноватый стебелек то ли дерева, то ли куста, согнулся, застряв листьями в кожуре семени. И там еще один... другой...

— Эль?

Он не ответил.

Он покачнулся и осел... бестолочь ушастая. Клянусь, если мы отсюда выберемся, я сама его за эти уши оттаскаю, чтоб знал в следующий раз, куда лезет.

...Эль был жив.

Лежал себе тихонечко, дышал, хоть и слабо. А я пыталась напоить его. Еды у нас все еще не было, а без нее... сколько он сил вбухал?

Зелень росла.

Как сказать, росла... вот черные пятна затянуло зеленью газона. И трава рвалась ввысь, выстреливая тонкими метелками соцветий. Где-то торопливо, будто опасаясь, что, если промедлить, место займут, разворачивал колючие стебли шиповник. И вот уже белели первые цветы, очаровывая Мертвое эхо. А дальше поднимался тонкий хлыст молодого ясеня...

...и не только его.

На зов эльфийской магии откликнулись все, кто был жив...

...вот молоденькая березка звенит клейкими листьями. И рядом с ней спешно тянется к потолку дерево с угольно черной корой, которую щедро украшают колючки. Чуть дальше расползается по траве вьюнок, и алые пятна огнецветов спешат укрыться от постороннего взгляда.

Всего было много.

И... недостаточно.

Я вздохнула и пристроила голову Эля на колени, коснулась волос... обидно будет пропасть вот так, по глупости... нет, по умности пропадать тоже особой радости нет, но сейчас... что станет с Гретой?

Или... папенька ведь не бросит?

Надеюсь, что не бросит...

Гномы выплатят виру... как пить дать, эти засранцы привыкли откупаться от неприятностей, а значит, бедность ей не грозит. И вообще, сестрица у меня, пусть и с прибабахом, но не дура, сумеет устроиться. А вот маменьку Эля жаль... у нее ни сына, ни котика...

Маншул приоткрыл глаз.

Да, или он надеется... а почему бы и нет? Он ведь мертвый, ему ни вода, ни еда не нужны, а разлитой в подземелье силы хватит, чтобы подпитывать связку реанимирующих заклинаний. Только кое-что в структуре придется поправить.

Я и поправила.

А нежить, как показалось, запомнила.

Даже знать не хочу, будет ли она их использовать...

...будет, будет.

А теперь записка... коротенькая, но душевная... и чего пишут? Я вас люблю, душите гномов? Или... клоч бумаги нашелся в сумке, и перо здесь же.

Итак...

Внизу Мервтое эхо.

Предупредить о таком стоит.

Я почесала себя за ухом, пытаясь выдернуть правильную мысль. Все же письмо мне давалось крайне редко...

...ага, если так?

Гномы приносят жертвы.

Мы в Тирдахе, восстанавливаем оранжерею.

...а заодно беседуем с нежитью. Но об этом писать не стоит.

Я скрутила листочек и, подумав, сунула маншулу в пасть. А что? Есть ему не надо, орать он не орет... всяко надежней.

— Иди, — сказала я, вздохнув. — Отнеси...

Кому?

В Гильдию? Письмо выкинут и забудут, а маншула упокоят, так, на всякий случай. Эльфячьей матери? До нее путь неблизкий и, сомневаюсь, что маншул его преодолеет.

Папеньку искать?

Грету?

Что-то есть у меня подозрения, что гномы появлению этого пропадалца рады не будут. Да и папенька... помнится, в прежние времена ему выдержки порой не хватало. Вдруг да начнет гномов обвинять, а те разобидятся и спровадят ненужных свидетелей прямиком в подземелья.

— Эльфу, — решила я. — Найди кого-нибудь из ихней братии...

— Их, — просипел Эль, приходя в сознание.

— Их братии... и отдай.

...если получится.

Маншул махнул хвостом и исчез. А я посмотрела на жениха, выглядевшего именно так, как должен выглядеть эльф, в одиночку дерзнувший восстановить древнюю оранжерею.

— Жив?

— Как ни странно, — он сел и потрогал голову. — Я думал, будет хуже... все-таки... здесь... много энергии и... не знаю, как выразиться, она доступна. А потому...

...потому мы, быть может, не успеем умереть от голода. Вон то деревце, подозрительно напоминающее с виду яблоню, в цвету стоит. Этак пару часов и яблоки появятся.

...апельсины.

Экая настойчивая нежить.

Апельсины... а неплохо бы... я постаралась отрешиться от голода, но не получилось... апельсинку бы... круглую, оранжевую, с неровной корочкой, которая была бы мягка и плотна.

Отламывается кусочками.

А под ней тоненькая пленочка белая... она еще под ногти забивается, окрашивая их в оранжевый цвет. Запах апельсина стал почти явен.

И я ощутила в руке тяжесть его.

Сок, текущий по пальцам.

Мякоть...

...и сладость.

Сок был.

Тек по пальцам. И апельсин имелся. И... кажется, это уже галлюцинации, но пускай себе. Я разделила галлюцинацию пополам, и половину протянула Элю.

— Держи.

А он почему-то не удивился, но взял, предупредив:

— Косточки не ешь. Я не уверен, что здесь есть апельсиновые деревья.

Конечно.

Косточки я выковыряла и, подумав, сразу воткнула в траву. А они взяли и проросли, причем быстро так, будто только и ждали.

Галлюцинации, они такие, своеобразные.

Апельсин был именно таким, как должно, сладким, но с небольшой кислинкой, которая заставила меня счастливо жмуриться. И даже чувство голода попритихло, а на апельсиновых деревьях появились цветы...

— Знаешь, — я вытянула ноги, разглядывая еще одно чудо, — а здесь очень даже мило...

...мило, мило...

Деревца переплелись ветвями, сроднясь в некое подобие беседки. И стоило сказать, что смотрелась она по-эльфийски утонченной.

Извращенной.

Потому что листья у апельсиновых деревьев были кленовыми, яркого алого оттенка.

— Бывает, — сказал Эль, поднимаясь на ноги. И руку протянул. Прислушался к чему-то. Кивнул. И сказал: — Я согласен.

На что это?

Я вот категорически против, потому что...

...поднявшийся откуда-то ветер закружил меня в вихре белоснежных лепестков. А они... это что, платье? Поверх моего запыленного костюма, который... белое, мать его, платье, из лепестков сотканное.

И смех нежити.

Апельсин у нее имелся. Теперь она хотела свадьбу.

...из подземелий мы выбрались.

Сколько времени прошло? Понятия не имею.

Но мы выбрались.

Была узкая дорога, пролегающая сквозь джунгли, ибо одной оранжереей Эхо не ограничилось, и весь общественный сад проклятого города зазеленел с небывалой силой.

Была река.

И древняя лодка, которая грозила рассыпаться от прикосновения, но спуск — удивительное дело — выдержала.

Узкая нора.

Кости под ногами.

Сокровищница, слегка запыленная, но меж тем роскошная... мы шли по золоту, и я любовалась переливами драгоценных камней, но почему-то не возникало ни малейшего желания взять хоть один.

...взять, взять...

Эхо следовало за нами.

Оно наблюдало.

Направляло.

И в тот единственный раз, когда камень вдруг обернулся хищным пожорником, просто выпило тварь, для успокоения которой требовалась полная звезда некромантов.

...взять...

Шепот раздавался в голове, и я... я смотрела.

На венцы, достойные любого короля, на ожерелья небывалой красоты и умопомрачительной стоимости. Что уж проще, сунь такое в карман и остаток жизни забот знать не будешь.

Россыпи колец.

Ковры из украшений, столь тесно сплетенных друг с другом, что они все вместе казались чем-то единым, неразделимым...

Я зачерпнула горсть черных алмазов и позволила камням падать сквозь пальцы.

— Спасибо, но...

...на них не было проклятья, того, которое можно было бы снять, пусть и изрядно попотев. Но сами по себе эти камни впитали боль и одиночество Тирдаха. А потому не стоило их трогать.

Просто не стоило.

И Эль был со мной согласен. А вот Эхо огорчилось...

...огорчилось, огорчилось...

Тогда я ее и заметила, тонкую былинку, протянувшуюся поперек древнего амулета. Золотая бляха, украшенная выводком огненных опалов была роскошна, как и все здесь, а вот былинка... полупрозрачное тельце, нити-корешки, которые торопливо обвили мой палец, словно бы растение — надеюсь, что это все же растение — опасалось, что мы уйдем, бросив его.

...эльфячьей маме подарю, если у меня не приживется.

Былинка быстро выплонула ряд тонких стебельков, а после вовсе скрутилась в плотный шар.

Надеюсь, оно не хищное.

...хищное, хищное.

Что ж...

...тогда точно маме подарю.

Нежить, кажется, рассмеялась.

А мы все-таки выбрались, пусть последние часы пришлось ползти на четвереньках. Солнечный свет ослепил, а ветер показался упоительно сладким. Порыв его будто стер всю грязь и вонь подземелья, заставив нас очнуться.

И...

— Мы же никому не скажем? — без особой надежды поинтересовалась я.

Платье из лепестков апельсина дрожало на ветру, но осыпаться не собиралось. Оно вообще оказалось на диво прочным, любые дыры моментально срастались, грязь к нему не липла, а паутину, которой затянуло нору хода, платье, по-моему, просто сожрало.

Как-то вот...

— Боюсь, придется... — Эль щурился, глядя на солнце, и улыбался.

Так улыбался, что и мне захотелось смеяться.

Да что там смеяться: хохотать и плясать, кружится на этом треклятом камне, и плевать, что нависает он над пропастью и вообще... спуск выглядел весьма сомнительным. В том плане, что сомнительно было, что нам вообще удастся спуститься.

— Ты никогда не задумывалась, откуда берутся боги?

Я покосилась на своего... гм, мужа... надо привыкать, похоже... или не стоит? Его матушка, надеюсь, сумеет разрешить проблему...

...или нет?

Если вдуматься, Эль — не худший вариант.

И...

...платье у меня было, водопад из белых лепестков тоже имелся... музыка, звучащая в голове и смутно так знакомая, будто кто-то взял мелодию и перепел ее на свой лад...

Кольца.

Правда, сплетенные Элем из двух стебельков травы, но, глядя на хрупкое свое платье — в столице за такую красоту удавились бы — я испытывала некоторые сомнения. Вот сдавалось мне, что стебельки эти и огонь с водой выдержат, и проклятий пару в придачу, причем без особого для себя ущерба.

— Это Мертвое эхо...

— Уже нет, — он присел на валун и вытянул ноги, откинулся, опираясь спиной на заиндевшую скалу. — Оно... уже разумно. И способно к разговору. Оно осознало себя. И осознает мир вокруг. Оно обладает силой достаточной для воплощения...

Это он про апельсины, да?

— Созданное им несет отпечаток... высшей силы, — Эль поднял на ладони кружевной подол.

— То есть, мы встретили бога?

— Пока еще нет. Но уже скоро... еще несколько тысяч лет...

...что ж, у эльфов свои понятия о скором. Я же перевела разговор на то, что меня беспокоило именно в данный момент:

— Спускаться как будем?

А Эль стянул с шеи шнурок с лиловой бусиной и, смутившись, пояснил:

— Внизу она не сработала бы... сила другая.

...ага, понимаю, почти божественная.

Эль протянул руку.

...а вот предупредить, что точка переноса на его особняк настроена, не удосужился.

...светлорожденная леди Алауниэль пребывала в весьма смятенном состоянии духа, что с ней в последнее время происходило непозволительно часто. И ныне причиной тому было не только исчезновение сына, чье неподобающее поведение вышло за рамки разумного, но и внеурочный визит свекрови.

Леди Алауниэль подозревала, что визит этот вовсе не случаен.

— Лето здесь жаркое, — в третий раз сказала она, старательно улыбаясь и наполняя хрупкую чашку цветочным чаем. — К тому же человеческие города так тесны... неудобны... право слово, мне жаль, что вы проделали весь этот путь...

...леди Эрраниэль чай пила.

И смотрела этак, снисходительно. Отчасти именно ее взгляд, который напоминал леди Алауниэль, что она вовсе не так уж идеальна, и заставил ее некогда поспособствовать отъезду семьи из благодатных земель...

...благо, леди Эрраниэль была не в том возрасте, чтобы любить путешествия. А пребывавшая в сени Вечного леса свекровь была вполне себе терпима.

Редкие же визиты следовало просто пережить.

— Что-то Торви выглядит бледновато, — сказала свекровь с упреком. — Похудел...

Упрек леди Алауниэль проглотила со всем возможным смирением. Лишь вздохнула:

— Он слишком увлекается работой.

— Дорогая, — снисходительно произнесла свекровь, соизволив пригубить чая, — нельзя мужчинам позволять увлекаться чем-то... они же, право слово, как дети... к слову о детях. Где мой внук?

Леди Алауниэль открыла рот, чтобы сказать... нет, не ложь, это право слово недопустимо: лгать любимой — а как иначе? — свекрови, но... в общем, что-то да сказать, когда сторожевой периметр дома содрогнулся, изогнулся и лопнул. Конечно, плетения восстановились почти мгновенно, однако это «почти» не укрылось от внимательного взгляда леди Эрраниэль.

— Тебе стоит больше внимания уделять вопросам безопасности. Все же вы живете среди людей... вот в Вечном лесу...

...про Вечный лес она могла говорить долго и с немалым удовольствием, всякий раз перемежая рассказ вздохами, взглядами, преисполненными печали, и скрытыми упреками: сколь жестоко было со стороны леди Алауниэль уезжать куда-то, отрывая от матери единственного сына.

— Бабушка! Ты приехала! — Тири смахнул с уха липкую паутину. — Я так рад...

— Мы все рады, — в сторону произнесла леди Алауниэль. — Безумно...

— ...ты как раз вовремя...

Он вытолкнул вперед свою девицу, еще более заморенную и чумазую, нежели обычно. Облаченная в нечто, вида преудивительного — будто тончайшее кружево набросили поверх невероятно грязной, драной одежды — она выглядела именно тем, кем являлась: человеком.

— ...знакомься, — Тири положил руки на плечи девицы, и платье, от которого разило незнакомой силой, шелохнулось. — Это Юся. Моя жена...

...леди Алауниэль прикрыла глаза. В присутствии свекрови и сознание не потеряешь, будет потом двести лет изводить намеками на слабое здоровье.

— А мальчик-то вырос, — заметила леди Эрраниэль со странной усмешечкой. — Поздравляю.

Кого именно поздравляли, леди Алауниэль не сочла нужным уточнять.

А человека, икнув, должно быть, осознала глубину своего падения... сиречь, вышину взлета, сунула руку в карман и вытащила нечто крохотное.

— А это вам... — сказала она, раскрывая ладонь. — Подарок...

И не иначе, чем пережитым шоком, нельзя было объяснить, что леди Алауниэль покорно протянула

ладонь, в которую упал махонький полупрозрачный шар. Правда, он моментально развернулся и...

...эти полупрозрачные, будто вырезанные из драгоценного камня, стебли. Тончайшие листья, преломляющие свет. И махонькие, с булабочную головку, бутоны.

Быть того не может...

...они исчезли. Или считались исчезнувшими еще в незапамятные времена, да и тогда были редкостью.

Они селились в глубинах гор.

Или в подземельях, отмеченных силовыми аномалиями.

Они... являли собой воплощенную частицу бога, во всяком случае, так считалось. Правда ли это, леди Алауниэль не знала и проверять не собиралась. В конце концов, какая разница? Главное, теперь в ее доме появилось собственное сокровище.

— А ты мне горных эдамантов не дарила, — с нескрываемым упреком произнесла свекровь. Но в кои-то веки леди Алауниэль ее не услышала.

Я забралась в гамак, который удивительным образом возник во дворе, не иначе, как в знак траура по моей особе, и закрыла глаза.

Хорошо.

Тепло.

Шелестит малина. И платье мое, превратившись в некое подобие шали, свесилось с гамака, норовя дотянуться до глянцевого листьев и синих ягод. Малина дразнилась.

Платье...

...ночью оно сожрало любимую мою рубашку, заняв ее место на плечиках. И вот даже цвет сменило, правда, менее кружавчатым не стало, поэтому подмена не удалась.

Я ругалась.

Грета просила отщипнуть кусочек.

Платье дрожало и притворно роняло лепестки, которые тут же возвращались к основной массе. А потом взяло и растеклось шалью. Что ж... вечера холодают, и шаль мне пригодится.

Дома было...

...не так.

И я ведь предполагала, что из Северного кряжа мое семейство, вдруг ставшее слишком большим для этого дома, выпустят. Проводили с почетом и соблезнованиями, мне даже медаль вручили.

Посмертно.

Крупную такую, но, как выяснилось, позолоченную. Оно и верно, каждой жертве по золотой медали — этак и разориться недолго. Но медаль я оставила. Буду любоваться в приливах меланхолии...

Я качнула ногой, и малина попритихла. А за забором затаилась темная тень. В доме же что-то гремело, звенело и...

— Вечер д-добрый, — Эль тронул старую яблоню, к стволу которой прикрутили гамак. — Т-ты не б-будешь возражать, если я завтра п-перевешу его? Ей неудобно.

Если неудобно, то да...

— Перевешивай, — я снова качнула ногой, но гамак, пойманный малиной, не шевельнулся. Платье же застыло, притворяясь обыкновенной шалью.

Он кивнул.

И протянул леденец на палочке. Петушок. Красный. А хвост и гребешок сусальным золотом покрыты... я такие когда-то любила.

Давно.

В детстве.

— Спасибо, — во взрослом состоянии грызть леденцы было как-то не очень удобно, но с другой стороны, кого мне стесняться? И я зажмурилась, пробуя петушка. Было страшно, что вкус у него изменился. Но нет, такой же сладкий.

Такой же...

— Маншула нашли... п-патруль... з-завтра доставят.

Я кивнула и попросила:

— Записку пускай...

— Н-нам п-придется дать п-показания... б-будет разбирательство.

...и гномы попытаются представить дело несчастным случаем. Вот только сомневаюсь, что у них выйдет: уж больно расстроенной выглядела моя свекровь после нашего рассказа. Стало быть... пусть разбираются, главное, чтобы вниз не лезли.

Не стоит отвлекать богов от игрушек.

— Я с-слышал, что твоя с-сестра уезжает, — Эль устроился на клубке малиновых ветвей. — Хорошо тебе.

Подхалимка.

— Все еще воюют? — поинтересовалась я.

Он с горечью кивнул и пожаловался:

— Вчера п-пытались р-решить, к-какими д-должны быть наши п-покои... и б-бабушка сказала, что останется на п-пару н-недель. Или м-месяцев.

С ее приездом бедолага стал заикаться больше. Вот что забота родственная с людьми делает.

— Сочувствую... а Грета — да, собирается... говорит, что на время... хочет с остальной семьей познакомиться. Братья там... и у Бжизека мастерская, его уважают... он предложил ей свое дело открыть. Она же алхимик и вообще...

Грета плакала.

И растирала сопли. Извинялась. Обнимала меня. Она думала, что я умерла. Не верила, конечно, но все равно думала. Ей было грустно. Она не могла находиться в этом доме, а папа... и теперь вот... нет, она счастлива, что я жива, и вообще...

...гномы сволочи, и она больше никогда ни на одного гнома не глянет.

Грета клялась, что никуда не уедет, разве что поглядеть на дом Бжизека, что она вернется ко мне... но мы обе знали правду.

— А это кто? — Эль вытащил из рукава второй леденец. — М-мне в детстве з-зап-прещали ч-человеческие с-сладости.

Я вздохнула.

И шлепнула тонкую ниточку из белых лепестков. Конфета моя и только.

Тень же, о которой спрашивал Эль, решила-таки пересечь линию забора к огромной радости колючек. Малина застыла, притворяясь обыкновенным кустарником, и тень, совершенно осмелев, нырнула в кусты. Задребезжали струны лютни.

— Ты так прекрасна...и так опасна...

Могучий бас заставил мое платье замереть, а у меня едва петушок из руки не выпал. Завыли соседские собаки, то ли подпевая, то ли умоляя заткнуться.

...во тьме сияешь.Любви не знаешь.

— Поклонник, — вынуждена была признаться я. — Когда Грете про нас сообщили, она немного... разозлилась...

...и приложила несчастного то ли сковородкой, то ли кочергой, то ли шляпной коробкой, набитой подарками.

...тебя люблю, алмаз куплю...

Бедолага надрывался, собаки подхватывали... распахнулось окно, но гном был уже учен, успел отступить, и ведро ледяной воды пролилось на малину.

...выглянь в окошко...

— Дай мне по рожкам... — мрачно произнес Эль. И вздрогнул. — П-прости... с-сочинилось... в с-стиле.

Кажется, я дурно на мужа влияю.

С другой стороны, вокруг слишком много желающих повлиять хорошо. Этак, глядишь, и заболает.

Окошко меж тем распахнулось настужь к преогромной радости гнома, который в это окошко запустил огромным букетом. Надеюсь, не розы...

— Я тебе! — рык Бжизека заставил воющих собак заткнуться.

Значит, розы.

— О, прекрасная Грета... расскажу по секрету...

Хлопнула дверь, и гном поспешил ретироваться: к близкому знакомству с папенькой он, похоже, морально готов не был. А из окна выглянула Франечка и громко закричала:

— Юся, иди кашку кушать!

Собаки вновь взвыли. Папенька добавил пару оборотов из тех, что хорошо откладываются в памяти, а Грета, зуб даю, розами занялась...

Семья, чтоб ее.

— Завтра уже уедут, — сказала я, откусывая петушку голову. — И скучать не буду.

Наверное.

Почти.

Разве что самую малость. Я ведь привыкла к тишине...

— Юся, кашка стынет!

— Юська! — Гретин вопль заставил белые лепестки встопорщиться, и шаль стала в два раза объемней.

— Кашку будешь? — меланхолично поинтересовалась я. А Эль вздохнул и сказал:

— Буду. Д-дома... б-бабушка учит м-мамино п-повара п-правильно г-готовить... з-здоровую еду.

Еще более здоровую, чем прежде?

Он подал руку, помогая выпутаться из гамака, и спросил:

— А м-можно я у тебя п-поживу? П-потом, когда они уедут? А то... б-бабушка н-носочки вяжет... и... я п-посуду мыть умею.

...что ж, посуда — это аргумент. И вообще родному мужу помогать надо. А что до остального...

— Юся! — бас папеньки вновь заткнул всех окрестных кобелей, кроме гнома, отбежавшего на довольно приличное расстояние и теперь, к превеликой радости соседей, горланившего песню о великой Гретиной красоте. — Кашка стынет...

...родственники, мать их.

И кашка.

Кашка — это серьезно.

Часть 4. За что не любят некромантов

Я сидела в саду, смотрела на эльфийские подштанники, которые вяло шевелились на ветру, и думала о вечном. Думалось, говоря по правде, поганю. Все ж подштанники своим жизнерадостным морковным колером несколько сбивали с толку и настроения.

А что?

Осень на дворе. Трава пожухла. Листья пожелтели, и даже малина несколько утратила былую пруть. То тут, то там в зарослях ее еще виднелись белые звездочки цветов, но как-то неубедительно, что ли? Зато шипы выросли и обрели нарядный багряный окрас.

Шел дождь.

Третий день, к слову, шел. Такой вот мелкий морозящий, от которого вроде бы как и прятаться смысла особого нет, но и лезть в эту водяную взвесь никакого желания. Влага пропитала все, за исключением злосчастных подштанников: стены дома, крышу, которая стала подтекать, скромно намекая, что ремонт сделать-таки стоит, и пол на кухне. Доски раздулись, пошли горбами, и в том мне виделся высший знак скорой беды.

Какой?

А кто ж его знает. Просто... слишком уж спокойно все было в городе, и сейчас, и в последние месяцы. Ни тебе нежити непонятной, ни даже обыкновенных скандалов, что прежде случались с завидной регулярностью. Поговаривали, что даже на рынках обвешивать стали будто бы меньше, но это уж точно врал.

Я вздохнула.

И ткнула пальцем в конверт, который устроился между чашкой и серой лужицей, что натекла с потолка. А ведь супруг еще когда грозился с крышею разобраться.

И где его бесы носят?

Как ушел к мамочке в гости, так и... решил остаться? Мог бы записочку прислать, чтобы не волновалась. Нет, я особо и не волнуюсь.

Так, слегка.

Все-таки эльф.

И вообще муж... и я к нему даже привыкла. Он в самом деле оказался тихим, нетребовательным, а еще на удивление полезным в хозяйстве.

Стулья вот починил.

Кровать в Гретиной комнате, которую ныне сам и обжил. И кухонным столом занялся, счистил с него черный налет, который я, говоря по правде, полагала естественною стола окраской. Ан нет... готовил Эль неплохо, во всяком случае, лучше, чем я.

Внимания не требовал.

В душу не лез.

Присматривал за малиной, писал что-то там на своем, на высоком... так и жили. И вот теперь сгинул, как его и не было, оставив на память любимые подштанники, трехзубую вилку из серебра и некоторую толику сомнений в душе.

Все-таки...

...может, заглянуть...

...к эльфячьей-то матери...

...на правах жены законной и... просто убедиться, что с этим белокрысым недоразумением все в порядке. И что я скажу? Нет, я найду, что сказать, но... надоело человеку, то есть эльфу, обретаться в развалинах, когда особняк имеется? Понятно... и стирать самому, и готовить, и еще меня терпеть с малиной вкупе... впрочем, тут я зря, к малине Эль относился с подозрительной нежностью.

Я не ревную, нет.

Не хватало еще.

Просто...

...и вправду мог бы записку прислать. Мол, все было хорошо, но и хорошему приходит конец. А потому прощай, Юся, ты навсегда останешься в моем сердце. Бывший мой что-то этакое и присочинил, я еще тогда подумала, что совести у него нет.

Нет.

И у эльфов тоже.

И... кроме подштанников осталось с полдюжины рубашек кипенной белизны — понятия не имею, каким образом он умудрялся этой белизны добиваться, стирая в старом нашем тазике — камзолы, куртки и брюки из плотной кожи. Сапоги вот... кофр с зельями. И если рубашки — это мелочь, то зелья ни один порядочный эльф не бросит.

А значит... идти придется.

И не только к матери, которая, нутром чую, визиту моему не обрадуется, но... дождь, подштанники и вообще. Я поднялась и конверт взяла. Перевернула, открыла... а может... как-то слишком уж совпало, что исчезновение Эля, что это вот, простите боги, приглашенице...

На ужин.

В тесном семейном кругу.

Плотная бумага. Золотые вензельки, до которых моя бывшая подруга была весьма охоча. И приписка на обратной стороне. Мол, приходи, будет интересно.

Может, она моего супруга умыкнула?

А с другой стороны, на кой ляд он ей сдался? У нее, если подумать, собственный имеется, пусть и не эльфийский кровей, но вполне себе толковый. Скотина, конечно, но кто без недостатков? Главное же, что отказаться я, конечно, могу и хочу, но... отношений моих с Гильдией этот отказ не улучшит. А узнать, за что же дорогая бывшая подруга на меня взъелась, хочется.

И вообще, осень — самое время в гости ходить.

Надо бы только мужа отыскать, раз уж ужин семейный...

...второй конверт я нашла на крыльце.

И судя по виду его лежал он там долго. Это, если подумать, то из дому я два дня не выходила... серая бумага вымокла.

Расползалась.

Липла к пальцам. И долго отказывалась сохнуть, норовя залить пламя свечи печальной капелью. Я даже испытала преогромное желание отправить этот серый ком в мусорное ведро, но сдержалась. И не зря. Высохнув, бумага пошла пятнами и буграми. Часть букв расползлась, часть вообще уплыла, но в целом суть была понятна.

«Твой эльф у нас. Приходи третью ночь на Бздыхов склеп. В Гильдию сунешься — уши отрежем».

Ухо я почесала.

Как вот понять, кому отрежут? Мне или эльфу?

И вообще, как он, перворожденный, мать его, маг, страж и все прочее, умудрился в этакое дерьмо вляпаться? Нет, этот вопрос я задам, как говорится, непосредственно, а пока... пока надо бы подумать.

Третья ночь... с учетом, что письмо пролежало на крыльце — вот идиоты, а если бы я уехала? — дня два, то идти предстояло сегодня. А что у нас сегодня?

Правильно, новолуние.

А новолуние с точки зрения прикладной некромантии событие скорее негативное. Внешние энергетические потоки ослабевают. Слабые контуры разрушаются. И на создание элементарной структуры требуется сил втрое против обычного. Зато и развеиваются подобные структуры легче, что весьма даже неплохо, если нужно кого упокоить.

Вопрос лишь в том, кого мне упокаивать придется помимо тех идиотов, которые на святое покусились. Я почесала руку с татуировкой. И вот как быть...

В Гильдию я точно заявлять не стану. В конце концов, пути наши разошлись. В лучшем случае отправят к городской страже. В худшем... одним эльфом больше, одним меньше... стража? Тоже не вариант... конечно, можно на них натравить эльфячью мать, которой, подозреваю, не слишком понравится, что некие сомнительного толку личности на мальчика ее покусились, но... будет шумно.

И бестолково.

Я вздохнула: от погоста мне не отвертеться, а стало быть, пора вещи собирать, пока светло... относительно светло.

Ненавижу дождь.

Вот всей своей душой ненавижу дождь. Особенно такой. Вдохнешь и едва не захлебнешься. Куртка моя из шкуры виверны, способная выдержать плевок шервыша, вдруг мигом пропиталась влагой. Штаны прилипли к коже. В сапогах мерзопакостненько захлюпало.

А главное, проваливались они в грязь по самую щиколотку.

Вяло зашевелилась малина, то ли приветствуя, то ли в принципе подавая признаки жизни.

— Я... — я сняла подштанники. Эльфийский шелк на ощупь оставался сухим, что вызвало в душе моей нехорошее чувство зависти. — Я за этой бестолочью ушастой. А ты дом сторожи... если кто сунется, смотри сама, только не до смерти...

...а то еще объявят потом потенциально опасным видом и выкорчевать велят. Эль такого точно не переживет...

Подштанники я свернула и сунула в сумку.

Авось пригодятся.

Добравшись до калитки, я оглянулась. Дом был... неустроенным, пожалуй. Неказистым. Серым в сумерках и каким-то совсем уж покосившимся.

Бедным.

И некрасивым.

А ведь есть же деньги. И давно бы стоило крышей заняться. Отчим даже письмо оставил к приятелям, которые бы сделали надежно, быстро и со скидкой. А я все тянула... почему?

Кто его знает.

Калитку я прикрыла. Огляделась. Что-то подсказывало, что за домом и мною следят. Правда, письмо, пролежавшее два дня под дождем скромно намекало, что похитители не великого ума, однако...

Тишина.

Пустота.

Кошки и те попрятались, и в чем-то я их понимаю. Я подняла воротник, пытаюсь хоть как-то защититься от слабого, но на редкость промозглого, ветерка... капюшон бы накинуть, но под ним ничего не видно. Поправив сумку, которая норовила сползти, я бодро зашагала к городским окраинам.

Бздыхов склеп в городе был местом известным.

Расположенный на самом краю старейшего погоста, он был невелик и на диво уродлив. Сложенный из каких-то темных валунов, он с первого, как, впрочем, и со второго взгляда, производил отталкивающее впечатление. Камни эти, облюбованные ржавой плесенью, держались друг за друга цепко. Подслеповатые оконца, столь мелкие, что и кошка в них не пролезла бы, взирали на окрестные могилы. Ржавые ворота висели на одной петле, но желающих заглянуть внутрь не находилось, кроме, пожалуй, штатного некроманта. Но ему по долгу службы полагалось совать нос

в места, от которых нормальные люди держатся подальше.

Бздыхов склеп был безопасен, но...

Нехорош?

Пожалуй.

Им даже контрабандисты, напроочь лишенные, что совести, что чувства самосохранения, брезговали. Мне случалось бывать на Стрежненском погосте и не могу сказать, что он так уж разительно отличается от обыкновенных кладбищ, но вот ощущение общей *неспокойности* присутствовало.

Дождь усилился.

Капли стучали по куртке, норовя попасть за шиворот. Платок на волосах промок, как и сами волосы. Общая унылая серость дня сменилась иною, более густою вечерней, а там уже и ночь подобралась. Тоже, что характерно, по-осеннему мутная.

Рваные тучи.

Тонюсенький серп новорожденной луны, будто кистью кто-то по небу мазнул. И сами небо неудачное, рыхлое и дырявое. Звезд не видать. Фонари и те горят через один. И главное, чем ближе к погосту, тем их меньше.

Я вздохнула, остановившись ненадолго.

Улочка узенькая, вьется, жметя меж домов. Людей нет, но оно и к лучшему, любопытные мне ни к чему. А дома старые, откровенно уродливые порой, и с этим уродством не способны помочь ни резные ставенки, закрытые плотно, ни узорчатые решетки, ни тем паче подвесные корзины, в которых догнивали цветы. Пахло плесенью и запустением. А еще самую малость горьким миндальным маслом. И запах этот заставил меня насторожиться. Вот неоткуда было взяться в этом, пусть еще не захолустье, но всяко далеком от приличного районе, миндальному маслу. Я осторожно повернулась.

Попыталась сотворить поисковое заклятье, но не удивилась, когда линии распались.

Новолуние, чтоб его.

Это целителям хорошо, а некромантам так вовсе наоборот... в такую ночь и девственниц на алтарь не кладут.

Погост показался издали.

Он стоял словно бы наособицу, отделенный от домишек пустырем и реденькою аллеей грабов. Деревья уже скинули листву, а потому выглядели уныло, под стать месту. Искривленные стволы, изогнутые ветви, изломанные линии, которых не должно бы быть.

Серая стена.

Сеть заклятий, пропитавших и камень, и силовые линии; белые пятна остаточной энергии, древней, давней, но заставившей присмотреться к стене куда как пристальной. А ведь такие пятна сами по себе не возникают, стало быть, стену не просто возводили, ее запирали по древнему обычаю. И надо полагать, кости невольных стражей до сих пор где-то внутри.

Меня замутило.

Способ, конечно, верный, но уж больно радикальный. А главное, что в прошлый раз я вот как-то не обратила особого внимания на ограду. Или просто при свете дня казалась она обыкновенной? Но я — это одно, а Гильдия... кому, как не им, понимать, насколько опасны связанные души? Пока договор соблюдается, пока ограда стоит, пока... в общем, не хотела бы я оказаться рядом, когда она-таки возьмет и рухнет. Спина зазудела, а я мотнула головой и сказала:

— Нет уж. Без меня давайте...

Что-то зашевелилось, забубнело, казалось, в самое ухо. Но сунутый туда палец избавил меня от необходимости вслушиваться. Конечно, понимаю, душам тоскливо и вообще, но... я лучше глухой притворюсь, чем позволю себя заморочить.

Ворота были заперты, что логично.

И не просто заперты, но перевиты заговоренной цепью толщиной в мою руку, а на ней виднелась связка замков. Вот тебе и сюрприз... замки я чистосердечно подергала, убеждаясь, что, конечно, справиться с ними можно, убив на то пару часов жизни, но вряд ли мне позволят. Вон та тонюсенькая нить, что связала все их воедино наверняка сигнальная. Задень и пяти минут не пройдет, как у ворот возникнет патруль и хорошо, если не усиленный...

Патруль мне нужен?

Не сейчас.

Я замки отпустила. Ворота потрясла, убеждаясь, что в пазах они держатся крепко, а то находились на моей памяти умельцы, пробирающиеся на кладбище окольным путем. Почему-то, правда, не думали, что если кто войдет просто, то и выйти будет несложно и не всегда тому, кто вошел.

Но это так, к слову.

Петли были в порядке, ни следа ржавчины, зато усиливающее заклятье сплелось змеею. Чего-то вот, чуется, не знаю я о скромных городских погостах...

Вздыхнув — дождь зарядил с новой силой, и с моей куртки стекали целые потоки воды — я двинулась вдоль ограды. Если идиоты, вздумавшие спереть моего ушастого супруга, сумели пробраться на погост, то и я смогу.

Дважды останавливалась, прикидывая высоту ограды. Выглядела та не то, чтобы серьезную преградой, но... духи беспокоились. Я чувствовала силу, скрытую внутри каменной кладки, и как-то не хотела испытывать собственное везение. Может, конечно, и не тронут, но надеяться на это...

Ограда тянулась.

И тянулась.

И была ровной, слегка кривоватой, будто клали ее наспех, но меж тем до отвращения надежной. А потому, увидев калитку, я сперва глазам своим не поверила. Да быть того не может... кому в голову подобное безумие пришло? Сперва опутывать кладбище сетью заклинаний, потом...

Но калитка была.

Крохотная, будто для кошки сделанная. Нет, если так, то для кошки, несомненно, крупной. Я тоже пройду, если бочком и живот втянуть... но все равно.

Неправильно!

А главное, судя по виду ограды, калитку создавали еще тогда и менять не меняли. Железо успело покрыться толстым слоем коросты, а петли и вовсе выглядели так, словно вот-вот рассыплются прахом.

— Что за... — я остановилась.

И огляделась.

Тишина. Пустота. Бродячие псы и те заткнулись, лишь обмылок новорожденной луны поблескивал сквозь тучи. И вот поди-ка, угадай, то ли новолуние повлияло на калитку, то ли мое присутствие, то ли... в любом случае, ситуация чем дальше, тем меньше мне нравилась.

Стоило коснуться железа — при этом я испытывала пренехорошее опасение, что прутья просто осыплются — калитка приотворилась. Как и положено, с душераздирающим скрипом, всплывшим стаю сонных ворон. Вот им, к слову, на кладбище вовсе делать было нечего. Вороны — птицы умные, мест сомнительного свойства стараются избегать. А тут кружатся, голосят на все лады. Поневоле тянет отступить. И в любом другом случае я бы отступила, все ж собственная шкура мне дорога. Но... не пострадает ли ушастый? И я, тряхнув головой — вот не стоило этого делать, поскольку мокрые хвосты платка шлепнули по лицу — шагнула во тьму. Даже почти не удивилась, когда калитка с оглушительным скрежетом закрылась за моей спиной. А после и вовсе втянулась в стену.

Ага, то есть впустить меня, раз уж так сильно на подвиги тянет, впустили. А вот выпустят ли... я сунула руку в карман, стиснув круглый камешек со спрятым внутри заклинанием. Огненная плеть — это не только зрелищно, но и весьма эффективно.

Впрочем... кладбище спало.

Тропинка, бравшая начало от калитки, вела и вихляла, то влево забирая, то вправо скрадываясь. Поднимались темные горбики могил, виднелись над ними черные силуэты памятников, порой встречались и статуи, большей частью даже целые, что, учитывая древность места, было удивительно. А главное, покойные, как и положено приличным мертвецам, лежали тихо и высываться не спешили.

А я приближалась к белесой громадине склепа.

Ночью он казался как-то... повыше. Помассивней. И вот этих колонн, пусть несколько кривоватых, точно готовых в любой момент обрушиться под собственной тяжестью, но все равно солидных, я в упор не помню. Значит, очередной морок...

— Эй, — я остановилась у левой колонны. От склепа по-прежнему тянуло недобрым. — Есть тут кто живой?

Тишина.

И эхо такое по кладбищу покатило, намекая, что орать в подобных местах все же не стоит, новолуние там или еще что...

Вот, спрашивается, а дальше что?

Склеп я обошла, просто, чтобы убедиться, что с той стороны меня не поджидает очередной сомнительного свойства сюрприз. За склепом колосилась крапива, причем, несмотря на позднюю осень, была она высока, густа и зеленела даже в непроглядной тьме. Толстые стебли, казалось, поскрипывали, а верхушки колыхались где-то у самой крыши склепа.

Грета бы порадовалась.

Редко встретишь настолько развитые измененные экземпляры. Возникла даже мыслишка срезать пару сестрице в подарок, но ее я откинула. Во-первых, выглядела крапива на редкость недружелюбно, во-вторых, куда я этот веник дену?

Нет уж, пусть растет себе...

А у склепа меня ждали.

Невысокий профессионально-неприметный человечек сидел на камушке и смачно, с полным осознанием дела, обсасывал рыбий хребет. Держал он его за пестрый хвостик двумя пальчиками. А рыба голова моталась, будто ласкаясь к пухлой щечке этого, простите, самоубийцы.

— А... госпожа некрономка, — сказал он этак, с явным пренебрежением. — Явилась-таки... а я уже думать стал, что ушастенький тебе без нужды.

— Зато тебе до нужды.

— А то ж... у меня в хозяйстве все сгодится, — согласился человечек, убирая обглоданный хребет в карман безразмерной куртки. Руку он вытер о нее же, правда, сомневаюсь, что от этого рука стала чище. Куртка определенно не пострадала. — И ельф, и некрономка... Будьма знакомы. Чумра я...

И уставился этак, с интересом.

Чумра?

Слышала я... краем уха, потому как новости городского дна мне мало интересны, но и без них в работе порой не обойтись. Чумра был старшим в городе. Ночной, мать его, советник, тень бургомистра и так далее по несуществующему официально протоколу. Власть его существование отрицали, впрочем, как и саму идею подчинения разбойничьей вольницы кому-то. Впрочем, Чумре до властей обыкновенных дела не было. Стоял он и над нищими, и над шлюхами, и над ворьем. Поговаривали, был он суров, свиреп и весьма изобретателен, когда дело касалось устрашения подданных, ежели оные край теряли и забывали, кто в городе хозяин.

А хозяином он был строгим, но справедливым.

Да...

Что еще?

Ходили слухи, будто и сам Чумра дела не чурался, берясь за особые заказы... вот тут мне стало совсем грустно.

— Не бойсь, некрономка, — Чумра пальцы облизал. — Не трону... нужна ты мне, как зайцу колеса... хотя, вру, нужна...

— Зачем?

Я стиснула камешек.

— Погодь, — Чумра вскинул руки, и над ним качнулась зыбь защитного полога. — Не кипишуй. Ишь, норов, что у огневички... а говорят, что некрономки снулые, что твои топленицы... не трону я тебя. И дружка твоего... не было беды с ельфами завязываться. Они же ж ушастые, бестолковые совсем, ни уважения, ни понятиев тебе... и другим разом я б не взялся, но...

Он развел руками.

А полог хороший стоит. И главное, плетение мне незнакомое. А я не люблю незнакомых плетений, как и людей, которые вот сидят, притворяются обыкновенными. Силу, стало быть, прячет и немалую. Маг? Если так, то сомнительно, чтобы из гильдейных и...

— Твой приятель спит... проснется и понять не поймет, как туточки оказался... а ты ему скажешь, мол, перебрал мил друг... и с ельфами случается.

— Скажу ли? — мое сомнение заставило Чумру улыбнуться, только улыбка получилась донельзя кривой. Щеки вот поползли, особенно левая... стало быть, иллюзия.

И к лучшему.

Если настоящее лицо увижу, точно в живых не оставит.

— А тут оно как получится, — Чумра неловко поднялся, потянулся, за спину взявшись. — Ишь, печет, паскудина... дельце-то простенькое... пойдешь туда...

Он махнул на склеп, который стал будто бы выше.

— Колечко отыщешь и мне принесешь...

— Что за...

— Без понятия, — он похал, плечами повел и вновь иллюзия задрожала. А я старательно уставилась на колонну, по которой расползлась вереница трещин. — Верись... знал бы, что такая мутотень, не стал бы вязаться. Но раз слово дал, то приходится держать... я ж сперва по-человечески, через Гильдию... а они мне что?

— Отказали, — уверенно сказала я.

А Чумра кивнул. И выглядел при том расстроенным.

— Мол, нельзя покой мертвых тревожить... а что дозволение родственников есть, то им все одно... потом вольным чохом нанять пробовал. Не пошли, паразиты... пришлось выдумывать. Ночь-то одна такая... дозволенная.

Кому и что позволялось нынешней ночью, я уточнять не стала. Вот только... как-то дело выглядело все поганей и поганей.

Родственники?

Стало быть, речь о родовом артефакте, который, полагаю, от этих самых заботливых родственных рук скрывался не одну сотню лет. И в Гильдии что-то там да знали, — начинаю подозревать, что они в принципе знают куда больше, чем говорят, — поэтому и не стали связываться.

Чумра же...

Смотрел на меня спокойно. Оценивающе так... и взгляд этот за иллюзией не спрячешь.

— То есть, — я надеялась, что голос мой звучал спокойно, — мне всего-то нужно, что войти и взять... кольцо? Как оно хоть выглядит?

Он почесал тонкую шею, дернул себя за воротник и стыдливо, как показалось, признался:

— Понятия не имею.

Чудесно.

А если колец там сотня? И как понять, какое из них нужно?

— Клиент уточнить не соизволил, — Чумра поскреб шею уже с другой стороны. Он, часом, не заразный? Или... одежонку-то явно взял представления ради, и вот любопытно, блох с клопами вывести додумался, или же понадеялся на собственное величие?

Величие, оно такое... на блох не всегда действует.

— Значит, любое кольцо?

— Любое, найденное в склепе этой ночью... — он осклабился.

— И ты отпустишь моего мужа?

— Я его и не держал.

— Где он?

— Так... — чумра ткнул пальчиком в сторону склепа. — Говорю ж... перебрал и вообще... а ты шла бы, некрономка, пока луна стоит...

У меня от этакой наглости речь отняло, Чумра же щелкнул пальцами, создавая пыльную завесу, за которой, готова поклясться, открылось окно портала. Идиот... кто ж такие сложные структуры создает в месте с нестабильной магией?

Надеюсь, его разорвет...

...или хотя бы покорежит.

Я же осталась на кладбище возле склепа с мыслью, что ситуация-то в достаточной степени идиотична. Чумра даже клятву принести не заставил... а стало быть... не надеялся, что я вернусь? И тогда чего ради?

Моего убийства?

Избавиться от меня можно и куда менее извращенным способом, благо, поговаривают, что нужных специалистов у Чумры с избытком. И что помешало бы ему устроить небольшой несчастный случай?

То-то и оно...

А замораживаться с эльфами, которые вряд ли обрадуются, случись что с моим муженьком... и не надо мне говорить, что они спокойные и мстить не станут. Я подумала о дражайшей своей свекрови и вздрогнула. Нет уж... города жаль.

Себя, правда, тоже, но...

...если бы не Эль, я бы не полезла.

Вот определенно не полезла бы в подозрительное место подозрительно же ночью, выполняя задание подозрительного же до крайности типа. Но Эль был.

Где-то там, внутри.

А значит, стой или нет, но лезть в склеп придется.

— Доброй ночи, — сказала я, коснувшись колонны, которая показалась ледяной. — Заранее прошу меня простить, однако ситуация сложилась весьма двусмысленная. И у меня нет ни малейшего желания тревожить ваш покой, но вместе с тем отдать вам своего мужа я не могу.

Наверное, со стороны это выглядело сущим безумием. Да и нежить, как меня учили, этикетом не одолеешь. Однако после нашей прогулки в горах что-то вот да изменилось, то есть изменилось помимо самого факта появления в моей жизни супруга.

Внутри.

И... колонна, как показалось, потеплела.

А дверь отворилась, стоило лишь коснуться темного дерева. Ручки, что характерно, не было. В лицо пахло сыростью, да и запах шел такой, что заставил поморщиться. Хотя вот исключительно в теории гнить здесь уже нечему... в теории, ага...

Я создала светляка, как-то вот не было у меня желания сверзнуться со ступеней, которые взяли и рассыпались прахом от старости. Или были предусмотрительно убраны. Этаким сюрпризом для незваных гостей, да... а что, в склепах и не такие встречались.

Но здешние ступени были в полном порядке.

Запыленные, слегка заросшие землей, где-то даже мох расплодился. Седой. Пушистый. Какой-то вот нехорошо смутно знакомый мох. Ступать я старалась все равно осторожно. Пусть ступени и гляделись каменными, но мало ли... и камень бывает с подвохом.

А главное, лестница тянулась и тянулась.

Ниже и ниже.

Воздух становился плотнее, запахи... запахи менялись. Глена. Гнили. И еще цветов, которым в этом месте совершенно точно было нечего делать. Полупрозрачные белые фрезии лежали на полу... лежали, судя по пыли, покрывающей цветы, давно уже.

Я обошла букет, перехваченный тонкой траурной лентой.

И еще один.

И переступила через тонкий стебель.

— Ты все-таки пришла, — Эль обнаружился у постамента, на котором возвышался саркофаг.

Живой.

Живой... мать его эльфу... по отцу... и вообще всей родне, вкуче с Великим древом и лучезарным городом, или как там его... главное, что живой... сидит вот, спиной опирается на угол, ногу одну подогнул, вторую вытянул, смотрит этак, с упреком, будто я в чем виновата. Прямо так и тянет врезать ему по голове дурной... это ж надо было так вляпаться.

А что характерно, за эльфячьей спиной виднеется довольная круглая морда маншула.

— Пришла, — мой голос все-таки дрогнул.

— Я н-надеялся, что т-ты откажешься, — он попытался подняться, но неловко осел на землю. А маншул заворчал, как почудилось, с упреком. Но кого именно он упрекал, хозяина ли за дурость или же меня, за то, что не бросилась вышеупомянутому хозяину помогать, не знаю.

— Как ты вообще...

— Н-не п-помню, — он потер бок. — Вышел... д-до рынка дошел... а там... вдруг темно, очнулся уже здесь. Н-не хорошее место.

— Ага, — согласилась я, переступая через очередной букет, на сей раз из фарфоровых лилий. — Думаешь, сожрут?

Попытаются так точно...

Маншул вновь заворчал, а я погрозила ему пальцем. Ишь, скалится еще будет. Тебя для чего создавали, коврик ты воплощенный... не мог хозяина сберечь? Или...

— Он п-появился п-позже, — Эль вцепился в темную шерсть, на которую налипло изрядно пыли. — П-полагаю, ощутил неладное и вот...

И вот был у него в боку.

Такой длинный тонкий штырь полупрозрачный, чем-то напоминающий булавку изо льда.

— Это... что это такое? — я указала на булавку мизинцем, раздумывая, можно ли ее вытащить или же пока не стоит трогать.

Хотя, конечно, без булавки мне мой муж нравился как-то больше.

— Ледяной шип, — Эль поморщился и все же опустил на пол.

— Ага... а подробней если?

— Тебе его трогать не стоит.

— Не стоит или нельзя? — я уже давно вышла из возраста, когда подозрительное нечто спешат

схватить голой рукой, однако уточнить подробности не отказалась бы.

— Н-не ст-гоит, — твердо произнес Эль и отодвинулся. — Я н-не знаю, как он от-реагирует на человека.

Ага... то есть, если исключительно теоретически...

Но руки я за спину убрала. К чему мужа нервировать? Соседка, не та, которая рядом обреталась, а другая, с конца улицы, чудесная женщина, пережившая пятерых супругов, чтобы выйти замуж за шестого, как-то обмолвилась, что на самом деле мужчины — существа на редкость хрупкие. И волновать их не стоит, а то, глядишь, потом то сердце остановится, то печень отвалится, то еще какая напасть приключится.

— Это измененный организм, — Эль потрогал иглу и поморщился. — Он... был здесь. Я решил...

— Здесь? — я огляделась, насколько это было возможно.

Склеп.

Просторный такой склеп, явно рассчитанный на то, что использовать его будут долго. Потолок высок, теряется во тьме. Колонны, его поддерживающие, выглядят в достаточной мере прочными, чтобы простоять еще сотню-другую лет. Пол грязноват. Саркофаги... ага, с полдюжины, на ближайшую, так сказать, перспективу, но не обработаны. Скорее ощущение, что камень кое-как обтесали, придав нужную форму, и притащили сюда. Мол, кому лежать, тот и сам разберется, цветочками украшать или там мотыльками. Бывает и такое. В конце концов, смерть — дело личное.

Крышки, к слову, были тут же.

Лежали, скромно прислоненные к боковинкам саркофагов. Главное другое, никаких таких игл, явно зловещего вида, я не обнаружила. Стало быть...

— Н-не совсем, — Эль погладил запылившегося маршула. — П-понимаешь... когда я п-пришел в себя, я п-подумал, что это мама. Или бабушка.

— Где?

Только эльфячьей матери мне для полного счастья и не хватало. Но склеп был пуст. Разве что вот цветочки...

— В-в принципе. Мама... д-думает, что наш брак случаен. И п-полагает, что мне нужно уехать.

— Куда?

— К-куда н-нибудь, — он опять стал заикаться сильнее. — Д-далеко. От т-тебя. И п-подождать п-пару десятков лет. П-пока ты не умрешь.

Ага... а план, надо признать, вполне себе здравый. Да и с нынешним моим образом жизни ожидание может не затянуться.

— Я п-против. Б-бабушка т-тоже думает, что мама п-права... но она говорит, что нужно не мне уезжать, а отослать тебя. Дать денег. Много. Люди любят деньги.

Не без того. Не скажу за всех людей, но я деньги точно люблю, главным образом потому, что они здорово облегчают жизнь. Однако уехать...

Куда-нибудь.

И избавить бедного эльфа от травмирующего присутствия моей особы.

— Мы п-поругались, — признался он, и левое ухо дернулось. — Сильно. Я сказал, что б-больше не п-приду... что... это не п-порядочно... и вообще...

...и поэтому, очнувшись, решил, будто бы во всем виновата матушка, вступившая в преступный сговор с бабкой? Пожалуй, не обнаружись в склепе Эль, я бы тоже пришла к такому выводу. Но при всей извращенности своего мышления, моя несчастная свекровь — начинаю подозревать, что свекрови, как явлению, счастье не доступно — не позволила бы обидеть сына.

А игла в боку — это даже не обидеть.

Эльфы ведь далеко не бессмертны.

— Я решил, что меня зап-перли... в детстве мама часто меня зап-пирала, когда хотела, чтобы п-

подумал над своим поведением... я разозлился. Очень. И решил, что выберусь...

— А место тебя не смутило?

Я присела рядом с мужем, который, надо сказать, выглядел поганенько. Вон какая рука холодная. Нос истончился, подбородок заострился, а под глазами мешки появились, будто он не три дня отсутствовал, а...

...стало немного совестно.

Мне бы раньше хватится, а я...

— У мамы своеобразное отношение к человеческим реликвиям, — признался Эль. — Мы хороним погибших под корнями дубов... тела быстро зарастают снежнотравником. Потом плоть разлагается и становится частью мира...

В этом, стоило признать, было что-то донельзя здоровое. Хотя бы то, что воскреснуть, когда твою плоть сделали частью мира, куда как сложнее.

— В общем, ты полез к свободе, — игла была холодной и этот холод я ощущала явно, стоило поднести руку к крохотному вздутию на конце этой булавки. — И каким образом?

— Воздух... выходил... я решил, что будет вентиляция, и я смогу... если немного обрушу склеп, то смогу выбраться.

Наивный. Если я что-то понимала, то подобные места обрушить не проще, чем скалу, в которой мы побывали.

— Но ход вел вниз. Я шел и шел, — Эль вновь скривился, скособочился как-то. Вот явно ему становится хуже. Идти он не способен. А тащить на себе... у меня сил не хватит. То есть, на сколько-то хватит, но когда они закончатся, что делать? Бросать?

Как-то это... неправильно.

Тогда надо вытащить эту дрянь, для начала. Дальше разберемся.

— Я почти дошел до реки. Я слышал воду и... я уже решил, что выбрался, когда появилась та девушка. Она спросила, как меня зовут.

Девушка?

Вот же... девушка... наличие посторонней и, крепко подозреваю, не слишком живой девушки меня, мягко говоря, не обрадовало.

Тем более, раз она девушка оказалась способна говорить.

Высшая нежить?

Не хватало... впору бежать и стучаться, требовать, чтобы выпустили нас... только вот...

— А потом что?

— Я представился. Я спросил, нужна ли ей помощь. Она выглядела потерянной. Сказала, что нет, что ей уже помогли. И спросила, есть ли у меня жена.

Какая любопытная нежить, аж не по себе. С одной, помнится, уже пообщались. Как-то вот не тянуло опыт повторять, да и... сомневаюсь, что полубожественные сущности встречаются так часто.

— А потом спросила, любим ли мы друг друга. И сказала, что если любим, то все будет хорошо...

...где-нибудь на том свете, где текут молочные реки, а на кисельных берегах строем вытянулись пряничные домики. Верю.

— И тогда меня ударило, — он осторожно отвел мою руку. — Это... семенной стручок. Он зреет. А когда созреет, то семена попадут в мою кровь. Ледяник раньше называли деревом живой крови. Семена способны прорасти только в ней.

Надо же, и заикаться перестал.

— Они используют силу живого для вызревания. А тело — для роста... поэтому встречается ледяник редко.

Значит, нам в очередной раз повезло.

— И скоро уже? — дрянь надо вытаскивать и как можно скорее.

— У м-меня мало сил. П-поэтому они зреют медленно, но... тебе стоит уйти. Тем п-путем, которым ты пришла... п-переждать ночь. Вот, — он стянул перстень с пальца. — В-возьми. Р-родовое кольцо... защитит.

— Себе оставь.

Если прихватить дрянь щипцами у самого основания и потянуть, будет больно, но с болью мой муженек как-нибудь да справится.

— Ты не п-понимаешь, — Эль покачал головой и вложил перстень мне в руку. — Его невозможно вытащить. Он слишком хрупкий... д-думаешь, раньше не п-пытались? П-пробовали... железом и серебром, лунным серебром... мифрилом...

— А руками?

— Тоже п-пробовали. Но он чувствует тепло и лопается.

Ага... то есть, охренеть, какая радость. И что делать?

— Я д-давно п-полагал, что мой п-путь должен был быть закончен еще там, на границе.

— Заткнись, — ласково попросила я мужа.

Тепло.

Тепло — это плохо... то есть, заморозить руки у меня не выйдет, а металл эта пакость чувствует... что остается? Вырезать кусок из эльфа? Вместе с плотью? Сомневаюсь, что получится, поскольку резать надо будет очень быстро, а опыта соответствующего у меня нет. Да и эльф не железный, кровью истечет.

Должны быть варианты.

А его печальный взгляд, — это просто... просто бесит и все тут!

...заказчика я эльфячьей матери сдам, чтоб ему...

...потом, если Эль живым останется.

...а если не останется, то лучше мне рядом с ним лечь.

Нет, не те мысли...

Взгляд мой остановился на маншуре. А если... живого тепла в нем ни на грош.

— Иди-ка сюда, — попросила я, и кошка соскользнул с пьедестала, прыгнул аккуратно на лилии, которые, впрочем, даже не помялись. А и вправду, что им, вечным, сделается-то? — Видишь эту штуку? Надо ее ухватить и... а ты сиди смирно. Маншул ведь не железный? И не живой, зато силы в него вбухано изрядно.

...если твари она нужна, то пожалуйста.

— ...и главное, он сам ее поглощает.

Полагаю, куда как активней, нежели эта хрустальная заразина.

Эль закрыл глаза.

Кажется, он приготовился умереть, причем, судя по выражению лица смертью на редкость мучительной. Я погладила его по руке.

Не умею я утешать.

Вот не умею и все тут... и вообще... сам виноват, сидел бы тихонько... дома вон целая гора посуды набралась, а еще подштанники в саду.

— Стоп, — я шлепнула по морде маншула, который приноравливался, как бы половчее зацепить льдистый полупрозрачный шарик. Внутри шарика мельтешила мошкара, то есть, выглядело это

именно мошкаркой, но подозреваю, что видела я именно те семена, готовые вырваться в кровь.

Почти созрели, стало быть.

И игла стала еще более хрупкой.

Второго шанса у нас не будет, и я старалась не думать о том, что маншул — все-таки умертвие, пусть и подконтрольное, но для точных хирургических операций не предназначенное. Что одно неловкое движение, и игла треснет, что...

Оранжевые подштанники я вытащила из глубин сумки, встряхнула и подняла перед лицом. Плотненькие, несмотря на кажущуюся несерьезность. Эльфийский шелк, он такой... он, если подумать, очень прочный материал. И тепло почти не пропускает, умудряясь в жару оставаться прохладным. Мне так говорили, норovia втюхать легонький сарафанчик по цене куртки из шкуры виверны.

А еще наставник как-то обмолвился, что, если этот шелк смочить, к примеру слюной, потому что вода с него просто-напросто скатывается, то он прилипает к коже. Прочно так прилипает... надежно... а уж если с тем зельем, которое намешала Грета, пытаюсь создать новое кровоостанавливающее средство... что сказать, из заклеенных ран кровь и вправду не шла. Да и подошва, посыпанная зеленой трухой, приклеилась к ботинку намертво, как и та надоевшая половица, которую и гвозди удержать на месте способны не были. Теперь вот уж третий год как лежит, не шелохнется.

Спору нет, средство отличное, у меня с прошлого раза еще полбанки осталось, вторая ушла на надгробье почтенного господина Аверса, нечаянно разрушенное при попытке упокоить одно крайне сволочное умертвие. Проблема лишь в том, что треклятый порошок тоже наносится только на влажную поверхность.

А вода с эльфийского шелка скатывается.

В общем, слюны нужно много.

Или крови.

Вот и посмотрим. Кровь использовать я не рискну, а вот слюны мне не жаль. Я сложила подштанники вдвое и, помянув всех богов сразу и отнюдь не с благодарственной молитвой, сунула кусок в рот.

— Что ты...

— Ни-че-го... молчи...

Говорить, слюнявя эльфийские подштанники, еще то удовольствие. Надеюсь, это хотя бы не зря и вообще... я старалась не думать, что со стороны выгляжу малость ненормально, что все эти байки могут оказаться байками, а я...

Я просто пережевывала плотную ткань, которая на редкость туго пропитывалась слюной. Однако я была упряма, а слюна... стоило представить пропущенный ужин, и слюны становилось достаточно.

— Они не очень питательны, — счел нужным уточнить Эль. — А булочки я съел.

Это он, конечно, зря, но... ничего, будет день, будут и булочки.

Я помяла подштанники, отметив, что они и вправду норовят прилипнуть. Что ж... из всех имевшихся в наличии вариантов, нынешний представлялся самым безумным, а потому определенно имел некоторые шансы на успех.

Сыпанув на шелк зеленой пылью, которая медленно расползлась по ткани, я набросила подштанники на иглу. Вот так... и дыру в боку тоже посыпала, щедро.

А потом поманила кота.

— Треснет — чучело сделаю, — пообещала я, но это так, скорее для самоуспокоения. Все равно не поймет. В темноте глаза маншула нехорошо блеснули, и даже подумалось, что чучело вполне могут сделать и из меня. Маншул аккуратно ухватил иглу.

Потянул.

Медленно так.

Очень и очень медленно. Умница моя лохматая... я придерживала ее, выползающую, пальцами, облепливая тканью.

Еще немного.

И еще.

Самую малость. Эль и дышать-то перестал, что было весьма разумно с его стороны. Я вот тоже старалась через раз, да и еще руки подло норовили дрогнуть, а пальцы вовсе утратили чувствительность, то ли от страха, то ли от зеленой жижицы, что облепляла шип.

Ничего.

Справимся.

Как-нибудь... мы вообще везучие... нас почти божество не сожрало и... и главное, думать о чем-то отвлеченном... например, о том, как матушке эльфячьей нажалуюсь, что драгоценного сыночка ее используют в сомнительных целях... и пусть сама ищет этих затейников.

А мне бы просто иглу вытащить.

И...

...почти уже.

Она казалась бесконечной, эта треклятая игла. И когда, слегка дрогнув, выскользнула-таки, я не удержалась, всхлипнула. И носом шмыгнула. И едва не разревелась, а маншул посмотрел этак, с упрёком, мол, не стоит нервы зря тратить.

Ему-то хорошо.

У него нервы мертвые.

Он приоткрыл пасть и выплюнул длиннющую иглу, которая с легким премерзким звоном упала на пол. Покатилась, закружилась и лопнула-таки, выплеснув синеватую слизь, в которой плавали темные искры семян.

Мерзость.

А подштанники можно считать безвозвратно утерянными. Хотя... сомневаюсь, что Эль стал бы носить жеваные.

— Т-ты как? — поинтересовалась я, поежившись. А руки и вовсе спрятала за спину, скрывая мерзопакостную дрожь. Вот какой из меня некромант? Пальцы так дрожат, что простейшее заклятие выплести не сумею.

— Н-не знаю, — Эль прижал руку к боку. — Н-надеюсь, хорошо. Если... если в ближайшие сутки не умру, т-то у т-тебя п-получилось.

Сказано это было с явным удивлением. Впору оскорбиться этаким недоверием, но я и сама понимала — кажущаяся цельность и реальная — две большие разницы. И пояись в этой игле хоть одна крохотная трещинка...

...а замужем мне уже и нравится начало.

Он готовит.

Посуду моет.

И крышу обещал починить. Нехорошо умирать, не выполнив обещание.

— А... — я подтянула к себе сумку, раскрыла ее, вытащила пару склянок. — Вот... кровеостанавливающее. И укрепляющее. Грета мешала...

Эль, кажется, слегка вздрогнул, но к чести его отказываться не стал. И правильно. Грета, может, и не отличается постоянством, но в зельях толк знает. Я протянула носовой платок. Почти, к слову, чистый. Эль принял.

Задрал рубаху.

Рана выглядела... да никак не выглядела, этакое махонькое пятнышко, которые и перевязывать-то

стыдно. Капля крови выкатилась, да и застыла на коже.

— Все равно помажь, — велела я. — На всякий случай.

Спорить он не стал.

А я задумалась над тем, что, собственно, делать дальше. Лезть вниз, где Эль услышал воду, не стоит по определению. На вторую операцию у меня нервов не хватит, равно как и подштанников не осталось.

— Вниз не пойдем, — озвучила я очевидную мысль. — Попробуем выбраться...

...а вот с кольцом, которое я подрядилась принести, что-то надо придумать.

На всякий случай я встала и обошла зал. Не поленилась заглянуть в недоделанные саркофаги, убеждаясь, что помимо пыли в них ничего интересного. Поискала по углам и даже в букеты нос сунула, но... никаких колец, не считая того, что выглядывало из потолка, явно предназначенное для увесистой люстры. Однако подозреваю, что имелось в виду вовсе не оно.

До него попробуй-ка доберись.

А доберешься, так еще и выковырять из камня надо...

Маншул заворчал. А я мне вдруг стало не по себе... такое вот мерзковатое ощущение чужого взгляда. И главное, прелюбопытного такого.

Я крутанулась.

И...

— Выходи, — зачарованный камешек никуда из кармана не делся.

— Злая, — пожаловались из темноты тоненьким голосом. — Я тебя съем.

— Я невкусная.

— А я не привередливая.

— Ну, если только так... может, просто поговорим? — я всматривалась в темноту, но тьма меня заберит, не чувствовала опасности. Присутствие — да, и то, что присутствовало рядом существо, к миру живых не относящееся, тоже... но опасности — нет.

— О чем? — оно определенно заинтересовалось. — Сказку расскажешь?

— Если хочешь.

— А драться будешь?

— А нападать станешь?

Бредовый разговорчик, но лучше уж языком чесать, чем драться, тем паче, что, чувствую, бой будет недолгим и неравным, пусть и премного героическим. Но в герои я не рвалась.

— Драться не стану, — сказала я, скрестив за спиной пальцы, просто по детской привычке. Но нежить поверила, шагнула бочком, потянула воздух и сказала:

— А от вас храмом тянет...

— Извини, — я развела руками.

Храмом, стало быть? Это как, если то существо недовоплотилось и уж храмов ему точно не ставили.

— Есть теория, — Эль все еще держался за бок, — что боги воспринимают временной поток иначе.

— Умный, — то ли огорчилась, то ли напротив, восхитилась нежить.

— Это его просто по голове часто били, — я разглядывала хозяйку склепа, а в то, что склеп принадлежал именно этой... девушке? — сомнений не было. — Вот и поумнел.

Хрупкая.

Полупрозрачная кожа, светлые волосы, заплетенные в четыре косы... наверняка, это что-то да значит, но хоть убей, не знаю, что именно. Главное, в косы вплетены живые цветы, которым полагалось давным-давно истлеть, но незабудки с ромашками выглядели так, будто бы сорвали их только что.

Серебряный венец вот почернел, и камни в нем покрылись то ли пылью, то ли грязью, главное, что цвет их различить не представлялось возможным. От нарядной некогда рубахи остались лохмотья, к слову, довольно-таки выразительные... ишь, ножку отставила, будто красуясь.

Главное, показать ей есть что.

Я вот... резко ощутила отсутствие у себя, что должных изгибов, что правильной формы округлостей. Какие округлости? Сплошные углы и большей частью острые.

— Кто ты? — нежить разглядывала меня также внимательно, и вот клянусь, в этом ее интересе не было ничего... плотоядного.

— Юся, — сказала я и задумалась. Матушкиной фамилией представляться или по мужу, раз уж выпало им обзавестись? И главное, муж-то помалкивает, проявляя вдруг редкостное благоразумие, а я не уверена, что вспомню его родовое, а даже если вспомню, точно не произнесу.

Человеческие органы речи плохо справляются с эльфийской благозвучностью.

— А ты кто? — неудобный вопрос стоило замять да и вообще...

...ночь шла своим чередом, и надежда встретить рассвет еще теплилась на дне моей души.

— Юся, — сказала нежить.

— Нет, Юся — это я...

— Нет, — возразили мне, — Юся — это я... и я тоже. Меня так зовут. Звали. Раньше.

— А теперь?

— Я не уверена, — она ковырнула полупрозрачную жемчужину, которая прикосновения не выдержала, рассыпалась пылью. — Там... все иначе?

— Иначе, — я осторожно повела плечами. — Ты не возражаешь, если я присяду... обопрусь... не оскорблю твою чувства?

А то мало ли, присядешь ненароком не на тот саркофаг.

— Нет, — она покачала головой. — Он меня не здесь закопал.

— Кто?

— Жених.

Она провела когтистой ручкой по косе, и с цветов слетели лепестки, правда, коснувшись пола истаяли, чтобы вернуться вновь.

— Он хотел спрятать тело...

— Убил?

Юся вздохнула.

Кивнула.

И призналась:

— Ему моя сестра больше нравилась... ты ведь некромант, да?

— Да.

— Он тоже... был...

— А...

А то мало ли, вдруг да этот жених-некромант тоже где-то неподалеку обретается. Из некромантов, к

слову, нежить выходит крайне поганого свойства. То ли характер влияет, то ли общий уровень сволочизма сказывается.

— Он ушел. Тогда я... была еще слабой... — ее голос сбился. — Я... им нельзя верить...

— Расскажешь? — я осторожно шагнула влево, стараясь встать между нежитью и Элем. Вот чую, перенесла она любовь к бывшему своему на весь мужской род.

— Он... он говорил, что меня любит... что... будет любить вечно. Клялся, понимаешь?

...история простая.

В провинциальных тихих городках порой и не такие страсти кипят. Жил-был купец, которому выпала немалая удача. Разбогател. Титул прикупил, а с ним и почетное право склеп возвести.

Родовой.

Вот почему этому купцу взбрело в голову отметить получение герба столь странным способом, понятия не имею. Люди, они вообще странные. Впрочем, склеп строили по всем правилам, а стало быть, для возведения пригласили не только архитектора с камнетесами, но и некроманта.

Молодого.

Перспективного.

И дорогого... в общем-то практика в беспокойные времена распространенная. Род родом, но славным предкам лучше покоиться в мире, нежели видом своим напоминать потомкам о бренности всего сущего. А стало быть, некромант — это не прихоть, но жизненная необходимость.

...он был хорош.

В меру суров. Мрачен. Печален. Самое оно, чтобы вызвать в душе любовь и прочие, вредные для здравого смысла, чувства. Те оказались взаимными, а что отец не обрадовался, так лишь поначалу. После-то сполна оценил возможности. Некромант из рода древнего, даром, что младшенький сын без права на герб, но герб-то имеется, а вот сила новому роду не помешает...

Перспективы открывались чудесные.

И Юся летала на крыльях любви, пока однажды не очнулась в гробу.

В каменном саркофаге, крышку которого задвинули не до конца, оставляя доступ воздуха. И жених, которого Юся полагала самым дорогим существом, сказал:

— Прости. Но на крови оно крепче стоять будет.

...старый обычай.

Сговоренная жертва... она поняла все позже, потом, уже после смерти, когда отступили и страх, и отчаяние. Она кричала. Умоляла. Плакала и проклинала, чувствуя, как проклятья питают незримые сети, создаваемые равнодушным женихом.

Отец...

...он знал. Не мог не знать... две дочери. Кем-то надо пожертвовать. Корни родового древа не приживутся, если их не подкормить кровью... а потому...

Как он выбрал?

Бросал монетку?

Или просто отвернулся, предоставляя некроманту самому решить? Он ли подмешал в молоко сонное зелье? Он ли помогал обрядить старшую дочь в свадебное платье? Он ли заплетал четыре невестиних косы, украшая их по традиции полевыми цветами? Он ли, движимый чувством вины, в жалкой попытке ее искупить оставил Юсе алмазный венец? И браслеты? И прочие драгоценности...

Он был виновен.

И жених тоже.

Он не собирался отказываться от планов: основать свой род не так просто, а вот войти в чужой, созданный, забрав себе и жизненную силу жертвы — проще простого.

Юся умерла.

Кто бы выжил? Она просила... потом уже не о пощаде, но хотя бы о милосердии, только если ее и услышали, то отнюдь не люди.

— У него не получилось, — сказала я, когда она замолчала. — Он был идиотом... кто проводит такие ритуалы, не покорив сначала душу? Это же...

Риск.

Как знать, сломается ли жертва, позволив заклятью выпить себя, или вот, как в нынешнем случае, переродится в то... во что, собственно говоря? Ох, сдается мне, что «Полный справочник нежити» не так уж и полон, как мнят себе его авторы.

...человеческий облик.

И разум.

Память.

Чувства? Сдается, что и их тоже...

...нетленная плоть... про то, повреждается ли она огнем или заклятьями, проверять не хочется. Сдается, к этой инициативе исследовательской отнесутся без должного понимания.

Что еще?

Треклятый цветок, на который Эля нанизали, словно бабочку? Просто цветы... лилии и прочие... не складывается. Вот никак не складывается.

— Он понял. Успел понять, — пожаловалась Юся, поднимая лилии. — он принес цветы... много цветов... я была... еще не совсем жива. Он сказал, что меня никто не найдет, что завтра у него свадьба. Моя сестра поверила, что я сбежала с любовником. И драгоценности прихватила...

Вздых.

И цветы дрожат, но держатся.

— Он сказал, что пока они здесь, я... не смогу уйти... и что я должна ему подчиниться. Я не захотела. Я... он велел умереть, совсем умереть, я хотела... раньше... но стало вдруг так обидно... меня все будут считать падшей...

Сволочи, что еще сказать.

— Потом... после... он приходил снова и снова...

Но ничего не добился. Душа переступила грань, отделяющую мир живых и мертвых, чтобы вернуться. А значит...

Хрен его знает, что оно значит.

— И когда понял... у меня почти получилось его убить, — она скромно потупилась. — Он ушел совсем. Запечатал склеп...

...и полагаю, воздвиг новую ограду, оставив в ней небольшую лазейку. Вопрос, для чего? Или... не все обряды могут быть завершены без дополнительных условий.

Тогда калитка логична.

Как и...

— У тебя его кольцо? — кольнула нехорошая догадка, и Юся подтвердила ее, подняв правую руку.

Серенький перстень-печатка, из тех, на которых принято выбивать гербы. И главное, нынешний мне знаком распрекрасно.

Вот же...

— Я оторвала ему палец, — Юся погладила колечко.

— Умница, — я ее похвалила. — Но лучше бы голову...

...глядишь, у всех проблем было бы меньше.

— Чем мы можем тебе помочь? — Эль все-таки поднялся, хотя вид имел бледный, да и дышал слабовато. — Если, конечно, можем.

...можем.

...она не была в полной мере нежитью, та, другая, Юся, которая могла бы стать счастливую невестой или полностью лишенным воли хранителем рода. Но на беду то ли воля ее оказалась несгибаемой, то ли некромант недостаточно умел, но что получилось, то получилось.

Она... не трогала людей.

Разве что некоторых, решивших, будто пустующий склеп — годное место, чтобы спрятаться. Или спрятать. К телам Юся не прикасалась, ее больше не мучили ни жажда, ни голод, она просто... не любила чужаков.

Мужчин.

Наглых и уверенных, будто бы простенькие их амулетики способны защитить, а то и подчинить. Встречались и такие идиоты. Что ж, склеп был достаточно велик, чтобы нашелся в нем тихий уголок. На мертвецов я глянула, исключительно интереса ради: все же обретенной силой хранителя с Юси стало бы создать пару-тройку безмолвных слуг, но...

— Никогда не любила тесноты, — сказала она. — А цветы любила... у меня дома хорошо росли. Отец целую оранжерею построил.

— Что с ним... стало?

— Убила. Он пришел прощения просить. Плакался, что, мол, это все Тодик... что он наговорил... только он сам меня учил, что говорить и делать — вещи разные.

Юся вздохнула и коснулась полупрозрачного, стеклянного будто листа игольника. Тот потянулся к мертвым пальчикам, обнял ласково.

А меня передернуло.

И не только меня.

— Моего мужа не трогай, — сказала я, просто предупреждая, потому что второй шип вытащить мы, конечно, попытаемся, но вот вряд ли получится.

— Он тебя предаст. Когда-нибудь. Все предают.

— Возможно.

— И ты не боишься?

Я пожала плечами: было бы чего. Как-нибудь... не знаю, переживу, что ли? У меня, в конце концов, сестра имеется. И отчим, который не так уж плох, вон, каждую неделю письма приходят, правда, больше они на отчеты похожи из мастерской.

А с ними — всякая глупая мелочь, вроде брошек.

Или вот колечек.

Прошлым разом вообще крючки прислал, для ванной комнаты. Премиленькие, в виде морд кошачьих. Эль их сразу и прикрутил, сказав, что и дома любят внимание.

Будет ли мне больно, если эльф вдруг исчезнет? Не знаю, вернется в лес свой или там на границу, осознав, что связывает нас малина и пара вечеров в саду? Будет. Пожалуй, что будет. Но я к боли привычная, переживу. А вот подлости в нем нет.

Эльф все-таки.

Да и в принципе...

Полупрозрачные плети добрались и до меня, легли на ботинки, тонкие усики вцепились в одежду, поползли выше. Малина тоже так ластилась. И я опустила руку, раскрыла ладонь, позволяя растению взять толику тепла.

Разросся он, однако, на мертвецах.

— Ты хорошая, — Юся покачала пальцем, и острые иглы исчезли в листве, будто их и не было. — Другие кричат. Обзываются.

— Это со страху.

— Мне тоже было страшно. И я кричала. Никто не пришел.

— Тогда — нет. Теперь мы пришли... показывай.

Саркофаг стоял.

Хороший, однако, массивный, почитай родной брат тех, которые наверху остались. Вот только бока его были щедро изукрашены рунами.

— Подойти не могу, — пожаловалась Юся. — И он... тоже... я пробовала...

Обломанные иглы похрустывали под ногами, показывая, что они и вправду пытались, но дело даже не в тяжести камня. Крышку держал не один лишь собственный вес.

Пять серебряных печатей я содрала клинком, благо, ритуальный был и острым, и прочным. А вот что касается остального...

— Если она позволит, — начал было Эль, — я...

— Погоди, — я покачала головой и указала в угол. — Посиди пока. Это... наше дело.

Обряды на крови не то, чтобы запрещены, скорее уж проводят их с высочайшего согласия и под пристальным присмотром старших, которые не допустили бы перерождения. Значит, мальчишка рискнул.

За что и поплатился.

Колечко, небось, не из простых, тоже на силу родовую завязано. Вот и сидит потомок древнего рода в нашем захолустье, Гильдией управляет и давится от злости. Ему бы в столицу, дела вершить, а он тут, что на поводке...

Я провела пальцем по рунному узору.

Хорош.

Высекали его старательно, а по остаточным эманациям чувствую, что крепили кровью мастера. Скольких же он положил, склеп возводя? Право слово, будто не склеп, а сокровищницу.

Или...

— Он здесь ничего не оставлял случайно? — поинтересовалась я, рассекая запястье. Кровь покатила, заполняя желобки, расплываясь, разрывая древние узы. Благо, за сотни лет без подпитки они сами собой истончились.

— Там. Внутри, — ноздри Юси затрепетали. — Зачем ты...

— Затем, что до тела мы не доберемся, пока крышку не снимем. А то, что писано кровью, только ею снято и может быть.

Старое правило.

Забывтое уже.

— Позволишь? — Эль протянул руку.

— Из тебя и так вытекло больше, чем нужно.

Мой бестолковый муженек лишь печально усмехнулся. Это да... эльфы — они живая сила, и крови их надо немного, пары капель хватит, чтобы напоить камень.

— Тебя одной ему будет мало.

Что ж... в этом смысл имелся. Моя кровь уходила в гранит, а тот оставался холоден, не спешил отзываться. Кожа у эльфа оказалась теплой.

И тонкой.

Кровь красной.

А я смотрела, как она мешается с моей. Узор на запястье зудел дико, но портить столь торжественный момент пошлым расчесыванием божественного клейма не хотелось. А еще камень отзывался. Сперва это походило на эхо чужой силы, но эхо ширилось, заполняло не только тело саркофага, но и всю тайную пещеру.

Вот так.

И теперь попробуем собрать нити.

Потянуть.

Преодолеть полустертую чужую волю... что заперто одним, то другому откроется. При соблюдении ряда условий. Рану стоило бы перехватить и не только мою. Но потом, сначала... открывайся, чтоб тебя... или рассыпья прахом.

Сгинь, в общем.

И крышка хрустнула, медленно поползла, ломая внутренние — куда ж без них в столь серьезном деле — печати. Она замерла на долю мгновенья, покачиваясь, а после под собственной тяжестью сползла, ухнула в пыль.

— Юся... — голос мужа донесся издалека. А я еще успела подумать, что это треклятое чародейство не только кровь жрет, но и силы.

— Отпусти ее...

...голова моя лежала на чем-то мягком, а задница — мало того, что на твердом, так еще и на остром. Это острое впивалось в левое бедро, заставляя вернуться в сознание.

— ...если хочешь, я останусь с тобой. Можешь меня убить. Или... если не сразу, мы поговорим. Я расскажу тебе о мире, который изменился. Или про лес... ты ведь не бывала в нашем лесу?

— Мы должны были поехать. Свадебное путешествие...

— В Эльверейлелль?

Вот что у эльфов за манера называть все так, чтобы у нормального человека язык узлом завязался?

— Да...

— Это не совсем то. Эльверейлелль создали специально для людей. Он скорее отражение ваших представлений о том, какими должны быть эльфы... туда любят ездить на отдых. Или просто посмотреть... но и о нем расскажу. Только отпусти ее.

— Ты ее любишь?

— Да.

Вот тебе. Я уже почти приготовилась глаза открыть, а тут такое признание.

— Почему?

— В каком смысле?

Нога ныла. Рука все еще чесалась, а терпение иссякало, как и, подозреваю, отведенное нам время. Что-то сомнительно, что с восходом солнца Юся возьмет и ослабеет. Нет, что-то другое быть должно...

— Почему ты ее любишь? За что? Она красивая? Я была красивой.

— Для меня — да.

Мило. А еще говорят, что эльфы не лгут... ага, как же.

— Добрая? Умная? Хозяйственная...

...вот тут даже он не выкрутится, потому что хозяйственности во мне, что в бродячей кошке. То ли маменькино наследие, то ли собственная придурь.

— Она просто есть, — Эль осторожно коснулся волос. — И этого достаточно. Я... не знаю почему.

— Просто есть? И этого достаточно, чтобы ты остался? Умер?

— Да.

— А она... она тоже готова умереть за тебя?

— Не знаю. Но... она же пришла сюда.

На собственную голову. Ладно, подслушивать, может, и полезно, но подозреваю, мой благоверный давно уже понял, что я далеко не в обмороке.

— Лежи, — сказал он, когда я попыталась сесть.

— Сумку дай...

Любит он.

За просто так... за просто так и лебеда не растет, а тут любовь... и не буду я верить. Не собираюсь, потому что... была у меня уже одна любовь, ободрала душу. Правда, теперь я понимаю, что это и не любовь вовсе, что...

Не важно.

— Там склянка быть должна. Синенькая... кажется, синенькая, с желтой пробкой. И ребрышками, — говорить о склянках проще, чем о любви. И когда Эль подал — с первого раза нужное нашел, надо же, я в собственной сумке иногда теряюсь, а он сумел — я вцепилась в пробку зубами.

— Ты его крови, — сказала Юся, разглядывая нас с каким-то нездоровым любопытством.

Укрепляющая настойка была горькой.

А тонизирующая оставила на языке характерный привкус гниющего мяса, от которого теперь дня три не избавиться. Когда-то Грета пыталась улучшить вкус, но добилось лишь того, что у мяса появился совершенно неуместный привкус шоколада.

— Чьей?

— Его. Моего... Тодика. Слабая, я чувствую. Но его.

— И поэтому ты меня убьешь?

— Пока не знаю...

— Как решишь, скажи, — меня передернуло, зато я сумела подняться, зацепившись за край гроба. Надо же... крови... матушка была не отсюда... стало быть, батюшка?

Думать об этом не хотелось.

И вообще, нежить могла ошибиться.

— Он... другой, который его сын. Или внук. Или кто там... приходил. Раньше. Думал, его сил хватит... предложил откуп... сказал, жизнь за жизнь.

— А ты?

— А я сказала, что мне лишь бы какая жизнь не подойдет.

Принципиальная нежить, стало быть.

Тело в гробу выглядело... да так, как положено мумии, и выглядело. Иссохшие ткани стянули кости,

и потому поза казалась странноватой. Истлевшее платье, точное копия того, которое еще держалась на Юсе. Затянутый паутиной жемчуг.

Череп.

Остатки волос, приклеившиеся к нему с пергаментной кожей.

— Не смотри, — сказал Эль нежити, набрасывая на тело свою куртку. — Не стоит. Там уже не ты...
позволь.

— У тебя дыра в боку, — на всякий случай напомнила я.

— Мне уже лучше.

Прелесть какая... еще немного посидим, так вообще захорошеет. Герой ушастый, чтоб тебя... вот выберемся, точно маме нажалуюсь. И бабушке тоже. Пусть потом попробует им доказать, что он взрослый, самостоятельный...

Эль поднял тело.

— Она легкая.

А Юся посторонилась.

Всхлипнула.

Ей страшно. Она умерла, но это еще не значит, что она готова уйти. А я... я подошла к ней и протянула руку.

Она же коснулась ее.

Осторожно так, будто не веря, что я и вправду готова поделиться, что кровью, что теплом. Наверное, я и не готова. Но показалось, что это прикосновение ей нужно.

И мне нужно.

Странно смотреться в черные глаза нежити и искать в них что-то человеческое. Странно рассчитывать на милосердие того, кто сам его не получил. И странно ждать от существа, прошедшего много лет взаперти, что оно просто возьмет и простит.

Я бы не сумела.

— Пойдем, — сказала я, сжимая хрупкую ледяную ладошку. — Наверху не так и страшно. А уходить тебе не обязательно.

— Я тебя убью, — всхлипнула Юся. — Он обещал прислать свою кровь... он обещал...

— Такой же засранец, как и его предок...

...наверное, мне стоило раньше озаботиться поисками батюшки. Слышала, всех сироток это волнует и вообще для нормальных людей желание знать свои корни... нормально.

Нашла бы.

Бросилась бы на шею... а там... нет, ну его, подобную родню.

— Веди уже, убийца, — я подняла с земли жемчужину.

— Нет. Стой. Возьми. Там. В ногах. Ты сможешь... его кровь, его сокровище... он очень злился, что взять не может. Я обещала, что если он откупится, то я отдам... отдаю...

Ее улыбка была... нехорошей.

Но к гробу я вернулась. Заглянула и поморщилась: не знаю, что это было раньше, но теперь ткань превратилась в сухое тряпье, которое не рассыпалось лишь чудом. Внутри нащупывалось что-то твердое и липкое, лучше не думать, в чем измазанное.

Наверху посмотрю.

Чуется... не станут меня убивать.

— Идем, — я снова взяла Юсю за руку. — И подумай вот над чем. Я могу отправить тебя прочь...

...и должна бы это сделать, ибо клятва некроманта, защищать, искоренять и все такое... но вот... не то, чтобы желания не было. Не отпускало ощущение, что все это неправильно.

А наверху разгулялся ветер.

Небо черное. Дождь хлещет, будто землю спешит наказать. И ледяные струи заставляют Юсю отступить, замереть. Рот ее приоткрылся. Показалось, вот сейчас она сделает вдох, но...

— А еще я могу дать покой твоему телу, а тебе оставить вот это... — я указала на кладбище. — В город, извини, не выпущу. Все-таки ты... не совсем человек.

Совсем не человек.

— Но просто... не знаю, вернусь, если отпустишь... когда, к слову, могу вернуться.

— Через пятьдесят лет.

Пятьдесят лет, стало быть... зато понятно, почему папенька не спешил меня трогать.

— Почему ты вообще его не убила? — поинтересовалась я так, информации ради. А Юся, выставив ладонку под дождь, ответила:

— У него... осталась моя кровь. И он что-то такое сделал... вызвал меня наверх. А здесь...

...привязка отсутствовала, и тело тянуло воплощенную душу к себе.

— Неприятно было...

Она вновь уставилась на меня, определенно ожидая чего-то...

— Я могу похоронить тебя... скажем, возле склепа. Поставлю пару заклинаний...

— И я, — Эль уложил тело на мокрую землю. — Его не тронут.

— Расширим привязку... будешь за кладбищем приглядывать.

Почему бы и нет? Подозреваю, что Юся, если не самый старый из местных покойников, то всяко самый сильный.

— Только учти, — я не привыкла лгать, даже покойникам, тем более таким, которые могли бы перервать мне горло одним движением руки. А пальчики у Юси были когтистыми. — Я... не знаю, что будет потом. Ты меня убьешь. Кто-то другой... некроманты долго не живут. Излишне беспечные эльфы тоже... и может получиться, что ты сменишь одну тюрьму на другую, попросторней, но все-таки...

— А он сладкий, — Юся слизнула капли с ладони. — Я тебя не убью. И ты придешь снова. Потом. Позже. Мы поговорим. И может быть, мне надоест здесь... или нет. Я тоже не знаю, что будет через пятьдесят лет.

...хоронили Юсю за склепом. Эльф отряхнулся, потянулся, разом позабывши, что вообще-то ранен, и смело ступил в заросли крапивы. А та возьми и подайся в стороны, корни и те повытягивала.

Он уложил на дно могилы куртку.

А я набросила свою.

Куртки было жаль, а девчонки, которая жалась к стене и смотрела на дождь, еще жальче.

— Может... — я показала сверток, — оставить?

Она покачала головой.

— Из-за него меня и... он бы мог иначе, но решил, что я должна хранить его сокровища. Я и хранила. И отдаю потомку. Как он хотел... а это... — она стянула с пальца кольцо.

— Погоди... ты говорила, что в склепе прятали всякое?

...чувствую, кольцо папеньке передавать не следует. Трогать его тоже не надо, у родовых артефактов еще тот характер, в лучшем случае очнется от спячки, что незамеченным не останется.

Нет уж, пусть у Юси побудет, так оно надежней.

...возвращались мы по грязи.

Эль молчал.

Мне тоже сказать было нечего... не о любви в самом же деле болтать. Любовь — это так, это возвышенное чувство, которое никак не вяжется с мокрым бельем и першением в горле.

Слягу завтра.

Или уже сегодня.

Слягу и помру позорной для некроманта смертью от простуды... всем назло.

— Юся, — Эль открыл калитку и отступил, пропуская меня вперед. — Мне кажется или... нам не стоит рассказывать о том, что произошло.

Я чихнула.

Правду говорит. Не стоит рассказывать, а лучше вообще забыть, как страшный сон. Ведь бывают же такие сны, повышенной правдоподобности. Правда, добыча моя, оказавшаяся довольно-таки увесистой, скромно намекала, что забыть нам вряд ли позволят, но...

— Знаешь, — голос получился гнусавым, подтверждая, что смерть от простуды — это даже не блажь, это почти, можно сказать, ближайшее будущее, — Ты только... больше не пропадай, ладно? А то я маме пожалуюсь. Твоей.

Эльфа передернуло.

Ага... вот и от матери эльфячьей польза.

...меня уложили в кровать.

Он ранен, а уложили меня. И ботинки содрали, к счастью, до того, как уложили. Причем содрали вместе с носками. На пол отправились мокрые штаны и прилипшая к коже майка, а на плечи упало теплое полотенце.

Не мое.

У меня такие пушистые, легкие в хозяйстве почему-то не приживаются.

Не знаю, каким чудом в руках оказалась высокая кружка с травяным отваром, и пирожок. Почему-то он особенно растрогал... надкусанный с одного бока, но все равно родной.

— Я целителя вызову, — сказал Эль, пытаясь отжать хвост. А я ему говорила, что от длинных волос одна морока.

— Ага... — пирожок, оказавшийся капустным — раньше я капусту в пирожках недолюбливала, было в этом что-то донельзя подлое, ищешь мясо, а тут тебе вареные капустные листочки — примирил меня с действительностью. — Себе...

— Я почти уже здоров, — он продемонстрировал идеальный эльфячий бок, на котором виднелось белое пятнышко шрама. — Я... от земли. Там много силы было. А у тебя насморк.

Еще какой.

Сопли вдруг оттаяли и потекли весенними ручейками, а следом зачесалось в глазах и откушенный пирожок встал поперек горла. Мне даже спорить не хотелось, и когда на кровать забралась высушенная и почти не воняющая погостом нежить, я только подвинулась.

Мурлыкать маншул умел.

А эльф...

Надеюсь, у него есть сменные подштанники. Из шелку... надо будет сказать, чтобы еще прикупил как минимум дюжину. А то жизнь, она такая... непредсказуемая. Подштанники в ней точно пригодятся.

Следующие несколько дней я провела в постели.

Что-то ела, когда получалось пережевать.

Что-то пила, большей частью горькое, оставляющее на языке характерный травяной привкус. Давилась лекарствами. Слушала убаюкивающее мурлыканье мертвого маншула и тихие рассказы мужа.

А рассказывать он и вправду умел.

Зря его Юся отпустила... то есть, сама виновата. Но у нее теперь кладбище, а я вот слушать буду... про границу и про нежить, про города эльфов, которые не совсем города. Про леса вечные и величественные... сказки я всегда любила, главное, не думать, что когда-нибудь любая сказка заканчивается.

— ...а устрицы вам дохлые подсунули, — сказала я, потыкав в устрицу двузубой вилкой. Бывшая подруга скривилась, а папуля, большую часть времени выразительно помалкивавший, позволил себе приподнять бровь.

Что? Может, я и не высокого воспитания, но было у меня дело на морском берегу... ловила мелких пакостников, которые повадились добрым людям сети путать. Вот там, пока ловила, и научилась, что в устрицах разбираться, что в морских гребешках, которые вовсе не нужно выжаривать до состояния подошвы, чтобы потом эту подошву в белом вине утопить.

— Какой кошмар, — воскликнула Марисса, покосившись на супруга, который сидел, тихонько в тарелке ковыряясь. — Я непременно с этим разберусь.

— Ага...

Эль от устриц благоразумно отказался, как и от икры летучей рыбы, которая, пусть и считалась деликатесом, но явно подгулявшим. Интересно, это для меня так расстарались или и вправду не понимают, что кухарка их дурит?

Папенька мой, подремывавший в углу стола с видом независимым, встрепенулся.

Поднялся.

И сказал:

— Пришло время кое-что обсудить... — обе руки его легли на стол, и на мизинце блеснуло такое до боли знакомое колечко.

Помнится, это его я оставила перед склепом.

А Юся пообещала, что не станет убивать человека, который это колечко придет забирать. Нет, если бы папенька сам явился, она бы вряд ли сдержалась, но, как я и подозревала, послали за колечком мальчишку из беспризорных...

Сказать, что не то?

Он знает.

Должен был понять. Почувствовать. Родовые вещи, они ведь не просто так... а здесь... подумаешь, белое золото и пара камешков средней паршивости. Красиво, но бестолково. Однако папенька напялил, и это само по себе внушало немалое подозрение. Как и эта вот, внезапно появившаяся, благодность во взгляде. Не люблю, когда на меня так смотрят.

— Что? — и глазами похлопать.

— Дядя... — вздохнула Марисса.

Глава Гильдии некромантов отмахнулся.

А ведь я на него не похожа... счастье-то какое.

— Девочке пора покинуть этот город, — прозвучало веско.

— Зачем? — я ткнула вилкой в полупрозрачное желе, в котором застыли комки зеленых водорослей. Желе содрогнулось, но вилке не поддалось.

— Климат здесь... не подходящий.

— Ага, — согласилась я. — Дожди идут. Крыша течет, но мы уже договорились, что ее починят. Надо только подождать пару дней, пока бригада освободится. И с погреба заодно воду откачают.

Стены тоже бы поправить не мешало, но это уже другим разом.

— Уезжай.

— Куда? — желе я все же проткнула, но лишь затем, чтобы убедиться, что вилка надежно застряла в дрожащей этой массе.

— Не имеет значения. Здесь тебе не рады.

— Так... это не мои проблемы.

— Будут твоими.

Эх, папенька, не любите вы свою дочь... единственную, между прочим. То есть, я полагаю, что единственную, но мало ли. Жизнь, она любит сюрпризы преподносить. И папенька хмурится зря. Никуда я не поеду. Мне теперь тут жить интересно.

Стало.

И между прочим, эльфячья бабушка, снизойдя до визита в наши пенаты, сказала, что места, конечно, маловато, однако в остальном у дома хорошая аура.

Почти одобрение.

И росток высадила какого-то жутко редкого дерева. Малина тотчас переползла к нему, обвила белоснежный ствол, растопырила колючки, всем видом своим показывая, что обидеть сиротинушку не позволит... и вот куда нам ехать?

С эльфом, маншулом, малиной и этим... сиротинушкой, который за две ночи вымахал до уровня крыши.

— Папенька, — я откинулась и ноги вытянула. — А не пойти ли вам в эльфийские чащи... я даже проводника найду. Хорошего.

Глаз папенькин дернулся.

Левый.

Правый потемнел. Ишь ты... ему бы у целителей провериться.

— Когда узнала...

— Юся рассказала... небось, меня в ее честь назвали? Чтоб точно не обозналась.

Запыхтел.

Поднялся тяжко. Ишь, сила клубится, что туча черна. Давит просто-таки... ничего, не раздавит.

— Если ты... когда-нибудь раскроешь рот... тебе не поверят.

— Успокойтесь, — тихо произнес мой муж, отодвигая тарелку с нетронутой перепелиной тушкой. Что, и их умудрились испортить?

— И доказать ты не сможешь...

— Я и не буду, — больно оно мне надо, по судам ходить. Нудно, долго и, что куда важнее, дорого. А результат сомнителен. В самом деле, в смерти Юсиной папеньку не обвинишь. За деяния предков он ответственности не несет. Сама я жива, здорова и вообще...

...поди-ка докажи наличие преступного умысла.

Да и грех жаловаться, руку на сердце положи. Не будь у папеньки желания вернуть родовой перстень, глядишь, и я на свет бы не появилась. Но это еще не значит, что я позволю себя из города выживать.

— Надеюсь, вы понимаете, — Эль поднялся. — Что я... и не только я озабочен происходящим в городе.

Вот, оказывается, и он умеет делать эльфячью рожу, которая невозмутима и величественна, аки все древние леса, вместе взятые.

Спина прямая.

Взгляд отрешенный.

И по коже прям мурашки от этого... папеньку вон тоже проняло. Правда, не настолько, чтобы отступить:

— Не лезли бы вы в это дело...

Эль чуть приподнял бровь.

— Это только людей касается.

— Уже не только. Я никому не позволю обидеть мою жену.

...видят боги, на душе стало тепло.

Крышу мы всенепременно починим. Остальное... как-нибудь да приложится.

...я сидела, подперев рукой подбородок, и глядела на деревянную шкатулку, чьи бока покрывал хитрый рунный узор.

Красиво, демон меня побери.

Изысканно.

А главное, серебро за годы не поблекло, дерево не износилось. И выглядит шкатулочка нарядной, будто вчера только сделана, что внушает определенные опасения. Да и тянет от нее... недобрым. Крышечка изогнутая, на защелке держится. Манит.

— И долго смотреть собираешься? — поинтересовался Эль.

Он устроился напротив с кружкой травяного отвара и пухлым масляным пирожком. Причем масла было столько, что оно стекало по пальцам, и Эль время от времени совершенно неблагородно эти пальцы облизывал.

— Не знаю... я не уверена, что хочу в нее заглядывать.

— А придется.

— Почему?

— Нельзя держать дома неизвестные вещи.

Это да... и вот что-то подсказывает, что следовало бы эту самую шкатулку оставить в Ясином саркофаге, но нет, польстилась на неизвестный клад, а теперь маюсь.

— Если хочешь...

— Нет, — я убрала его руку. — Шкатулка скорее всего кровью заперта.

А еще десятком заклинаний, призванных защитить от излишне любопытных рук. Я провела пальцем по острому серебряному ребру.

Коснулась замка.

Вдохнула.

Выдохнула... поморщилась — укол был болезненным, и надеюсь, нужной крови хватит. А теперь... я откинула крышку и поняла, что держать дома не следует даже известные вещи. Точнее, некоторым вещам лучше оставаться неизвестными: внутри шкатулки, опутанная сетью заклятий, заключенная в полупрозрачный кристалл, лежала рука. Она казалась маленькой, детской почти, только вот пальцы были длинноваты, да и число...

— Демон, — сказал Эль, откашлявшись. — Он и вправду... то есть... это невозможно.

Рука, словно услышав, пошевелилась, и камень затрещал. А я закрыла глаза: я хочу вернуть это... в склеп, в саркофаг, в... бездну перворожденную, мать его.

Я хочу...

В окно постучались.

А следом раздался до боли знакомый голос бывшего:

— Юся... я от жены сбежал... можно... я у тебя поживу? Немного.

Лапа демона скрутила фигу, я же... я не знаю, когда и что в моей жизни пошло не так, но оно пошло и останавливаться не собиралась.

С другой стороны... Эль протянул пирожок, предупредив:

— Последний.

А я взяла.

Демоны, бывшие... пирожков на всех не хватит.

Часть 5

Дождь полоскал уже две пары подштанников, эльфийские, желтые, из тончайшего шелка, и обыкновенные, темно-синие с начесом. К начесу вода липла, покрывая подштанники слоем серебристых капель, что придавало им некоторый шарм.

Пахло капустой, бочонок которой мне по знакомству доставили от папеньки, не того, само собой, который глава гильдии, тот, к счастью, будто позабыл про мое существование. И Гердиному бы впоследствии, да... не судьба. Капусту было велено в холод сильный не нести, оставить квасится, а для пушного уквашения придавить сверху чем тяжелым.

Вот и шкатулка пригодилась.

Надеюсь, демоническая сущность на процесс не повлияет, а если вдруг, то капусту квашеную я всей душой ненавижу.

— Юся, ты уверена, что он нам нужен? — шепотом поинтересовался Эль, подсаживаясь поближе.

Ноги в вязаных носках — собачья шерсть, еще один папенькин подарок — он под себя поджал, скукожился. Мерзнет.

— Кто?

— Он, — Эль отвернулся и, вытянув руку, ткнул мизинчиком в моего бывшего, который здорово обжил дальний угол кухни, свив гнездо на печке. Туда он утянул старую простынь и какие-то свои тряпки, прихваченные при побеге из дому.

— Я уверена, что он нам не нужен, — ответила я, прижимаясь к мужу.

Осень выдалась... поганой.

Такой погодой и нежить из склепа лишний раз не вылянет. А муж, он тепленький. И сам мерзнет, вон, даже уши дрожат.

— Так... а что он здесь делает?

— Пьет.

Вторую неделю, между прочим.

— А почему мы это терпим?

Вот что мне нравилось в Эле, так это его бесконечное терпение.

— Понятия не имею. Жалко?

Ушастому было не жалко. Вот совсем не жалко. Ишь, хмурится, кутается в вязаный жилет, который он раскопал в старом шкафу, и жалость в себе давит на корню. А жилет дряной, еще тетка моя его в огороде, помнится, надевала, чтоб спину не сквозило. За спину не знаю, но Эль был тетки потоньше, а потому жилет висел на нем вязаной кольчужкой, от которой мощно пованивало лавандой.

— Вот проспится, я с ним поговорю, — пообещала я и спросила: — Чаю не хочешь?

Чаю он хотел.

И... и как-то теплее становилось даже не от самого чаю, а от того, что мы его пьем, вдвоем, устроившись на махонькой кухне, друг напротив друга. Есть мед.

Полкруга чесночной колбасы.

Хлеб, слегка уже твердоватый, но с колбасой самое оно. К залепленному дождем стеклу прилипла малина, иногда скребется укоризненно, напоминая о своем существовании, но еще пару недель и она уснет, окружив эльфийского сиротинушку плотным колючим кольцом.

Оно так надежней.

— Знаешь, — я первой нарушила молчание. Вполне себе уютное такое молчание, где Эль, подперши щеку кулаком, разглядывал меня. А меня это не раздражало.

Вот с детства злилась, когда на меня пялятся.

И ничего, привыкла.

— Не знаю.

— Да ну тебя... я не договорила. Мне кажется, что его стоит расспросить... что он, если не полностью в курсе происходящего, то о многом догадывается. Ну... — я покосилась в бочку, в которой булькала капуста.

— Тогда почему молчит? — закономерно поинтересовался Эль.

— Потому что пьет.

Меня куда больше интересовало, почему его вообще из дому выпустили. Насколько я знала Мариссу, она предпочла бы стать вдовой, а не женщиной, от которой супруг сбежал вскоре после свадьбы. Городок-то у нас мелкий, слухи быстро пойдут...

— И как долго он собирается пить?

— Откуда ж я знаю? — я потянула к себе колбасный хвостик и засунула в рот. — Пока деньги не закончатся. Даром кто его поить станет?

...и вот понимаю, что самолично Марисса за супругом бегать бы не стала. Гордость не позволила бы и все такое, но... почему никого не послали? Будто бы это нормально... и выводы, которые в голову лезли, мне совершенно, вот совершенно не нравились.

Но их я не озвучила.

Так и сидели.

Глен, будто услышав, что говорят о нем, заворочался и засопел, потом заговорил что-то и, главное, жалостливо так, прямо захотелось по голове погладить, утешая. Но вставать было лень, да и чай остывал.

— У бабушки день рождения скоро, — сказал Эль, отвлекая то ли от бывшего, то ли в принципе. — Будет прием... нас пригласили.

— Угу, — ответила я.

— Я... отыскал подарок, — он покосился на бочку.

Собирается подарить бабушке руку демона? Оно, конечно, весьма себе редкость, да и бабуля у него с характером, но все же... он уверен, что пожилая эльфийская леди мечтает именно об этом?

— ...но тебе нужно составить букет.

— Какой?

О составлении букетов я имела весьма отдаленное представление.

— Это обычай. Древний.

— Ага...

Вот только древних эльфийских обычаев мне не хватало.

— А если я... куплю?

— Это будет весьма... неуважительно.

— И розы не подойдут?

Что-то я крепко подозревала, что не подойдут. Эль пожал плечами. Ага, стало быть, может и подойдут, но подозреваю, что далеко не все и просто нарезать веник, даже если из сада градоправителя, будет мало.

— Рассказывай, — велела я.

— Искренний букет раскрывает отношение дарящего к одаряемому. Он может выражать восторг какими-то качествами... к примеру розы в сочетании с альстремеей...

...это еще что за зверь?

— ...говорят, скажем, о невинности, если розы белые...

...сомневаюсь, что трехсотлетняя бабушка обрадуется, если ее прилюдно назову невинной...

— ...или о страсти... если розы темно-красные, главное, не перепутать с вишневыми. Вишневые в сочетании с альстромеей воспринимаются двусмысленно, поэтому добавляют третий компонент. Уместны будут снежные ирисы...

— Хватит! — взмолилась я.

Ненавижу цветы.

То есть, до этого момента я была уверена, что к цветам совершенно равнодушна, Однако сейчас осознала — ненавижу.

И ведь пропустить нельзя.

И про букет...

— Ты можешь взять любые, — Эль коснулся моей руки. — На самом деле формальные значения — это далеко не все. Нас учат гармоничным сочетаниям, однако... моя бабушка всегда полагала, что растения следует чувствовать, а не пользоваться справочниками. Так оно вернее.

Чувствовать, стало быть.

А если... мысль была не самой здоровой, но других просто-напросто в голову не приходило.

К тому же...

...вот не оставляло меня дурное предчувствие.

Ведро воды разбудило Глена быстрее уговоров.

Он вскочил, отфыркиваясь, озираясь бешено, а на руке, главное, вспыхнуло кольцо тьмы. Интересный у него браслетик. Весьма интересный.

— Успокойся, — велела я.

— А... это ты...

— А ты кого ждал? — я ведро отставила и ногой за спину задвинула, правда, оно не упустила случая грохнуться на пол, причем весьма немелодично.

— Мало ли...

— Ага, то есть ждал?

Глен отвел взгляд. А я велела:

— Рассказывай.

— О чем?

— Обо всем.

— Я, между прочим, вымок до нитки...

Так уж и до нитки. Спал он в кожанке, с которой вода скатилась, и в брюках, тоже от намокания защищенных, благо, хоть ботинки снять сподобился. А что до тряпок, то их я выкину.

Сожгу на заднем дворе, а пепел прикрою на всякий случай, чтобы не возродились ненароком.

Глен неловко слез с печи, потянулся и поскреб живот.

— А поесть дашь?

— В рыло дам, — сказала я.

— Силенок-то хватит?

— У меня, может, и не хватит. Ничего, помощь кликну, если что...

— Этого своего... нашла себе... людей мало было?

— Мало, — согласилась я, глядя, как Глен пытается пригладить торчащие дыбом волосы. Помятый, похмельный он выглядел довольно жалко. Вот только жалость моя куда-то подевалась.

Наверное, дожди смыли.

А ведь и вправду, людей в моей жизни было немного, все больше нелюди, но и те какие-то неправильные.

— Когда ты так смотришь, мне становится не по себе, — он широко зевнул. — Выгонишь?

— Смотря до чего договоримся.

— Вот... узнаю, всегда отличалась практичностью, — Глен обошел меня, не забыв пнуть ведро, отправив его в угол кухни. — Мне бы тогда присмотреться, глядишь и жил бы... нормально.

Он открыл шкафчик, вытащил горбушку хлеба, которую обнюхал со всех сторон.

— А больше ничего нет?

— Не наглей.

— Я, между прочим, три дня не ел...

— Зато пил вволю, — я наблюдала за ним, гадая, стоит ли ему верить.

Опыт подсказывал, что не стоит.

Как не стоит и демонстрировать своего недоверия слишком уж явно. Вот... никогда не любила подобных игр.

...зато появилась интересная мыслишка.

По поводу букета.

— Пил. Причины были... твой ушастый здесь?

— Здесь.

Эль, в отличие от бывшего, обладал удивительной способностью не мешать.

— Зови, — Глен плюхнулся на стул. — С ним мне говорить интересней. Извини, но ты... ты — так, мелкая напасть, с которой они справятся... знаешь, если б я хоть о половине того, что там творится, догадывался, когда с Мариссой закрутил... то есть, это она со мной закрутила.

— И чего ради?

У Мариссы всегда имелись поклонники. И я не говорю даже о студентах, восхищенных ее красотой, а еще связями, которые к этой красоте прилагались, скромно намекая, что избранника ждет неплохая карьера.

Нет, на нее обращали внимание люди весьма... уважаемые.

...почему она выбрала Глена?

...почему не племянник градоправителя? Весьма себе представительный мужчина, с которым я несколько раз видела Мариссу, а она потом отмахивалась, что, мол, пустое, зануден до невозможности. Или тот северянин, подаривший ей шубу.

Шубе я завидовала.

Северянину тоже, поскольку был он высок, светловолос и собою весьма даже привлекателен. А Глен... если подумать, то странный выбор.

Ни родственников.

Ни связей.

Ни состояния. Даже хваленый его ум... если бы он был нужен, Глена не засунули бы в патрульные. Выходит что? Ерунда выходит.

— Ага, понимаешь, что я ей не пара? — он все же отыскал остатки колбасы, и шмат сала, густо присыпанный приправами. Откуда оно взялось, я понятия не имела. Но сало было.

Глен сунулся было к бочке.

— Стой. Она еще не проквасилась, — я сглотнула.

Глен давно уже не мой парень.

И даже не друг.

...прости, Юся, но сама понимаешь, мы не можем остаться... Марисса не поймешь... у нее характер, а ты как-нибудь да справишься.

Справилась.

Как-нибудь.

— Жадность — это зло, — сказал Глен с упреком, но руки убрал.

Надо будет убрать эту бочку в подвал, потому как пусть бывший и не вызывает симпатии, но это еще не повод испытывать на нем квашеную демоном капусту.

— Мне кажется, вы чрезмерно вольно чувствуете себя в чужом доме...

Эль умел появляться незаметно.

Он просто встал за моей спиной, и я сразу почувствовала себя... уверенней? Пожалуй.

— Ага... — Глен флягу протянул. — Хочешь?

— Нет.

— Зануда.

Эль пожал плечами. Ему было все равно, что о нем думали посторонние люди.

— Ладно... разговор — это да... это надо, — Глен вновь уселся и вытянул ноги, махнул рукой. — Садитесь, а то... в общем, я хочу уехать к вашим. В смысле, к ушастым. Дивный лес и все такое... и чтобы не просто уехать.

Он поскреб живот и обнюхал хлебную корку.

— Хреновая из тебя жена. Так и ноги протянуть недолго.

— А не пойти ли тебе в жопу? — поинтересовалась я. — Или к Мариссе? У нее вот точно от голода не окочуришься.

— От голода — это да... это верно... а вот от чего другого, так вполне себе. В общем, меня должны принять как своего.

— И уши нарастить?

А что, уточнить всяко стоит. Я пару хороших целителей знаю, к которым когда-то в пору горячей своей влюбленности сестричка обратиться порывалась. К счастью, отказали, верно, поняв, что эльфячьи уши с гномьей рожой как-то не совсем и сочетаются.

Но ради Глена уговорю.

— Все шутишь? Я серьезно. Я... пойми, я не дерьмо, иначе б сидел и не мешался людям мир завоевывать, а я же помочь хочу. Что не бесплатно, так ведь... извини, привык к определенному уровню жизни. Ты не смотри, что я так... несколько... не в форме. Поэтому мне нужен дом и компенсация.

Я молчала.

И Эль молчал. Этак... весьма и весьма выразительно молчал. Глен поерзал и заговорил:

— Я точно не знаю, что они делают, но и того, что знаю... думаешь, все зверье здесь случайно появилось? Или патруль тот дом не замечал? Доклады были. И запрос на очистку, только легли на стол и... ответ, думаю, дали, что очистка проведена, ничего подозрительного не обнаружено и так далее... в прошлом году он выезжал в Бельстад. А спустя пару месяцев там грызлы веселье устроили... два года тому — Ашвар. Еще был Никрон, Кунвар, Веззер. Я напишу, лист дай.

Эль молча вышел, чтобы вернуться с листом и самопиской.

— Это только часть... я ведь что? Меня еще в университете подцепили. Думал, буду наукой заниматься. И занимался, да... Знаешь, какая в доме лаборатория? В университете такой не было! Я, как увидел, просто... первый год, словно во сне. Это как... не знаю, опьянение.

Он сунул палочку в шевелюру и поскреб.

— Еще там, когда мы учились... мне сказали, что тема на защиту у меня, конечно, интересная, но вот всякого рода положов есть больше полусотни, и еще один ничего существенно не изменит. Это зря. Мне ведь удалось не только стабилизировать его, но и сделать динамичным. Представляешь? Ты можешь и двигаться, и он будет изменяться вместе с тобой... в общем, там мало оставалось. Я думал заявить уже, но... мне намекнули, что есть вещи куда более занимательные. К примеру, изучение нежити...

Глен встал.

Сложил пополам лист и протянул его моему супругу.

— К примеру, знаешь, что нежить не трогает друг друга? И те же грызлы могут спокойно сосуществовать рядом с макошами, пожирающими даже камни? А пожорник внимания не обратит на стаю мравок. Как они понимают? Ладно, когда речь идет об условно-разумных существах, но ведь есть еще и те, у кого мозгов и в зачаточном состоянии нет.

— Есть же...

— Я знаю. Официальная теория. Только она не работает. Сама посуди. Запах. Да, существует нежить с необычайно острым обонянием, — Глен встряхнулся, как бывало всегда, когда он заговаривал о работе, которую, пожалуй, единственную любил со всей возможной искренностью. — Но... проводились эксперименты. Кем? Не спрашивай. Подробности... после.

Он потянулся.

— Так вот, животных покрывали вытяжкой из разных особей нежити. И ни разу, ни разу не сработало... тепло? Аура? Ауру закрывали щитом. Более того, копировали внешний слой дефектной мертвецов... разных, включая лича. И вновь же, нежить не обманывалась. Понижали температуру тела... хотя это глупость, поскольку в активной нежити идут физиологические процессы. И температура тела того же умертвия, конечно, много ниже человеческой, но отлична от нуля. Визуальная картина? Звуки, которые твари издают? Все это не единожды скопировано и испробовано.

— Кем? — Эль разглядывал листок и вид у него был презадумчивый.

— Нашлись... умельцы. Отчасти, как я понял, Марисса и ее дядюшка просто собрали все работы по теме. И были весьма дотошны, я вам скажу. Они умудрились достать протоколы испытаний защитного амулета, которым две сотни лет... кстати, на редкость интересная задумка. Амулет заменял ауру, понижал температуру и производил аромат разлагающегося мяса. Но не работал. Испытуемых задрал грызл. Еще была такая штука, которая испускала неслышимый человеческим ухом звук. Вроде бы как ряд мелких тварей издает подобный. В общем... как понимаете...

...не сработало.

А вот странно, что прежде я не задумывалась, собственно, а как и вправду твари отделяют людей от себе подобных? Нет, есть такие, которые жрут всех, до кого дотянутся, но есть же весьма и весьма избирательные существа.

И ведь действительно, между собой они в большей степени спокойно уживаются.

— Ряд протоколов относились к недавнему времени. Работой занимался дед Мариссы... ты его помнишь. Фамилия у него другая. Точнее псевдоним. Иоганн Фзельский.

— Что?

Иоганн Фзельский читал «Теорию нежитиеведения» на первом курсе, «Основы защитных рун» на втором, да и треть предметов на старших.

Был он сдержан. Дотошен до занудности и оттого не слишком любим. Хотя, следовало сказать, дело свое он знал. И... и все равно.

— Сам был в шоке, когда узнал. Марисса ведь... даже когда мы встречаться стали, ни словом... он меня ей и порекомендовал. Я ведь рассчитывал, что с ним буду работать. Вместе. Но не срослось.

— Что с ним произошло?

Он просто исчез.

И появился новый наставник, который тогда раздражал своей суетливостью и непривычным многословием, а еще неумной любовью ко всякого рода схемам. Помнится, мастер Виннегольд

искренне полагал, что запомнить схему в двадцать уровней для студента проще, чем просто двадцать страниц учебника. А уж схемы свои любил он трепетной любовью...

Вспомню — вздрогну.

Пальцы Эля скользнули по моей руке, и Глен скривился.

— Нежничаете...

— Не завидуй, — сказала я, подвигаясь поближе.

А что, муж у меня, хоть и тощий, но теплый. Что еще осенью надо?

Глен демонстративно отвернулся и губу нижнюю выпятил. Вот и как это понимать? Взрослый мужик... неужели и вправду думал, что я остаток жизни буду по нему страдать? Нет, я страдала. Честно. Несколько дней. Потом тоже страдала, но уже по другому поводу.

И по третьему.

Жизнь, она вообще к страданиям располагает.

Глен вздохнул.

Вздохнул снова, погромче, пожалостливей, но видя, что собеседники ему попались на редкость черствые, укоризненно покачал головой и продолжил:

— Умер он... как сказать... не то, чтобы совсем... он был великим ученым. Правда, слишком уж поверил в собственное величие и непогрешимость. В общем, он первым дошел до мысли о существовании так называемой «*materia mortuis*»...

И пауза.

Театральная.

— Что за хрень? — вот и в прошлой нашей жизни он никогда не умел просто взять и рассказать, всенепреренно нужно было впечатление произвести. А у меня от этих пауз одно впечатление — руки к сковородке тянутся, и отнюдь не для того, чтобы блинчики испечь.

— Ты стала невыносимо груба.

— А то...

Эль промолчал, только по руке погладил, то ли утешая, то ли сочувствуя. Вот... повезло мне с ним. И жаль будет, если уйдет... точнее, когда уйдет.

...когда-нибудь.

Но ведь до этого момента у нас есть еще время.

— Это некое вещество, которое содержится в любой неживой твари, своего рода концентрация смерти, ее высшее воплощение. Именно «*materia mortuis*» заставляет плоть изменяться, создавая подобие жизни... и именно благодаря ей нежить не жрет друг друга.

Глен почесал щетинистую щеку, что несколько дисгармонировало с общим пафосом повествования.

— В общем... он полагал даже, что «*materia mortuis*» представляет собой самую воплощенную тьму в божественной ее сути. И именно потому тварь не дерет тварь, ибо все они по сути своей едины. Более того... в хрониках ему удалось найти косвенные подтверждения своей теории. Древняя нежить, вроде личей и им подобных, разумная, сильная, способна была объединять тварей попроще и управлять ими. А это невозможно, точнее весьма сложно, если принимать их за отдельные объекты. Он допускал, что эта самая «*materia mortuis*» позволяет как-то воздействовать на любую нежить.

...и если был прав, то...

Я далека от теоретической некромантии. Я умею упокоить упыря или распознать двоедушника, одолею грызлу и, если повезет, кого побольше. Но вот все, что больше... сильнее...

— Он посвятил годы, пытаясь выделить эссенцию и... ему удалось, — тихо завершил Глен.

А за окном качнулись листья малины, зашелестел ветер, словно предупреждая, что не след лезть в это дело, что хватит с нас и лапы демона, которая ныне квасит капусту... что лучше бы взять эту самую капусту, можно даже без лапы, малину, сиротку и мужа и убраться куда подальше.

Да хоть бы в те самые эльфийские леса.

— В последний год он позволял мне ассистировать...

— Ты не говорил.

— Ты была слишком занята собой. Да и... прости, но ты... точнее тебя никогда не рассматривали, как... в общем, ты особо успехов не проявляла, а потому...

— А кого рассматривали? — осторожно поинтересовалась я. — Кроме тебя?

— Да так... я точно не знаю. Вейрина помнишь? Ему составили протекцию, это точно... и не ему одному. Я не знаю, насколько они связаны...

...малина за окном и та затихла. А я прижалась к мужу, который обнял меня, но легче не стало. Одно дело, когда ненормальный папаша пытается скормить тебя нежити. Семьи, они разными бывают.

И совсем другое, когда речь идет о масштабном... заговоре?

Вот же...

Гадство, если не хуже.

— Но письма приходят. Он знает, что творится... да, пожалуй, во всей провинции...

...которая, как я помню, является пограничной и не самой спокойной. И что это нам дает, помимо, конечно, лишней головной боли?

— ...иногда больше, иногда меньше... я не особо интересовался, но знаю, что в свое время он помог многим. Искал, кто талантлив, но... сама понимаешь, талант — это одно, а поддержка рода — совсем другое. Вот и...

...и сколько ему обязаны карьерой?

Но, если я успела что-то понять про папочку, на одну благодарность он не рассчитывает. Слишком уж ненадежно, да... стало быть... что?

Небольшая просьба, которая выглядит безопасной? И следующая... и третья, за которую уже платят и весьма неплохо, но просьба малость незаконна...

Или никакого шантажа, но простая и незамысловатая клятва на крови, которая обеспечит верность? Но кто рискнет принести такую клятву... хотя, о чем это я? Рискнут. Главное, правильно преподнести. А папенька сумел бы...

— Но я в лаборатории время проводил. Ты не представляешь, каково это, стоять на пороге величайшего открытия, которое перевернет все представления о некромантии! Которое начнет новую эру... которое...

— Утихни, — попросила я, потому как восторги эти что-то несколько... смущали.

Мягко говоря.

— Ты всегда была слишком черствой.

А еще здравомыслящей, и поэтому понимаю, что подобные великие открытия, как правило, для открывателей боком вылезали. И ладно, когда только им, а то ведь... до чего привлекательно звучит. Извлек эту самую мертвую материю и вперед, сотворяй неживой для вящей пользы человечества.

Глен насупился.

Но наткнувшись на взгляд моего супруга, в котором прорезалась вековая мудрость эльфов в совокупности с вящей оценкой умственных способностей отдельных человеческих особей, продолжил.

— Если я был увлечен работой, то мастер — одержим ею. Порой он забывал о простейших человеческих потребностях, а порой... знаешь, его высказывания... он полагал, что человеческая плоть несовершенна. Подумай сама. Люди стареют. Их срок жизни отвратительно короток. Опять же, болезни всякие... и вообще...

...то ли дело нежить.

— Тот же лич способен просуществовать несколько сотен лет, становясь при этом лишь сильнее.

...нет, вот не всерьез же, да?

Мастер производил впечатление человека разумного, а разумный человек не будет искать способ превратиться в нежить, пусть и весьма разумную.

— Да что там сильнее! — Глен распаялся, верно, идеи наставника не оставили его равнодушным. — Старого лича одолеть практически невозможно! При этом доказано, что они разумны...

...ага, только этот разум несколько тронут одержимостью. Хотя... с учетом услышанного, проблема может быть вовсе не в личах.

— Да, есть определенные недостатки, но... он продумал. Кровь можно получать на добровольной основе. Убивать кого-то вовсе не обязательно. Сила... тоже есть стихийные источники. Зато...

— У него ведь не получилось? — признаюсь, я очень на то надеялась, потому как одно дело прятать Глена от бывшей подружки, которая, пусть и стерва, но все же человек, и совсем другое — от лича.

С личами мне связываться хотелось еще меньше, чем с демонами.

— Он... ему... удалось выделить вещество... — Глен поежился. — На самом деле технически это несложно. Просто раньше никто... не занимался этим вопросом.

...или результат получился отличный от ожидаемого, поэтому тему и похоронили. Случается и такое.

— Он... провел ряд испытаний. С животными... и псы превращались в некое подобие грызл. Кошки... в общем, здесь почти нет зависимости от размера животного, чтобы запустить процесс хватает и капли. Концентрированной эссенции, — уточнил Глен и поскреб кончик носа. — Правда, и выделить эту каплю... замаешься.

— На ком еще проводились эксперименты?

Вот как-то гложут меня сомнения, что старый мастер ограничился кошками.

Кошек жаль.

Кошек я даже люблю, особенно некоторых, которым ни лоток чистить не надо, ни кормить, да и орать они не орут по утрам... да, в мертвом состоянии определенно есть некоторые плюсы.

— Так... — Глен отвел взгляд. — Я это... потом уже выяснил... он подбирал нищих... покупал...

...верно, тогда и свел близкое знакомство с некоронованным королем...

— ...и просто... рабочих. Ему нужно было убедиться... я читал записи.

И никому их не показал.

Я даже знаю почему.

У него была работа, призрак славы, маячивший перед носом, что та морковка, шепоток Мариссы, убеждавшей, что дед ее был слегка не в своем уме, а ведь Глен не такой.

Совсем не такой.

Он действует не из стремления к бессмертию, но ради науки. Высшего, мать его, блага, которое возьмет, упадет на голову всего человечества и разом оное осчастливит. Так стоит ли метаться? Тем более жертвам уже не помочь, а вот...

— Только записи. Если бы я знал, если бы заподозрил... я бы ни в жизни... он понимал, наверное...

А то, конечно, понимал. Одно дело принять мальчика под крыло, поманив карьерой, о которой тот мечтал. И совсем другое сделать пособником в убийстве.

В убийствах.

Эксперименты, они любят повторности и статистику, это я еще со времен учебы помню. Я поморщилась. Головная боль напомнила о себе. Она коснулась виска, предупреждая, что времени у меня осталось не так и много.

Скоро в доме запахнет паленым, а после меня накроет тяжелым покрывалом мигрени. И лучше бы мне не сопротивляться.

— ...я бы не позволил, а так... что мне было делать?

— Рассказать? — предположил Эль.

— Кому? Дядюшке Мариссы, который и без того был в курсе дела? Или кому-то из его знакомых? Думаешь, не доложили бы? Да и... мастер уже... ушел. Я бы... Марисса сказала, что они и сами не догадывались, как далеко зашел он в своем... стремлении.

Боль расплзалась, медленно, сполна позволяя мне прочувствовать последние минуты свободы. Она обнимала мою голову мягкими лапами, будто примеряясь.

— ...он... получил... подтверждение перерождения... они становились упырями. Мастер предполагал, что основная причина — отсутствие дара. Единственный одаренный слишком сопротивлялся, поэтому эксперимент вышел недостоверным...

...а ведь я в то время, случалось, бывала у Мариссы.

...просто на минутку... пока она собирается... я ведь обожду в гостинной. Чай и пирожки. Я вечно голодна... особенно в последний год, странно, как я не раздобрела, постоянно что-то пережевывая. Теперь понимаю, что пыталась заесть переживания, но...

...странно, как это меня не пустили на опыты... во имя науки...

— ...он собирался, но, насколько я понял, время подгоняло... он был болен и не хотел умирать... как не хотел подвергаться стандартному обряду...

...это тому, где жертве вырезали сердце, а кровь заменяли бальзамирующей жидкостью... что-то там еще было... нам рассказывали, кажется, даже мастер.

Но дело не в этом, а в недоверии... думаю, папенька не стал бы создавать лича, которого не сумел бы контролировать, а дедушка вряд ли мечтал все посмертие подчиняться воле другого мага.

Не договорились.

— У него не оставалось выхода, кроме как рискнуть...

— И что получилось?

Голос Эля доносился словно бы издалека. Я закрыла глаза, пытаюсь представить, что нахожусь далеко отсюда. Очень далеко... что не дождь шелестит — звуки становились раздражающе громкими, а море... правда, разницы никакой, море тоже раздражало шелестом.

Волна за волной.

Волна...

Из волн высунулась лапа демона и скрутила фигу.

...я пришла в себя, когда за окном стояла темень. Но лишь затем, чтобы сползти с постели и...

— Куда? — строгий голос мужа заставил вздрогнуть.

— В туалет, — сказала я чистую правду, ибо мигрень мигренью, но лежать в мокрой кровати удовольствие весьма сомнительное.

Меня подхватили на руки.

И снесли вниз.

К счастью, настаивать на дальнейшей помощи Эль не стал, за что ему огромное спасибо.

В туалете было прохладно и даже неплохо, настолько неплохо, что возникло желание еще немного посидеть... самую малость. Уткнуться лбом в дверь и... не думать о судьбах мира.

Могу я хотя бы в туалете не думать о судьбах мира?

Совість загадочно молчала, а я...

— Выходи, — сказал Эль. — Чай пить будем.

— Не хочу чай пить.

— Тебе травы.

— Какие?

— Разные.

Какой у нас, однако, диалог содержательный. Но... пить и вправду захотелось со страшной силой. Приступ мигрени не прошел, скорее боль отступила, позволяя мне немного прийти в себя, чтобы поутру вернуться. Я успела ее изучить.

А она меня.

Из туалета я практически вывалилась на руки мужа, которые оказались весьма себе надежными. Во всяком случае меня они подхватили, отсрочив встречу с полом.

— Давно это с тобой? — он усадил меня на лавку.

Откуда-то появился толстенный теплый плед, который Эль накинул мне на плечи, и колени укрыл, и, кажется, будь его воля, вовсе закутал бы. Он глядел хмуро, с упреком.

— С тех пор, как мама умерла... то есть, оно и раньше случалось, но редко. А как умерла... тогда был на редкость поганый год. И следующий не лучше. Вот и... каждый месяц. Ты не думай, я обращалась к целителям.

— И что они? — судя по тону, целителям Эль заранее не верил.

— Да ничего...

Мне под нос сунули высокую кружку, от которой терпко пахло травами. Тут же появился горшочек с медом, и ложка.

— Меньше работать, больше отдыхать... нервничать еще нельзя...

...так себе рекомендации для практикующего некроманта.

— А где...

— Спит, — Эль указал куда-то в угол. — Я поставил защиту, но ему лучше не выходить из дому.

Согласна.

Вообще странно, что его живым выпустили. То ли еще нужен, то ли... нас всех тут уже не считали опасными, что навевало на определенные мысли.

— И что мы...

— Я отписал отцу. Он свяжется с Советом.

— А пока...

— Будем приглядывать. Сюда посторонние не сунутся.

— Ага, — мед был гречишным, слегка терпким, помнящим о лете.

— Теперь точно не сунутся. Меллорн не позволит.

Это он про сиротку? Вот сомневаюсь, что одинокое эльфийское дерево, пусть даже самых благородных кровей, остановит парочку темных магов, которые получили однозначный приказ.

— Ты не понимаешь, — теплые ладони мужа прижались к моим вискам. — Где один мэллорн, там весь Вечный лес...

...травы горчили.

А мед был сладок. Эль делился теплом, и мне как-то подумалось, что соседи вовсе не обрадуются Вечному лесу... это ведь как-то... уснул у себя дома, а проснулся в лесу, да... странно.

И хорошо.

А главное, спокойно. Настолько спокойно, что мне вдруг стало безразлично. Полетит мир в пропасть? Пускай... главное, банку с медом в руках удерживать. Небось, с медом и в пропасти жить можно.

— ...если тебе понадобится уйти, просто прикоснись к нему и позови... ты понравилась бабушке...

...сомневаюсь.

— ...иначе она не стала бы нарушать правила.

...тогда, наверное, понравилась. А может, дело не во мне... может, даже совершенные эльфийские леди устают от своего совершенства.

...в следующий раз я проснулась ближе к полудню. Голова не болела.

Я ее потрогала, убеждаясь, что она все же на месте. Но не болит. В отличие от ног, которые придавил своей тяжестью маншул. Стоило мне пошевелиться, и кошка приоткрыл один глаз, правда, лишь затем, чтобы снова его закрыть.

— Слезь с меня, — попросила я, пытаюсь спихнуть маншула.

Он широко зевнул.

И не пошевелился.

— Между прочим, я тебя создала, я тебя и... — я щелкнула пальцами, но кот лишь ухом дернул. — Мне в туалет надо!

Нет, я далека от мысли, что низшая нежить способна понимать человеческую речь, но кот тяжело вздохнул и сполз. Слегка. Позволяя мне вытащить правую ногу.

И левую.

И встать.

Он растянулся на моей постели, умудрившись занять ее всю, и зарокотал.

— А... где все?

Спрашивала я у кота, но отозвался почему-то Глен.

— Завтракать будешь? — крикнул он. — Твой ушел. Велел сидеть дома... слушай, а он у тебя не такой и зануда...

...старый Гарби был известен в узких кругах, как человек, способный достать если не все, то почти все. Были бы деньги.

К деньгам Гарби испытывал просто-таки нечеловеческую любовь. Правда, сомневаюсь, что его в полной мере можно было считать человеком. Лицо его было узко и несуразно, а фигура — длинна и тоже несуразна. Особенно в ней выделялись узкие плечи и длинные, ниже колен, руки с непомерно широкими кистями. Тонкие пальцы он украшал перстнями, всякий раз иными, и поговаривали, что где-то в этой комнатухе, забитой до потолка всяким хламом, скрываются заветные шкатулки, доверху полные перстней, цепочек, монет и прочих малых радостей.

Находились и безумцы, которые пытались эти самые шкатулочки отыскать.

Так говорили.

Не знаю. Мне вот хватило при первой встрече заглянуть в прозрачные, будто ледком подернутые, глаза, чтобы всякая дурь из головы выветрилась.

— С чем пришла? — а вот голос у Гарби был тоненький, девичий, и это тоже служило поводом для шуток. Правда... как-то так получалось, что рано или поздно шутка доходила до Гарби, а он обижался на шутника и поднимал ему цены.

Или опускал. Если, конечно, речь заходила о покупках. А покупал он, что характерно, тоже все. И платил порой куда больше, чем та же Гильдия.

— С заказом, — я переступила через обрывки конопляной веревки, заботливо стянутые в один пучок. Правда, задела несколько глиняных горшков, поставленных один на другой, и башня зашаталась к огромному неудовольствию Гарби. Оттопыренные уши его дернулись, но я успела предотвратить катастрофу.

— Вот, — не без труда, но я добралась до старого стола, за которым Гарби перебирал сокровища. Сейчас перед ним выстроилась армия оловянных солдатиков, которых он бережно протирал куском ветоши, сдирая и остатки краски. Я выложила пару золотых монет. — Мне нужен букет.

— Иди в цветочный, — Гарби выбрал из груды солдатиков одного, с перекрученной рукой, и поднес

к глазам, прищурился, примерился и, ухватив за руку когтями, ловко повернул ее.

— Мне нужен особый букет.

Ветошь коснулась олова.

— Для эльфийской бабушки... на день ее рождения... — я замолчала, не зная, что еще сказать. Но Гарби уставился на монеты.

— Это задаток, — на всякий случай сказала я, хотя правила знала.

Он называл сумму, а клиент или соглашался, или нет.

Ни торгов.

Ни скидок.

Только одно лишь честное золото.

Гарби вздохнул, и тонкие длинные усы его, в которые он вплетал разноцветные нити, качнулись. Дрогнула оттопыренная нижняя губа, словно старьевщик того и гляди разрыдается, но... нет, он сумел справиться с собой.

— Особый? — уточнил он безнадежно.

— Особый.

— Проще заказать старушку.

— Старушка нужна, — тут уж я вздохнула. Сдается мне, Эль не обрадуется, если я избавлю его, пусть от несколько назойливой, но все же родной бабки. — И букет нужен.

Гарби покачал головой.

— Почему?

— Потому что и вправду проще заказать старушку, — он вернул солдатика в коробку, туда же сгреб прочих, выставленных на столешнице, а саму коробку отправил ниже, под стол, к другим, которых собралось великое множество. — Эльфы... они чувствуют.

— Что?

— Все.

— Не понимаю, — я опустилась на краешек древнего кресла, которое стояло здесь, сколько себя помню. Спинка его зияла дырами, а пару ножек заменяли кирпичи. — Что в этом такого... я думала пойти и купить роз, но что-то подсказывает, что этого будет мало.

Гарби величественно кивнул.

— И цветочный не подойдет... и что мне остается делать?

Широкая ладонь накрыла монеты. То есть, что-то мне да продадут.

— Ищи, — сказал Гарби, глядя на меня с откровенной жалостью. — Ищи то, что близко тебе самой. Они видят суть... иногда... а как оно выглядит, дело другое.

Ага.

Понятно, что ничего не понятно.

— Погоди, — монеты исчезли. То ли в узких рукавах, то ли в тайных карманах, которыми, поговаривали, была украшена одежда Гарби. Он отвернулся и исчез где-то за стеной коробок, чтобы вернуться спустя минуту.

В руках он нес горшок с чем-то... серовато-грязным, похожим на два мышинных хвоста, которые забавы ради воткнули в сухую землю.

— Поливать не пробовал? — поинтересовалась я, убедившись, что земля спеклась до состояния камня.

Гарби оскалился. А вот зубы у него были определенно нечеловеческими, мелкими и острыми.

— Сама и польешь.

— И что будет?

— Двадцать золотых.

Ага... то есть двадцать золотых с меня хотят вот за это чудо, которое еще не известно, живо или нет. Я потрогала висящий хвост. Наощупь он был столь же сух, как и земля, из которой он торчал. С другой стороны, Гарби никогда не обманывал своих клиентов.

Денег было жаль.

Себя тоже.

И Эля... и...

— Ты ничего не слышал случайно про то... что в городе пропадали маги? — я положила двадцать пять, разделив их на две кучки. — Темные. Или светлые...

...эксперименты, они такие, требуют определенной дотошности. И если у Глена духу не хватило бы убивать, еще не значит, что мой папенька столь же щепетилен.

— Слышал. Случайно, — золотые монеты исчезли, а во взгляде мелькнула тень интереса. — Чужаки. Темные. Пятеро. Светлые... пятеро. За прошлый год.

— А за этот?

— Говорят, что нежить порвала... полезли на Старый город... и вот... а их, между прочим, предупреждали, да... а еще говорят, что в нынешнем году скоростижно скончался многоуважаемый Фельгюс Ильдераси. Весьма себе знающий человек... предыдущий глава Гильдии... на редкость принципиальным был человеком.

— Что еще говорят? — как-то про смерть Фельгюса я слышала, но... в то время имелись у меня куда как более насущные проблемы.

Да и стар он был.

И от дел отошел еще до моего рождения. Или сразу после? Матушка, помнится, весьма грубо о нем отзывалась, что-то у них не вышло...

— Что его правнук тоже весьма любопытный молодой человек, не желающий понимать, что в некоторых делах любопытство будет излишним.

Ага...

И ого... и не знала, что у старика была семья.

— А еще, что твоя матушка училась у старика, — Гарби позволил монетке мелькнуть меж пальцев. — И он был весьма ею доволен... пока не произошла одна некрасивая история.

— Какая?

Монетка исчезла, а Гарби протянул раскрытую ладонь.

— Сколько?

— За старую сплетню — золотой.

Нужно ли оно мне? Нет, я не обеднею, как-то вдруг вышло так, что у меня появились деньги, но... это же не значит, что их нужно тратить.

— Вы, люди, не до конца осознаете, что будущее проистекает из прошлого. Хочешь понять, что происходит? Оглянись.

Я оглянулась.

Отчего б не воспоследовать мудрому совету, тем паче бесплатному. В моем прошлом были следы на пыльном полу, веревки, корзины и треснутые горшки. Чучело человечка с вытертым добела лицом. Старая кукла. Что-то еще...

Золотой я дала.

— Фельгюс брал лишь одного ученика. Так было заведено. И все полагали, что выбор его

остановится на молодом Бьоггсе, ведь был тот талантлив, да и отец его занимал немалый пост в Гильдии... однако вот же ж... старик со свойственным ему упрямством предпочел неизвестную девуцу сыну старого приятеля. Случился скандал.

Представляю.

— На него пытались воздействовать, но... он ответил, что Бьоггс разбалован родовой силой, он и без учителя полагает себя самым умным, а стало быть, не так уж и умен. Что до девицы, то у нее живой ум и немалое рвение, которое сполна восполняет недостаток родовитых предков. И сказал это, заметь, не наедине... да... он всегда отличался отвратительной прямоотой, наивно полагая, что правда никого не оскорбит.

Я почесала ладонь и с трудом сдержалась, чтобы не чихнуть.

Поговаривали, что Гарби вовсе не покидает этого покосившегося домишки, предпочитая существовать меж своих сокровищ. Я не верила. Вот невозможно жить в такой грязи.

— И девица показала, что ее не зря избрали. Весьма скоро она стала лучшей ученицей... и на нее возлагали большие надежды. Кое-кто вообразил, будто старик готовит себе замену, что вновь же многим не понравилось.

Я кивнула.

О да, как же... ладно, в некроманты, но чтобы женщина стала главой Гильдии? Пусть и в маленьком, забытом всеми богами городке...

— Однако произошло то, чего никто не ожидал... Фельгюс со скандалом выгнал свою ученицу.

— За что?

— За воровство.

Быть того не может. Матушка, конечно, далеко не образец морали, но... в том, что касается чужой собственности, она отличалась редкостной принципиальностью.

— Что именно она украла, осталось неизвестным... в кои-то веки Фельгюс решил проявить толику здравого смысла и промолчать. Слухи ходили всякие. Одни полагали, будто она сперла некий древний артефакт. Само собой, запрещенный, иначе не избежать было следствия. Другие, что продала или присвоила собственные Фельгюса разработки. Третьи решили, будто все вовсе не так было.

— А как?

— Старый некромант. Молодая хорошенькая собой студенточка... что в голову лезет?

Пакость всякая препаршивого свойства.

— Она ему отказала, — произнесла я, — и он...

— Он обожал свою жену. Весьма достойная была дама, жаль, что ушла... Впрочем, он ее всего на пару лет пережил. И изменять Даринее Фельгюс не стал бы. Не та натура.

Я кивнула.

Может, он и не стал бы... а вот матушка? После всего, что о ней рассказали... могло ли быть иначе? Старый и уважаемый некромант, который до последнего оставался весьма привлекательным мужчиной? И студентка, чьи моральные принципы позволили бы случиться небольшому — или большому? — роману? Вот только он отказался, а матушка...

— И этого не было, — Гарби сложил руки, и тонкие его пальцы уперлись в подбородок. — В то время твоя мать... мало чем отличалась от прочих человеческих девушек. Она думала о любви...

...и кажется, я догадываюсь, к кому.

Что-то старых тайн стало слишком много.

— И да... после ее и молодого Бьосса видели. Пошел даже слух, что в скором времени следует ждать объявления о свадьбе... и оно случилось...

...только в храм папенька отправился не с маменькой.

— ...Инельда Вельграсская принесла своему супругу около двухсот тысяч золотых приданого и, что

куда интересней, пару старых книг... она была весьма своеобразной женщиной. Жаль, что скончалась.

А уж мне-то как жаль.

— Спасибо, — сказала я.

— Ту историю мало кто помнит... да и после Бюсса твоя матушка вела весьма себе... свободный образ жизни, а потому вряд ли кто свяжет одну излишне надоедливую некромантку и главу гильдии, но... будь осторожней.

Это можно было счесть почти заботой.

— Буду, — не совсем искренне пообещала я.

А Гарби величественно кивнул. И добавил:

— Я подберу тебе пару книг. Приди завтра. Можешь с мужем, если не побоится... эльфы меня почему-то избегают. Наверное, обиделись... но тьма близко. И не стоит думать, что все, кто живет в ней, так уж рады будут наступлению полной тьмы...

...мы сидели на лавочке.

Над головой шумела крона серебристого дерева, которое явно не желала признавать приближение зимы, во всяком случае на земле я не обнаружила ни одного, даже крохотного листочка. Серебристые пластины покачивались, звенели, будто и вправду сделанные из серебра.

— Не думай о плохом, — попросил Эль, баюкая в руках горшочек, тот самый, с блеклой былинкой, которая после полива не ожила, подтверждая мои опасения, что спасти его, чем бы они ни было, уже поздно.

— О хорошем не получается.

Полусонная малина возилась в ногах. Колючие плети ее окружали ствол, изредка они расплзались, пропуская тонкие молодые побеги, которые вплетались в стену.

— А ты постарайся, — Эль обнял меня, а я не стала возражать.

В конце концов, может, нам тут жизни осталось на пару дней, а я страдаю о несбыточном. Или сбыточном?

— Что это такое? — я ткнула пальцем в горшок. Предыдущая тема беседы мне не слишком нравилась, а другие на ум не приходили.

— Не уверен, но... мы мало знаем о драконьей флоре.

— Драконьей?

Дохлый цветок с драконами увязывался прочно.

— В драконьих горах сложился совершенно особый климат. Во многом благодаря свойствам самих драконов.

Драконы.

Кто бы мог подумать...

— Как бы то ни было, но... нрав у них на редкость неуживчивый, а уж о том, чтобы подпустить кого-то к гнездовьям...

— С чего ты вообще взял, что это имеет отношение к драконам? — я ткнула пальцем в былинку, которая качнулась, но как-то вяло.

— Остаточные эманации силы.

Значит, имеет.

Я вздохнула и устроила голову на плече мужа. Драконы, некроманты... да катись оно все пропадом. У меня выходной.

— И... — драконы катиться не желали. — Как его оживить?

— Не знаю. Мою силу он не принимает, — Эль отставил горшок, который тотчас оказался в

заботливых объятых малины. Плети зашуршали, утаскивая очередного страдальца в колючее нутро. Вот и как мне его оттуда выковыривать?

Зазвенел эльфийский сиротка, и листья его мягко засветились в лунном свете. Звезда расчертила небосвод, а я вздохнула и сказала:

— Бочку в подвал спустишь?

— С капустой?

Я кивнула.

— Может... его куда-нибудь... кому-нибудь... передать?

— Кому?

А то я о том не думала. Но... кому? Папеньке последним штрихом зловещего его плана? Или сразу императору? Императору я, быть может, и отдала бы, но что-то подсказывало, что вряд ли меня удостоят аудиенции. А бочка... она бочка и есть.

С капустой.

Все равно квашеную не люблю.

...ночь выдалась дождливой.

Дождь начался с мягкого шелеста воды об оконное стекло, продолжился частой дробью по крыше. Он успокаивал и навевал обманчивое ощущение, что мир за пределами дома вовсе прекратил свое существования, но так даже лучше.

Нет мира.

Нет хлопот.

Разве что вот бочка, в которой почти утонула шкатулка, отправилась в подвал. Интересы ради я вытащила тонкую капустную нить, понюхала даже, пытаюсь определить, изменилась ли она, но попробовать так и не рискнула. Лапа ворочалась, шевелила пальцами, скреблась о дно шкатулки, но предыдущие сотни лет показали, что шкатулка сработана на совесть. Глядишь, еще пару недель продержится.

Из подвала я выбралась с банкой малинового варенья.

Эль и Грен беседовали, и со стороны это смотрелось почти мило. Хотя подозреваю, речь шла не о том, как стол править. Я посидела рядом, честно пытаюсь вникнуть в особенности процесса, который Глен гордо именовал клеточной печатью, но плюнула.

Было лень. Порой вот приключались такие, совершенно ленивые дни. И нынешний был явно из их числа.

Дождь шел. Малина зеленела, во всяком случае, мне показалось, что ныне она была куда как зеленее, чем вчера. Эльфийский сиротка покачивался, явно забавляясь с нитями дождя. Он собирал капли в ручейки, а их сливал в ручьи, устраивая водопад.

Было почти красиво.

Очистки совести ради, я сунулась в колючее кубло, желая убедиться, что драконьи былинки все еще живы, но в горшке образовалась молодая поросль малины.

— Совести у тебя нет, — проворчала я.

На что малина поспешила уверить, что совесть у нее есть, просто рудиментарная. Отодрав колючки от брюк, я вернулась в дом.

И чем заняться?

От скуки я убралась, потом прилегла с книгой, а когда очнулась, обнаружила, что и супруг, и Глен исчезли. Вот же... и записки не оставили. И вот что мне теперь думать?

Я вышла во двор.

Смеркалось.

Сумерки сгустились до того гадостного состояния, когда было непонятно, то ли существует вон та

тень у забора, то ли мерещиться она мне. И главное, совершенно не понятно, куда эту парочку понесло посреди ночи.

А мне что делать?

Сидеть и ждать?

Идти искать?

И куда?

— А ты что скажешь? — поинтересовалась я у дерева, которое радостно зазвенело листвой, то ли пыталось успокоить, то ли, напротив, подталкивало к подвигу. — Вернется, уши оборву, чтоб неповадно было.

В звоне почудилась легкая укоризна.

— Оборву, оборву... я тут... волнуясь, а они шлятся. И не надо мне говорить, что и я тоже. Сама знаю, что я тоже, но это же еще не повод!

Малина отряхнулась от воды и расправила плети.

Надо же... а былинка — не такая и былинка. Хрупкий стебелек расправился, оцетинившись мелкими, но весьма пакостными с виду колючками, среди которых то тут, то там проглядывали седые, будто пылью припорошенные, листочки. Впрочем, было растение — надеюсь, что все-таки растение, поскольку пара жуков, насквозь пронизанных колючками — еще довольно слабеньким. И пара побегов малины, сплетших гнездо по краю, угрожающе зашелестели, стоило мне поднести руку к горшку.

— Да не собираюсь я его трогать!

Совсем страх потеряли.

Малина завозилась, явно пытаясь донести до меня какую-то очень важную мысль. Главное, горшок у меня не собиралась забирать, что уже хорошо.

— Юся... — этот тихий шелестящий голос во мраке заставил меня подпрыгнуть. Грозно зазвенело дерево, взвились плети малины, разворачиваясь во весь свой немалый размер. — Я не причину вреда твоему дому...

...она стояла у ограды, разглядывая и сам дом, и двор с немалым интересом.

Она все еще была мертва, причем настолько, что даже в сумерках и издали ее сложно было принять за живую.

— Здравствуй, — я прижала горшочек к груди. — Что-то случилось?

Сомневаюсь, чтобы моя тетка ради собственного удовольствия явилась сюда. Да и то... как она вообще смогла преодолеть ограничение?

— Случилось, — ответили мне. — Я чувствую, как истончается ткань мира. И мертвые волнуются.

— Поверь, живые тоже далеко не спокойны.

Юся кивнула головой.

— Твоя кровь как нить.

Вот уж... не было печали.

— А то, что ты взяла, якорь.

— Вернуть? — говоря по правде, я даже обрадовалась. Как-то вот не вижу себя в роли хранительницы демонской конечности.

Но Юся покачала головой.

— Не хочу. Я устала от него раньше.

И вот подозреваю, что уговаривать бесполезно.

— Он приходил.

Уточнить, кого именно Юся имела в виду, я не стала.

— И чего хотел? — я присела на лавочку, и малина ревниво обвила ноги.

— Говорил, что я зря упрячилась. И что скоро я все равно буду вынуждена склонить голову. Если я сейчас принесу клятву, он меня не тронет.

— А ты?

— К сожалению, голову оторвать не получилось.

В сожаление я поверила охотно.

— Извини, что не приглашаю...

Она махнула рукой и поправила венок из увядающих цветов, который несколько сбился.

— Ничего. Я не очень хочу. Я только предупредить. Он очень силен. И от него пахнет мертвыми. Пока слабо, но...

...процесс начался?

И мой папуля скоро станет личем? Или кем-то посерьезней, вряд ли его так уж привлекает сумеречное существование.

— Он думает, что справится. Он знает, что та вещь у тебя. И он ее получит, потому что иначе умрет.

Мило.

Я бы сказала даже очаровательно.

Эльфийское древо зазвенело, укрепляя меня в мысли, что-таки дурные предчувствия на сей раз вполне себе обоснованы.

— Ясно...

— Еще он звал мертвецов. Они пока спят. Но если очнутся, то не уверена, что я сумею их удержать. И что захочу.

— Спасибо.

Не думаю, что ей было легко покинуть границы кладбища, да и кровь кровью, а сил она тратила немеряно.

— Пожалуйста. Если ты принесешь мне его голову, я буду рада.

— Постараюсь, но... ты же понимаешь, что вполне может статься, что головы лишусь я?

Она кивнула.

И добавила.

— У него есть маг. Той, другой крови. Как твой муж... и он очень сильный. И тоже другой.

Эльфийский лич?

То-то Эль обрадуется... я вот прямо наяву эту радость вижу.

— Ясно, — хотя ничего-то ясно не было. Совсем не было. Скорее было погано, сумрачно и вообще... но я протянула руку, уж не знаю, почему, а в нее лег огромный серебристый лист. Был он тяжел, а кромкой обладал острой. Или не в кромке дело, но я сперва услышала запах крови, а после ощутила боль.

Но страшно не было.

Скорее появилось ощущение, что я все делаю правильно.

Я подошла к ограде и протянула руку. Ноздри Юси дрогнули, рот приоткрылся и из горла донеслось протяжное рычание. Впрочем, она довольно быстро справилась с собой.

— Возьми. Не спрашивай, сама ничего не понимаю, — сказала я.

Ледяные пальцы с черными когтями царапнули ладонь.

— Спасибо.

Лист, на котором крови не было, Юся прижала к груди. А взамен вытянула из волос бледно-голубой колокольчик. И отступила в темноту.

...вот же...

Я вернулась на лавочку, тронула странное растение, которое вдруг выплюнуло длинный побег, опутавший ладонь. Тут же я ощутила жжение, правда, недолгое, и... боль ушла. И кровь с нею. Когда побег, побелев, просто-напросто отвалился, я убедилась, что рука моя цела.

Целее прежнего.

Даже пара шрамов, память о прошлой жизни и некоторой доле излишней самоуверенности, что с некромантами случается, исчезли.

Вот даже как.

— Даже не знаю, что сказать...

Малина, прочно обосновавшаяся в горшке, выпустила улитки молоденьких побегов. Черный стебель стал толще, колючки приобрели характерный металлический оттенок, а листья вяло шевелились. Что ж... букет почти готов.

Колокольчик вписался почти как родной.

...с мужем, который вернулся за полночь, я разговаривать не стала.

— Мы того... — Глен выглядел виноватым за обоих. — Нужно было встретиться с одним человеком... то есть не человеком... срочно... и решили тебя не беспокоить.

— Угу.

Я бахнула на стол котелок с остатками каши. Она слегка пригорела... точнее, не сказать, чтобы слегка, то, что сверху я уже отскребла и съела, частью сама, частью... оказалось, мои питомцы не только кровь жаловали.

— Орки, — Эль весьма старательно притворялся, что не замечает моей обиды, правда, получалось плохо. Вон, уши покраснели, а во взгляде появилась многовековая печаль эльфийского народа. — Должны знать. Мы... не очень ладим. Но у меня есть знакомый... я решил, что если обратиться, он хотя бы выслушает.

Судя по тому, что от обоих исходил характерный кисловатый аромат оркского медреса, разговором дело не ограничилось.

— К орку женщину брать нельзя, — Глен икнул и посмотрел на кашу с видом обреченного. — Орки... женщин любят. Даже таких.

— Таких, это каких? — я хлопнула по ладони скалкой.

Всего-то собиралась положить на место, но...

— Таких, которые только о выпечке и думают, — бывший вновь икнул и взгляд отвел. Взял себе тарелку, ложку и честно попытался наковырять себе каши. — Хозяйственных, то есть... так и норовят на хозяйство уволочь. А зачем нам тут еще и третий?

Я согласилась, что третий мне совсем незачем, тем более со своим хозяйством. Мне бы с нынешними двумя разобраться...

...почему-то подумалось, что внезапная вежливость моей соседки, она неспроста...

— Он свяжется с шаманом. Он сказал, — Эль к каше отнесся осторожно. Он заглянул в котелок, несколько обуглившийся снаружи, а затем и в тарелку Глена, изображавшего неправдоподобный энтузиазм и почти восторг, причем благоговейный, ибо кашу он клевал по зернышку. — Говорящие с духами слышат, что мир меняется.

Я опустилась на край лавки.

Даже стыдно стало.

Слегка.

Они все о мире, а я вот и ужин нормальный сообразить не способна...

— Что, если граница сломается, то плохо будет всем.

А то мы об этом не подозревали.

— Орки... будут злы, — добавил Эль. — Очень злы...

...ага... осталось понять, остановят ли папочку пара десятков злых орков, один эльф и некромант-недоучка. Умертвие в расчет не беру...

— И когда...

— Им нужна пара дней, чтобы добраться.

...и да, почему мне кажется, что этой пары дней нам не дадут.

— А я в степи уйду, — то ли пожаловался, то ли похвастался Глен. — Буду жить на свободе...

...разочаровывать его я не стала.

Может, и вправду понравится? Говорят, в степях по весне красиво...

...в день рождения вечномолодой и вечнопрелестной +++ сияло солнце. То ли осень запоздало вспомнила, что можно кинуть напоследок пару-тройку ясных дней, то ли просто впечатлилось серьезностью торжества.

В общем, солнце было.

Пробивалось сквозь потускневшие стекла, ложилось на пол, на подушки, щекотало нос. И мешало спать, что не добавляло мне хорошего настроения. Впрочем, я и прежде по утрам особым дружелюбием не отличалась, а тут...

...пахло шоколадом.

Терпкий сладкий аромат. И еще ванилью, корицей и чем-то кроме. Пахло настойчиво, и я все же открыла глаз. Левый. Затем и правый.

— Доброе утро, — Эль умел улыбаться так, что утро поневоле стало казаться и вправду добрым. — Мне подумалось, что ты будешь не против.

Он устроился на полу, скрестив ноги. А на колени поставил поднос с высокой кружкой, над которой поднимался парок, и булочками.

Самыми разными, мать его, булочками.

— Я не был уверен, какие ты любишь больше, — сказал он. — Поэтому взял все.

— Все и люблю.

Я кое-как пригладила взъерошенные волосы и выползла из-под одеяла, явно осознавая, что в этот конкретный момент мне изрядно не хватает изящества.

И красоты.

И вообще... на пол надо спархивать, а не падать, неловко выставив локоть, который тут же заныл.

— Осторожней, — с легким упреком произнес Эль.

— Утром я не могу быть осторожной, — я перевернулась на живот и подумала, что если в моем муже есть хоть толика здравого смысла, то сегодня же он вернется в эльфийские леса.

— Тогда больше не буду беспокоить тебя по утрам.

Я махнула рукой.

...и будет прав.

Почему-то стало тошно. Наверняка сегодня соберется весь цвет эльфийского общества, включая тех милых совершенных дев, от которых Эль неосторожно отказался. И как знать, не поймет ли он, что совершил ошибку и...

И я закусила гадостную мысль булочкой.

С маком.

— Осторожно, горячий, — счел нужным предупредить Эль, когда я потянулась к шоколаду. — Я взял на себя смелость пригласить портных... тебе нужно платье.

А еще туфли.

Белье.

И заткнуть тот мерзкий голосок, который утверждает, что меня можно расшить жемчугами, но все одно не поможет. Более эльфийкой, чем сейчас, я не стану. А значит...

— Угу.

— И украшения.

— Ага.

Булки, вот он секрет счастливой семейной жизни. Они душат сомнения и придают уверенности в себе. В конце концов... букет у меня есть.

Был.

На подоконнике.

Я покосилась на подоконник и с облегчением выдохнула, поняв, что за ночь букет если и изменился, то в лучшую сторону. Колокольчик стал ярче, да и пару бутонов выкинул, что для неживого по сути растения было удивительно. Малина... на ней наливались цветом ягоды, которые весьма себе гармонировали с белизной листьев драконьего подарочка. А тот ощутимо подрос, и теперь напоминал темную бутылку с широким основанием и узким горлом, щедро усыпанную медными колючками. Из горлышка бутылки торчало с дюжины листьев. Тонкие и узкие, они слегка завивались и... не знаю, что за оно, но деньги я заплатила не зря.

— Думаю, бабушка оценит, — Эль отлично меня понимал. — И тебе не стоит опасаться.

А вот это он зря.

Я догрызла булку — на подносе оставалось еще с полдюжины, и спросила:

— А... тебе не будет за меня стыдно?

Эль вздохнул.

Поднялся. И подал руку. А потом сказал:

— Никогда.

Что ж... остается поверить.

К полудню солнце решило, что с него хватит. А из подвала выползла крыса. Она была толстой, ленивой и на удивление наглой, если не нашла ничего лучше, как забраться на стол и там издохнуть. Почему-то вид этой крысы, которую Глен убрал тут же, вызвал в душе смутное беспокойство.

И перестало вдруг раздражать платье из эльфийского шелка, удивительно совершенное, слишком уж совершенное, как для меня.

Прическа.

Жемчуга.

Все это, начиная от тифель и заканчивая темным камнем, который вплели в волосы, и теперь он спускался на мой лоб, прилипнув к нему — тянуло немедленно оторвать — перестало вдруг быть важным. А вот крыса... у меня не было крыс.

Так я думала.

...ее обнаружил маншул. И издал протяжный низкий звук, то ли мяв, то ли рокот.

Он запрыгнул на стол и ходил кругами, а длинный хвост его подергивался, а крыса, тогда еще живая, следила за мертвым котом. Она не скалилась, она сидела смирно и смотрела. И я тоже смотрела.

Пыталась отрешиться от зуда, который вызвала серебряная пудра — без нее, оказывается, в свет никак невозможно выходить, — и смотрела.

И все равно пропустила момент, когда крыса дернулась и, завалившись набок, заскребла лапами.

— Что у вас тут... — Глен, на котором фрак смотрелся вполне даже прилично, добавил пару слов, с фраком не увязывавшихся.

А крыса издохла.

И маншул, верно, решив, что свой долг исполнил, спрыгнул на пол.

— Пакость какая, — Глен поднял крысу за хвост и поморщился. — Ты бы амулет защитный купила, что ли...

Защитный амулет у меня имелся, но говорить я ничего не стала.

Я поднялась в свою комнату.

Открыла шкаф.

Вытащила несколько запылившуюся шаль, впрочем, пыль моментально впиталась в нежные лепестки флердоранжа. Обернув шаль поверх эльфийского шелка, я подошла к зеркалу.

— Сделай... что-нибудь, чтобы в тему.

Странно разговаривать с платьем, но если уж в нем есть частица божественной сути, то почему, собственно говоря, и нет?

Цветы потемнели.

Истончились и... шаль изменилась. Она потекла, расползаясь по ткани, истончаясь, превращаясь в точную копию платья. Или не копию? Пара мгновений, и ее не стало, разве что появился поверх текущего темного шелка черный же узор, заметный только если приглядеться.

— Спасибо.

Мне стало спокойней. Определенно.

Прекраснейшая леди Алауниэль пребывала в крайне дурном настроении, основной причиной чему была единственная и горячо любимая — а в приличных эльфийских семьях иное невозможно — свекровь, визит которой, следовало признать, несколько затянулся.

А все почему?

А все потому, что ее дорогому мальчику категорически не повезло с супругой, которая, мало того, что относилась к презренному людскому роду, так еще и умудрилась быть некромантом.

...и божественное благословение к тому же...

...Малый Совет в лице трех знакомых, к которым леди Алауниэль обратилась с просьбой о возможности расторгнуть нелепый этот брак, ответил категорическим отказом. Большой... скорее всего сочтет повод недостаточно веским, а если и снизойдет, то нескоро...

...корона и вовсе предпочитает не вмешиваться в личные дела подданных, будто не понимает, что от благополучия их зависит благосостояние самой короны. А о каком благополучии может идти в браке с человеком?

Это не брак, фарс...

...и леди Алауниэль всенепременно найдет способ его прекратить.

Она подавила вздох.

Окинула взглядом дом, который был в той мере совершенен, чтобы не раздражать ее еще более. Правда, в последние недели совершенство его подверглось немалым испытаниям, но леди Алауниэль с честью их вынесла.

И не позволила испортить фасад совершенно варварскими подвесными горшками, в которых росли совершенно варварские петунии.

И хризантемы в бронзовых цветочницах убрала.

Гостевыми покоями, конечно, пришлось пожертвовать, но потом, позже, леди Алауниэль с огромной радостью избавиться от всей той позолоты и фарфора, которые в них скопились.

...но с Тири следовало что-то делать. Даже если смириться с мыслью — а смиряться у леди Алауниэль всегда получалось плохо — что развод невозможен, то добиться раздельного проживания куда как проще... а там, лет через пять или десять поднять вопрос снова... и снова... и в конце концов... главное, чтобы Тири понял: мама не желает зла.

— Дорогая, у тебя такое выражение лица, будто тебя пучит, — сама леди Эрраниэль излучала спокойствие.

Очарование.

И кажется, совершенно не смущалась, что любовник ее был полукровкой на треть моложе ее самой. А ведь даже не спросила, желает ли леди Алауниэль принимать это существо в своем доме. Любовник шурился, крутил коротко стриженной — будто нарочно, чтобы подчеркнуть свою дефективность — головой.

— Меня не пучит.

Застыли розы.

И хрустальные эустомы, которые леди Алауниэль лично расставляла в вазы, добиваясь того совершенства композиции, когда и примитивным особям становится понятна ее совершенство.

— Как знаешь, — легко согласилась леди Эрраниэль. — Но если все же пучит, у меня есть совершенно чудесное средство. Газы выйдут и все.

— У меня нет газов!

— А выглядишь, будто есть. Дорогая, в этом нет ничего стыдного, иногда лучше испортить воздух, чем кому-то жизнь.

— На что вы намекаете?

Супруг, который из отведенного ему — за спиной леди Алауниэль — места умудрился как-то оказаться у стены, сделал вид, будто не слышит. И вообще он думает, не иначе, как о судьбах мира, а мизинец в ноздрю засунул исключительно, чтобы думалось легче.

— Я? — удивление леди Эрраниэль было столь искренним, что так и тянуло поверить. — Дорогая, ты чересчур мнительна. Не пробовала принимать успокоительный настой?

...а главное, вырядилась, будто юная дева... точнее, юная дева, имеющая весьма слабое представление о приличиях. Этот укороченный подол.

Открытые колени.

Пара браслетов на ногах, явно нарочно выбранных для того, чтобы к этим ногам привлечь внимание.

— Успокойся, в конце концов, это мои триста лет. Свои у тебя еще будут, — леди Эрраниэль протянула руки к первому гостю. — Дорогой, я уже начала волноваться...

...Тири был в темном.

И ведь знал же, что праздник планируется в светлых тонах. Леди Алауниэль подробно ему все расписала, даже образцы тканей отправила, чтобы показал портному, но выходит зря...

...она даже поняла, почему он вырядился в черное.

Этой наглой девице пастельные тона категорически не шли. А уж тот оттенок розового, нежнейший, слегка припыленный, и вовсе бы подчеркнул мертвенную бледность ее кожи. Но это же еще не повод нарушать концепцию вечера!

— Как можно, — Тири, вместо того, чтобы поклониться и поцеловать руку, хотя, конечно, последнее было бы совершенно лишним, обнял леди Эрраниэль и куда крепче, чем это позволяли приличия.

— Здравствуйте. Рада встрече, — не очень радостно произнесла девица.

Платье на ней было...

Приличное.

Пожалуй, даже милое, если как для человека. Оно скрадывало определенные недостатки фигуры, но все одно было непонятно, что Тири нашел в этом убожестве.

Ноги толстоваты.

Талия широковата.

Сама костистая, но без должного изящества. Но... да, платье удалось, особенно узор поверх шелка хорош. И главное, не понять, выткан он или нанесен краской... какой?

...и почему ткань не предложили сперва леди Алауниэль?

На ней платье смотрелось бы куда как интересней.

Хотя цвет...

...но с цветом всегда можно поработать.

Раздражение крепло, впрочем, леди Алауниэль слишком долго жила на этом свете, чтобы позволить ему пробиться сквозь маску благожелательности. Она протянула девице руку, которую та осторожно пожала. И любовничек свекрови фыркнул, показалось, он вот-вот рассмеется...

— Может, следует отправить его наверх? — сквозь зубы поинтересовалась леди Алауниэль, которая ненавидела оказываться в двусмысленных ситуациях. А что-то подсказывало, что весь этот вечер будет одной бесконечной двусмысленной ситуацией. — Пусть... займется чем-нибудь.

— Позже, — леди Эрраниэль ответила лучезарной улыбкой. — Мы отправимся наверх вместе. И займемся чем-нибудь.

Прозвучало... пошло.

И отвратительно.

— Это вам, — девица протянула традиционный букет, в котором опять же не было ничего традиционного.

— Какая прелесть... — леди Эрраниэль осторожно приняла горшок весьма затрапезного вида. Точеные ноздри ее дрогнули. — Надо же... что это?

— Понятия не имею, — честно ответила человечка и ткнула пальцем. — Вот это малина. Не смотрите, что она синяя, вполне съедобна, когда созреет. Только смотрите, она еще та попрошайка... это вообще немертвый цветок. То есть, он не мертвый, и не живой. А что с ним стало, я не представляю. Мне его отдали... взамен, так сказать.

— А это драконья трава.

— Драконьей травы не существует, — не выдержала леди Алауниэль.

— Дорогая, и все-таки тебя пучит...

— Только осторожно, оно колется, — сочла нужным предупредить девица, а леди Эрраниэль кивнула.

— Прелесть... невероятная... дорогой, будь любезен. Тебе все-таки придется подняться наверх и... надеюсь, ты поставишь щит?

— У меня приличный дом!

— Дом-то приличный, но вот серебряные ложечки в прошлый раз кто-то спер.

— Это было сто лет тому!

— Всего сто лет, думаешь, от вредных привычек так просто избавиться? Так что, щит, дорогой... и хороший... мы ведь не хотим лишиться подарка.

...это было почти оскорбительно.

— А молодой человек...

— Мой знакомый, — почему-то не слишком уверенно произнесла девица. И смутилась. Всенепременно смутилась. А Тири подвинулся к ней ближе.

Знакомый выглядел симпатичным.

Для человека.

И одежду свою забавную носить явно умел.

— Мама, он подождет нас в моей комнате, — сказал Тири и подтолкнул человека. — Надеюсь, ты не против. Просто... его не стоит оставлять в одиночестве... а ты веди себя прилично. Можешь даже выпить, если с этого полегчает.

...к совету Глен прислушался, как это стало понятно спустя пару часов.

Вечер...

Такой вот вечер, среди цветов и хрупкого хрусталя, который преломлял свет, отчего пространство искажалось самым причудливым образом.

Музыка.

Гости.

Изящные эльфийки, которые нагло порхали вблизи от моего мужа, то и дело пытаюсь вовлечь его в беседу. И что характерно, на эльфийском, который я хоть и понимала, но слово через два, а уж в их исполнении речь порой походила на птичье чирикание...

Эль к чести его в беседы не вовлекался. И отвечал на общем. Получалось глупо.

Эльфийки злились.

И пакостили. Как-то совершенно мелко, по кошачьи... на меня опрокинули два бокала вина, но шаль, зашевелившись, с удовольствием приняла подношение. Сожрала она и жирный крем, как-то оказавшийся на моем подоле. И, кажется, приободрившись, сама потянулась к идеальному букету хрупких хрустальных цветов.

— Тихо, — велела я шепотом. И шепотом же спросила. — А нам долго...

— До полуночи, — шепотом же ответил Эль и руку протянул. — Потанцуем?

— Я не умею.

— Это не важно.

Как для кого... я здесь и так явно нежеланный гость. С другой стороны... бокал игристого вина сделал свое дело. Если терять нечего, то почему бы и не потанцевать?

Тем более с мужем.

Законным.

— Ты только... ноги береги, ладно?

Эль кивнул.

И улыбнулся. И... и если улыбнуться в ответ, то это не так страшно, верно? И смотреть только на него, не думая о тех, кто смотрит на нас. Пускай себе.

Сердце застучало.

А музыка вдруг изменилась, нежная некогда мелодия обрела четкий ритм. Я не успею.

Я не умею.

Я... я просто позволю себя закружить. Иногда ведь можно? Особенно, когда мир вот-вот рухнет в бездну, то... главное, улыбаться и не думать о том, как я выгляжу. Как хочу. Музыка морочит. А руки у моего мужа сильные. Он меня не отпустит.

Не уронит.

Не позволит упасть. Мне всего-то и надо, что стать слабой. Ненадолго. И у меня получается. Я так хочу думать. Или не хочу? Думать много вредно, особенно, когда смотришь в глаза того, кто... нужен?

Выходит, что нужен.

Как воздух?

Или больше? Или просто здесь и сейчас, а еще везде и всегда. И наверное, этот танец стоил того, чтобы понять простую истину. А еще жаль, что закончился он так быстро.

Музыка оборвалась.

Мы остановились, глядя друг другу в глаза. И стояли так, кажется, вечность.

— Надо же, подружка, — наш крохотный мирок не выдержал столкновения с реальностью и рассыпался. — Как ты ловко устроилась. Моего мужа забрала, и своего себе оставила. Не ревнуют друг к другу? Впрочем, Глен у нас еще тот приспособленец, когда надо и без мыла в жопу залезет...

Марисса.

Откуда она... хотя, конечно... вежливость, она такая... список приглашенных диктует, пусть и эльфам.

— А этого, значит, сама воспитала. Очаровашка... дай поцелую.

Эль целовать себя не дал. Марисса и не настаивала.

— Не дергайся так, — сказала она, коснувшись губами высокого бокала, но готова поклясться, вино Марисса даже не пригубила. — Меня дядюшка отправил цветочки передать, а то как-то неудобно... знаешь, у этих ушастых прелюбопытные правила. Двери их дома открыты в праздник... они примут всех, даже тех, кого искренне ненавидят...

Светлое платье.

Венок из каменных цветов. Лепестки сияют алмазным блеском, и красота этого венка завораживает. Впрочем, ожерелье из тех же хрупких, будто ледяных цветов, обвивает тонкую шею Мариссы.

И браслет в тему.

Она касается его осторожно, лаская...

— Вот та дамочка явно тебя ненавидит... думаю, если бы могла, она тебе лично горло перерезала...

У колонны застыла благородная леди Алауниэль, взгляд которой был столь тяжел, что мне действительно стало не по себе.

Я ведь ничего не сделала.

Наверное.

— Что ж... рада была повидаться... а моему супругу скажи, что я прощаю ему эту измену, — последние слова Марисса произнесла чуть громче, чем нужно.

И готова поклясться, сделала это нарочно.

Ее услышали.

И... сказанное интерпретируют по-своему.

— Я даже дам ему развод. Если попросит... будет третьим запасным...

Ответом ей был смешок, а лицо леди Алауниэль окаменело.

— А ты не боишься? — тихо поинтересовалась я, признаюсь, это было глупо, но... я ненавидела, когда на меня смотрели так: со снисхождением.

Легким презрением.

И толикой удивления, будто не понимая, что это существо делает в обществе.

— Чего?

— Он молчать не станет?

— О чем? — улыбка Мариссы сияла. — Впрочем, можешь не рассказывать... фантазия у него богатая. Признаюсь, когда-то она меня и впечатлила. Эти рассказы о скором гениальном открытии... о каком-то чудо-веществе, которое изменит мир... кому не хотелось бы стать женой гения? Только вот правда в том, что это вещество существует исключительно в воображении моего дорогого пока еще супруга. Как и все открытия. На деле же он — болтливая ленивая скотина,

только и способная, что пить и... не только. Мне кажется, в последние годы он стал что-то добавлять в выпивку и окончательно утратил человеческий вид... сама посмотри.

И она указала куда-то в сторону. А я посмотрела. Признаюсь, я не сразу увидела Глена, точнее увидела, но... это существо, склонившееся над вазой, чтобы извергнуть в хрустальные цветы содержимое желудка, лишь отдаленно напоминало моего бывшего.

Человека вообще.

Оно же, отблевавшись, вытерло рот рукавом фрака.

Икнула.

И помахало мне рукой.

— Юся! — этот вопль перекрыл и музыку, и ропот толпы. — Юська, иди ко мне... пошалим, как в былые...

Я почувствовала, что краснею.

Вспыхиваю.

А Глен решительно, как ему казалось, направился ко мне. Правда, двигался он зигзагом, слегка задевая, что колонны, что ледяные статуи. Вот зазвенела и покатила по полу ваза, выплеснув остатки воды. Брызнули в стороны молоденькие эльфийки. Кто-то что-то сказал.

— Юся, бросай это ушастое недоразумение...

Я закрыла глаза, желая оказаться в другом месте.

Где-нибудь на кладбище. На спокойном мирном кладбище, где водятся упыри и прочая милая сердцу нежить, у которой, может, беда с манерами, но в остальном они прелестно-предсказуемы и не норовят подгадить.

На плечо легла рука.

И я выдохнула. А потом открыла глаза, чтобы увидеть, как знакомый бритоголовый эльф взваливает Глена на плечо.

— Перебрал, — сказал он гостям, широко улыбнувшись. И клыки у этого эльфа оказались какими-то совсем уж не эльфийскими. А в левом еще и камень поблескивал. — С непривычки. Эльфийское-то легкое в голову еще так шибает...

— Ах, дорогой, ты как всегда прав, — великолепная леди Эрраниэль запечатлела поцелуй на щеке бритоголового, чем, кажется, шокировала местное общество куда сильнее, чем Глен с его слабым желудком. — Бедняге нужен отдых...

И за задницу ущипнула.

Демоны меня раздери. Почтенная эльфийская старушка на моих глазах ущипнула... и видела это не только я. Обернувшись, я поняла, что Эль вовсе не удивлен.

— Бабушка... она всегда знает, что делать.

— Думаешь...

Мне предложили руку, и я ее приняла.

— Кому интересны любовники какой-то там девицы человеческого рода, когда у сестры Его величества появился новый избранник.

Сестры?

Его величества.

— Так ты...

— Я.

Дышать глубже.

Ровнее. И под ноги смотреть. Я-то не пила, но кому это докажешь?

— И...

— Предпочитаю не распространяться. Наши знают, но... — Эль толкнул тяжелую дверь, впуская прохладный воздух. — Я ведь, как ты помнишь, не совсем... в порядке. И даже если получится восстановиться полностью, я все равно не смогу претендовать на престол.

Счастье-то какое.

На душе ощутимо полегчало.

— Но матушка продолжает надеяться, что я вернусь ко двору.

— Зачем?

— Чтобы блистать.

Ну да, очевидно же.

Я поежилась, вспомнив преисполненный какого-то отчаяния взгляд леди Алауниэль. И даже понять ее могу. Родить ребенка... растить ребенка с надеждой, что уж он-то если не трон займет, то место в непосредственной близости... а тут такой подвох. Сперва на границу сбежал.

Теперь вот я.

— Отец никогда не любил двор. Да и я... бабушка тоже. Это ее расстраивает.

Мы оказались в саду.

В эльфийском саду, где, несмотря на осень, цвели цветы и порхали бабочки. Правда, стоило коснуться одной, как она истаяла. Иллюзия?

— Маму тяготит местная зима. И осень тоже. Отец предлагал построить настоящую оранжерею, но она продолжает надеяться, что скоро мы отсюда уедем.

Ага.

То есть, нужно было что-то сказать, но я понятия не имела, что принято говорить в подобных случаях.

— Отец отговаривается делами... у него здесь партнеры. И лаборатория. Нет, он не некромант, у нас этот дар чрезвычайно редок, поэтому вряд ли некроманту позволили бы покинуть границы леса.

Лавочка нашлась.

Как лавочка... резная качель на серебряных цепях, которые облепили те же бабочки. Стоило мне присесть, как они вспорхнули, закружились искристым облаком. И исчезли.

...иллюзии не любят некромантов.

Никто не любит некромантов. Даже сами некроманты.

— Но Юся...

...вряд ли сумела бы отличить чистокровного эльфа, а полукровок с даром на моей памяти было не так и мало.

Я присела.

Эль устроился рядом. Он оттолкнулся от земли, и наша скамья качнулась. А в темных кудрях ближайших кустов зажглись искры.

Снова бабочки.

— Не думай. В ней говорила злость.

— Если бы...

Он осторожно сжал мои пальцы, успокаивая и утешая. Что ж... возможно, высший свет и забудет пьяную выходку Глена, но не благородная леди Алауниэль, которая и прежде-то ко мне любви не испытывала. А теперь...

— Марисса... она очень продуманный человек, — я устроила голову на плече мужа. — Она явилась не из вежливости. И вряд ли лишь затем, чтобы позлить меня... и это представление, оно совсем не

в ее духе. Марисса терпеть не может скандалов. Удушить втихаря — это да, а скандал, который заденет ее имя... имя рода...

Я вздохнула.

Бабочки кружились.

Они притворялись настоящими. Слетались к нам, кружились, норовили опуститься на руки, на волосы, чтобы расползтись затем дрожащим маревом чистой силы.

Бабочек было жаль.

Сидели мы... долго, может быть, и целую вечность. Я бы не отказалась от вечности на двоих. Но Эль вздохнул и произнес:

— Пора. Лучший способ предотвратить слухи, сделать вид, что ничего не происходит.

— И поможет?

— Нет. Но никто не будет уверен в том, действительно ли что-то происходит на самом деле.

Ага, то есть... в общем, не важно.

— Еще немного. И гости начнут расходиться, а там и мы... если мы уйдем слишком рано, все решат, будто тебя задела эта пьяная выходка, а стало быть, есть причина.

Конечно, есть.

Ненавижу пьяных, это раз. И тех, кто не умеет держать язык за зубами, это два. Но с другой стороны еще пара часов, и я окажусь дома.

— Надо только Глена проверить, — сказала я, сдувая очередную назойливую бабочку.

И ведь лезут же, тают и лезут.

...в том, что идея проверить Глена была плохой, я убедилась, стоило переступить порог гостевой комнаты. В носшибануло запахом свежей крови.

— Твою ж... — я в два шага преодолела расстояние от порога до массивной кровати с балдахином. Тот был опущен, скрывая и гору подушек, и тело, меж них раскинувшееся.

Жив.

Дышит.

Слабо, но дышит...

— Эль...

...его остановила матушка, там, в зале. Подхватила под руку, чтобы сказать что-то очень-очень важное и точно мне не интересное. И мне бы дожидаться возвращения, но...

...взгляды.

Смешочки.

И спины благородных эльфиек, всем видом своим выражавших презрение. Одной там, среди перворожденных, находиться было в высшей степени неприятно. И потому я попросила проводить меня к гостевым покоям. А потом еще подумала, что лакей вряд ли станет держать язык за зубами, и эта моя просьба будет истолкована весьма и весьма однозначно.

— Ю...с-с...я... — Глен открыл глаза.

Он был пьян.

И почти мертв.

Черный клинок торчал в груди, приколоч моего бывшего к кровати, что бабочку.

— ...это... ты...

— Это я, идиот. Говорили же тебе, сиди тихо, — я прижала пальцы к шее, понимая, что ничего не смогу сделать. — Кто?

— Ю...ся... ты... за что?

Кто-то заглянул в комнату.

Завизжал.

А Глен закашлялся кровью и, почти подавившись, подался вдруг вперед, схватил меня за руку.

— Не позволяй им... двоим... они... хотят... как древние... он и Марисса... вместе... не позволяй... Юся...

Меня оттолкнули, а к Глену потянулись руки, много белых эльфийских рук, которые опоздали. Я знала это, а они, упрямые, пытались удержать душу в мертвом уже теле.

Я знала, что эти двое, отец Эля и высокий худой мужчина с по-человечески унылым лицом способны на многое. И вот раны затягиваются. И кровь темнеет. Грудная клетка вздымается. Опадает. И снова... и снова.

Опять.

Меня взяли за руку, потянули.

Эль?

— Идем, — тихо сказал он. — Ты ему не поможешь.

И я расплакалась.

Ненавижу слезы.

Слезы высохли самой, стоило услышать шепоток:

— Убила.

Это слово повторяли на разные лады. Кто-то с удивлением, кто-то с восхищением, с недоумением, кто-то... так, что становилось понятно: стоит ли ждать от людей иного?

Низкие существа, которым неведома честь. И дело отнюдь не в том, что убивать плохо, отнюдь. Плохо убивать на чужом празднике, ибо редкая смерть способна этот праздник украсить.

— Не слушай, — тихо произнес Эль. И я кивнула.

Не буду.

Только слушать не нужно, достаточно оглянуться, все написано на лицах и...

— Я не убивала.

— Я знаю.

— Я его... нашла. Понимаешь? Просто нашла и...

Он молча коснулся губами виска.

И ком в груди растаял. Остальные? Плевать. Пусть думают, что хотят, но главное, что Эль точно знает: я не убивала. Дышать и то стало легче. Я уткнулась в грудь мужа. Не хочу никого видеть. Просто не хочу.

— Уйдем? — предложил Эль. И я кивнула. Уйдем. Его бабушка поймет. Она показалась мне способной понимать, и потом, позже, я попрошу у нее прощения. Быть может, в лавке отыщется еще один полумертвый цветок драконьих кровей или что-то иное... но я просто не могу оставаться здесь.

Вот только уйти нам не позволили.

Отчего-то я не удивилась, увидев дорогого папеньку во главе городской стражи. И пару своих прихватил. Эшварт, которого я полагала если не другом, то всяко человеком порядочным. А вот Дункан, как был дерьмом, так и остался... ишь, подбрасывает на ладони комок тьмы, будто намекая, что в любой момент готов его отпустить.

— Надеюсь, вы осознаете всю сложность вашего положения? — осведомился папенька, разглядывая, правда, не меня, но моего супруга.

— Надеюсь, и вы осознаете всю сложность вашего положения, — спокойно отозвался Эль.

— Совершено убийство.

— Совершено.

Было бы странно отрицать очевидное. Хотя, признаюсь, мелькнула мыслишка от тела избавиться, жаль, запоздалая... мне бы раньше сообразить. Простейшее заклинание пепла, и пусть доказывают, что мой дорогой бывший просто-напросто не сбежал.

Иногда некромантом быть удобно.

Особенно удобно быть сообразительным некромантом. И я вздохнула.

— Убит подданный империи.

— На территории, принадлежащей эльфам.

— Этот дом не является посольством.

— Однако согласно договору о благих намерениях, подписанном в году тысяча семьсот тридцать восьмом от Восшествия, любая территория, на которой произрастает мэллорн, является неотъемлемой частью Вечного леса, — Эль слегка наклонил голову.

— Да что вы... — Дункан почти отпустил тьму, но Эшварт взмахом руки развеял клубок.

Он силен.

Куда сильнее меня и в прямой стычке шансов у меня нет. В прямой стычке, пожалуй, меня одолеет почти любой, а потому сопротивление бесполезно.

— Расследование будет проведено, — Эль смотрел на отца, а тот... тот выглядел донельзя довольным, будто все шло именно так, как должно.

— Не сомневаюсь. Но мы заявим протест.

— Пожалуйста.

— А также потребуем выдать убийцу.

Я спрятала руки за спину, запоздало вспомнилось, что на них кровь. И стоило коснуться ткани, как руки обвили тонкие нити. Испугаться я не успела: нити исчезли, а с ними исчезло и ощущение грязи на коже.

— Думаю, сперва следует его найти.

— Думаю, вы знаете, о ком речь, — наконец, я была удостоена насмешливого взгляда. — Я понимаю, что вы оказались перед непростым выбором... и пытаетесь сохранить лицо. Но, право слово, все ведь очевидно. Вашу жену застали над телом с ножом в руках...

...а он откуда знает?

Все ведь произошло быстро. И в доме мы не задерживались. Даже если кто-то из приглашенных послал за стражей, что само по себе сомнительно, эльфы не особо любят, когда посторонние вмешиваются во внутренние дела их, то подробности... или...

— Клянусь тьмой, я не убивала, — и тьма отозвалась, обвила ладони, чтобы впитаться в кожу. Эшварт нахмурился, а вот Дункан сплюнул.

Не поверил?

Или, скорее, плевать ему было на то, кто там действительно убил. Дункану главное, как это дело на карьере отразится, которая у него во многом не складывалась. И отнюдь не потому, что специалистом он был дерьмовым. Не был. А вот засранцем, умудряющимся на ровном месте отношения с людьми портить, очень даже был. Но я-то здесь при чем?

— Клятва — это хорошо, — протянул отец громко. — Вот только... насколько мы знаем, связь с Вечным лесом не может не сказаться... в том числе на клятвах. Поэтому... с вашей стороны было бы весьма благоразумно оставить человеческие дела людям.

— Я бы оставил, — Эль задвинул меня за спину. — Если бы они касались только людей.

— Что ж... возможно, так оно и будет?

— Будет ли?

Стража притворялась глухой. Или... они слышат совсем другой разговор? У Мариссы всегда получались красивые щиты.

Как я ее не заметила?

Ныне она в черном, и строгий костюм ей к лицу. И тяжелая серебряная цепь, в звенья которой вплавлены камни. Наверняка, артефакт из тех, которые древние, родовые и свойств малоизученных.

Перстень в пару.

Заколки.

Взгляд насмешливый. И эта вот улыбка, снисходительная, прощающая даже. На мертвецов не стоит обижаться, а она явно полагала меня если не мертвой, то почти.

— Я тоже умею приносить клятвы, — отец теперь говорил иначе, как-то... спокойно?

Уверенно.

И главное, что я готова себя за локоть укусить, если слышим его только мы. Вот отступает стража, явно решив, что ссора с ушастыми городу особой пользы не принесет. Вот Дункан что-то нашептывает напарнику, и тот слушает, но не сказать, чтобы прислушивается. Вот на мое плечо ложится рука.

Оборачиваюсь.

Тот самый полукровка, который убрал пьяного Глена.

— Не стоит волноваться, — сказал он тихо. — Насколько я успел изучить светлейшую Эрраниэль, она скорее разрушит этот город, чем позволит причинить вред семье.

А я семья?

Семья.

— Мне нужно лишь то, что мне принадлежит, — и вновь взгляд на меня, будто он знает... хотя почему «будто»? Он точно знает, что спрятал предок, как знает, что это сокровище переместилось из склепа. И искушение огромно, будто сама тьма нашептывает, что стоит избавиться от докуки.

К чему мне рука демона?

Я ведь и капусту, если разобраться, не люблю. Так чего ради... люди? Люди справятся. Есть ведь другие некроманты и вообще... сомневаюсь, что отец собирается уничтожить город. На ненормального он не похож, ему власть нужна и отнюдь не над нежитью. Что изменится для большинства? Ничего.

Так стоит ли?

Я сунула руки в подмышки, коснулась шали, если уж она божественного происхождения, то пусть помогает, пусть избавит от этого... шепота. И он исчез. А с ним ушли и сомнения, и дрожь.

— Я дам тебе время, — сказал отец, отступая. — Но не думай, что его так уж много. И что нам нужно ваше разрешение. Скоро мир изменится. И вполне может быть так, что некоторые старые договоренности перестанут иметь вес.

А потом улочка опустела.

И парень сказал:

— Я вас провожу. Хотя глупо. Остались бы в поместье, там всяко безопасней.

Эль молча покачал головой, а я вцепилась в руку мужа и сказала:

— Его ведь кто-то убил. Кто-то из тех, кто неплохо себя чувствует в этом самом поместье.

А значит, не так уж там и безопасно.

...шелестело дерево серебряной листвой, укрывало от мелкого дождя, и солнечный свет, запутавшийся в листьях, согревал малину. Та и рада была растопырить уцелевшие листья, тянула побеги, жалась к гладкому стволу, спеша ухватить остатки тепла.

— Все будет хорошо, — не слишком уверенно произнес Эль. И я повторила, пытаюсь убедить себя:

— Все будет хорошо...

Прозвучало довольно-таки фальшиво.

А дома нас ждал маншул и пара полудохлых крыс, что бродили по кухне, натываясь на мебель. Шерсть их потемнела, частями вылезла, глазницы были пусты, но вот появление живых твари учуяли сразу. Одна развернулась и зашипела, прежде чем превратиться в горстку пепла.

Не хватало еще, чтобы в моем доме крысы на меня шипели.

Вторая заверещала, оказавшись в ограничительном круге.

— погоди, — Эль перехватил руку. — Она... не совсем, чтобы мертвая. И не живая.

Крыса рухнула на бок, тельце ее затряслось и лопнуло.

— Твою ж...

Заворчал маншул, соизволив спуститься со стола, подошел и ткнулся лобастой башкой в ногу. Глаза его блеснули, а из открытой пасти донесся протяжный низкий звук.

— Да, еще та мерзость, — согласился Эль. — Знаешь... мне кажется, что все-таки лучше убрать ту капусту из подвала.

Он снял камзол.

Закатал рукава и, оглядевшись, — пол кухни был покрыт мелкими кусками гниющего мяса, — осведомился:

— А тряпка половая у нас имеется?

Все-таки я люблю своего мужа.

А демоны...

С демонами мы как-нибудь управимся. И со всем остальным тоже.

— Знаешь, — сказал Эль, отжимая тряпку. — Кажется, я знаю, кто мог его убить. Проблема в том, что доказать у нас вряд ли выйдет.

Часть 6. Демоны любят не всех

Демоническая рука скрутила фигу.

— Не балуй, — не слишком уверенно сказала я, и кривоватые пальцы шевельнулись, когти заскребли по дну шкатулки, а обрубок задержался, будто рука пыталась выбраться.

Я с трудом удержалась, чтобы не отшвырнуть проклятую шкатулку. И то скорее из понимания, что далеко она не улетит: подвал у меня небольшой.

— И что с тобой делать?

Рука затихла.

А мне подумалось, что демону, должно быть, не слишком удобно без конечности...

В подвале воняло.

Капустой.

И дохлыми крысами, которые явно не желали осознавать, что жизнь их короткая подошла к естественному, или не слишком естественному, но всяко финалу, и теперь норовили восстать. Упокаивать их приходилось... в общем, приходилось, да.

Вони становилось больше.

А соседи и без того не слишком меня жаловавшие — тетушку мою, помнится, они от всей души жалели — и вовсе сделались мрачны и подозрительны. Нет, я понимаю, что особых причин любить друг друга у нас нет, но... это же не повод плевать в спину! Или амулет на забор вешать.

Дрянной, к слову.

Амулет.

Но я все равно прибрала, так, порядка ради и вообще в хозяйстве пригодится.

— К эльфам отправить? — я наступила на крысиный череп, который мерзенько хрустнул под ногой. А конечность затихла. И всем нутром своим я ощутила возмущение. К эльфам ей определенно не хотелось.

И мне, что характерно, тоже.

Эль предлагал.

Настаивал даже. Но стоило мне представить себя в Предвечном лесу, среди нечеловечески прекрасных дев, которые, вне всяких сомнений, примут меня, как родную, как зубы начинали ныть.

И спина чесаться.

А почесуха — верный признак того, что не стоит мне в лес ехать, к девам.

...тем паче кто-то же бывшего убил.

И отнюдь не человек.

Человека не пустили бы во внутренние покои дома. Нехорошие такие мысли, неправильные, но по глазам супруга я видела, что не только меня они посетили, поскольку как-то вдруг настаивать на отъезде Эль перестал.

Вообще странно все.

С того дня будто все успокоилось, не считая, конечно, соседей, но те пакостили по мелочи, издавляя, явно опасаясь приближаться ко мне, проклятой. Да и вообще... что они могли?

Дважды появлялся папочка во главе городской стражи, требовал меня выдать. Но вот как-то... неубедительно, что ли? Будто на самом деле ему было глубоко все равно, посадят меня за убийство Глена или нет. Хотя, подозреваю, ему и вправду было все равно. И вот это равнодушие, внезапная тишина беспокоили меня куда сильнее, чем война с крысами.

И капуста.

К слову, пахла капуста весьма себе... специфически. Нет, капустой тоже, такой характерный

кисловатый аромат, к которому добавилась острая нотка перца.

И гнили.

И еще чего-то...

— Или закопать где? — я села на бочку, не с капустой, другую. Честно говоря, понятия не имею, как она в подвале оказалась. Верно, тетушка еще отправила. Она, в отличие от меня, была хорошею хозяйкой и бочками не разбрасывалась.

Пальцы шевельнулись и почудилось одобрение.

Закопать.

В каком-нибудь тихом спокойном месте. Лучше, если на кладбище...

— Нет уж, — я разглядывала демоническую конечность, пытаюсь преодолеть отвращение. Если подумать, то нет в ней ничего ужасного.

Рука.

Подумаешь, рука... скукоженная. Так сколько лет лежит? Кожа желтоватая, лоснится, так это от подкожного жира. С мумиями бывает от неправильного хранения. Пальцы... анатомия явно нечеловеческая, на пару фаланг больше, но это, если подумать, мелочь.

— И где он тебя достал? — спросила я, сглатывая тошноту.

Мне случалось видеть покойников всякий.

И тот мужичонка, которого медведь задрал и поел, а мне наврали, будто мелкая нежить. Помню, я от этого медведя сама еле спаслась. Главное, что над телом не только он поработал, живности в лесу хватает. И утопленница, жертва несчастной любви и собственной дурости. И просто труп, чью личность установить так и не удалось. Пролежал у лесной дороги пару месяцев прежде, чем накопить достаточно сил, чтобы выбраться...

...и в моргах опять же.

И лабораторные... помнится, мастера так и норовили подsunуть мне что померзопакостней. Так что... нет, обыкновенная отрубленная рука не должна была вызвать у меня подобной реакции.

— Неужели сам отрубил?

Рука завозилась, и до меня донеслось эхо... возмущения?

Конечно.

Ничтожный смертный не смог бы одолеть великого... погоди, то есть... если настроиться...

Пальцы замерли, и рука притворилась мертвой. Э нет, так не пойдет. Если уж начали разговор, то стоит продолжить. Так кого там великого?

Молчание.

— Знаешь, ты, конечно, можешь и дальше притворяться куском дохлой плоти, — странно разговаривать с рукой, когда в углу подвала, который ныне выглядел вполне себе зловеще, копошился очередной крысиный труп. Со всей округи она их приманивает, что ли? — Но тогда и обращаться я с тобой буду соответствующе. Отправлю дальше в бочку. Мой отчим говорит, что капусте время нужно, чтобы прокваситься. Полежишь еще пару неделек... или месяцев... а там, глядишь, с эльфами разберемся.

Обида.

Детская такая, острая.

— Видишь ли, — теперь я озвучивала те самые нехорошие мысли, которые мешали жить спокойно. — на самом деле, если подумать, вариантов у меня не так и много. Самый очевидный — это спрятать тебя в каком-нибудь надежном месте.

Крыса была еще не дохлой, она выползла из угла, отряхнулась и замерла. Шерсть ее торчала дыбом, хвост слегка подрагивал, а из глаз катились слезы.

Никогда не видела, чтобы крысы плакали.

Кровью.

Жуть какая... и чудится, что неспроста. Пугают? Я вдохнула поглубже.

— Вот муж мой, он думает, что, если тебя отправить в Предвечный лес и там закопать под каким-нибудь предвечным деревом, повесив сверху кучу предвечных заклятий, то все чудесным образом успокоится.

Идиот.

Нет, это не моя мысль. Демоническая. Вот тоже интересно, мозга в конечностях нет, костного и того следы, а думать может.

— И вовсе он не идиот, просто свято верит в победу добра.

Что есть добро?

Это мы так в философию ударимся. А оно нам надо? То-то и оно, что лично мне вся эта философия нафиг не сдалась.

— Мне же кажется, что прятать тебя бессмысленно. Взять моего предка, чтоб ему на том свете жилось беспокойно. Он ведь тоже спрятал. Надежно, как ему казалось... и в итоге что?

А теперь демон веселился.

То есть...

— Это ты Юсе помог?

Согласие.

Определенно. Тогда... тогда, пожалуй, понятно, откуда у простой девочки взялись силы противостоять некроманту.

— Спасибо.

Не за что.

Да, он помогал не столько ей, сколько себе. Любую темницу можно разрушить, было бы время. А у демона в запасе вечность имелась.

— Вот и я о том же... да и мало ли, что с лесами произойдет, если тебя в них прикопать. Мор там, нашествие саранчи или этих... как их... яблоневого плодоядера.

Яблони в эльфийских лесах?

— Да я знаю, что там слишком дивно для обыкновенных яблонь.

Крыса ковыляла.

И хвост волочила.

Она добралась до бочки и легла, свернувшись калачиком.

— Это так, примера ради.

Я смотрела, как гаснут искры истинной жизни, а хрупкое крысиное тельце перерождается тьмой.

— Главное, что ты выберешься... сто лет, двести, триста... демоны ведь долго живут.

И вновь согласие. А с ним одобрение.

— Поэтому вся эта затея с прятками изначально лишена смысла. И не суть важно, Предвечный лес или морские глубины... рано или поздно ты выберешься. И что потом?

Ярость.

Такая вспыхнувшая всепоглощающая ярость, от которой я едва не прикусила язык. А крысу и вовсе судорогой скрутило.

Треснула шкура.

Завоняло гнилью.

— Слушай, — я с трудом преодолела собственный страх. — Если будешь так себя вести, то разговора у нас не выйдет. Возьми себя... гм... ты же взрослый демон, ты способен справиться с эмоциями.

Прозвучало, говоря по правде, не слишком убедительно, но ярость отступила. Откатилась волной.

Я же потрогала прокушенную губу. А ведь и не заметила... и если подумать, а в последние дни мне только и оставалось, что думать и давить преобразенных крыс, то вряд ли я беседую именно с рукой. Нет, демоны создания древние, могучие и все такое, но не настолько, чтобы отдельные их конечности вели себя разумно.

Скорее уж конечность выступает своего рода мостом.

И тогда...

— Если я верну тебе твое?

Молчание.

И тишина звонкая-звонкая, как та старая покрытая пылью бутылка, в которой тетушка хранила вишневый настой.

— Мы договоримся. Я отдам тебе твою конечность, а ты просто уберешься из мира. Никакой мести. Никаких разрушений. Ни...

Наверху хлопнула дверь.

Громко так хлопнула, заставив насторожиться. Эль прикрывал ее аккуратно, бережно даже, да и ступал бесшумно. Он успел изучить характер старого моего дома, каждую треклятую половицу, обходя особо скрипучие.

А гость вот задел.

И выматерился.

И... как он сюда попал?

...не один.

Предупреждение?

Я сунула шкатулку на полку, за первый ряд мутных банок, в которых еще плавали останки огурцов. Что поделаться, если хозяйственности во мне еще меньше, чем совести? Это тетушка их бы выкинула, а банки вымыла, чтобы закатать новую партию, я же...

Вытерла руки.

Чужаки преодолели внешнюю ограду. Прошли мимо малины и сиротки, который, как оказалось, далеко не ко всем людям относился с должным уважением.

Взломали дверь. А Эль ее запер утром. Хорошо запер. Я даже не могу сказать, меня ли защищая, или пытаюсь предотвратить возможный мой побег. Главное, что заклятья были надежными.

Но в доме чужаки.

...магия.

Светлая.

Эльфийская.

Даже так? И отчего меня это не удивляет.

— Да нет здесь никого, — а вот голос этот заставил взглянуть на подвал по-новому. Спрятаться бы... я не так наивна, чтобы полагать себя великим бойцом.

Но куда?

В бочку с капустой я не полезу. А вот вторая... если согнуться, если...

— Погоди...

Я не без труда сдвинула крышку. А демон мерзопакостненько захихикал. И если я к этому смеху его была привычна, то людям наверху пришлось туговато.

Кто-то что-то выронил.

Кто-то выругался.

Кто-то... велел остальным заткнуться.

— Ищи, — от того, как это было сказано, по спине мурашки побежали. И крышку с бочки я содрала одним движением.

Поморщилась, ибо воняло.

И все же решилась.

Почти.

— Стоять, — голос парализовывал и напрочь лишал воли. — И куда ты собралась, детонька?

А вот говорившего я не видела. В свете фонаря оказались лишь сапоги. Хорошие сапоги из мягкой кожи. Такие же у Эля имеются, только темнее на полтона.

И куда более поношенные.

— Бежать? Раньше надо было думать.

Заклятье?

Или что-то иное? Запах полыни, сирени и дурмана... человек в плаще спускался медленно. И готова поклясться, что ему моя беспомощность доставляла немалое удовольствие.

А демон замер.

Затаился?

— Тебя ведь предупреждали... по-хорошему предупреждали, — сказал мне незванный гость, который в моем подвале смотрелся... да неправильно смотрелся.

Таким на балах место.

И в гостиных. Великосветских, да. Рожа вон породистая, с легким флером лошадиности.

— И отчего ослушалась?

Светлый костюм.

И плащ на плечах почти белый. На плаще капли воды поблескивают камнями драгоценными. А у меня в голове одна мысль: кто ж в белом-то на дело ходит?

Он огляделся.

Сделал вдох.

Поморщился. Взмахом руки раскрыл платочек, помахал перед собой, добавляя подвально-капустной вони ноты розового масла.

— Сам дурак, — сказала я, когда поняла, что мне вообще позволено говорить. Эх, еще бы двинуться... или двинуть.

Спустился.

Через крысиный трупик переступил брезгливо. А я, между прочим, никого-то в гости не звала. Вот совсем не звала... а они явились. И зря, выходит, надеялась... на что вообще я надеялась?

Чувство безысходности накрыло с головой, лишая всякого желания сопротивляться.

— Так-то оно лучше, — пальцы его сдавили щеки, и рот мой приоткрылся. — Не стоит ерепениться.

Еще как стоит.

Только... чего ради?

Что хорошего есть в моей жизни?

Дом полуразвалившийся? Или вот... подвал этот, в котором воняет нежитью... или...

— Краш? — раздался громких хриплый голос. — Ты туточки?

— Здесь, — согласился гость, отпуская меня.

Физически.

Чувство тоски и безысходности никуда не делось. Как и понимание, что жить мне, в принципе, осталось недолго.

— Как... вы... сюда... — говорить и то получалось с трудом. Я мелко и часто сглатывала слюну, которой вдруг наполнился рот. Еще немного и она потечет по подбородку.

...хорошо, что я здесь...

...и что я одна...

— К любому замку можно ключ подобрать.

Парочка, спускавшаяся по лестнице, отличалась от моего нового знакомого, как матерый выжляк от дохлой кошки. Идущий впереди был невысок, широкоплеч и мрачен. Он глядел исподлобья, и шмыгал перебитым носом. Маленькие глазки смотрели недобро, а след от ожога на левой щеке вносил свою долю очарования в облик.

— Нашлась? — поинтересовался он и сплюнул под ноги. — Ишь, хитрая...

На меня он смотрел спокойно, без ненависти, разве что с толикой раздражения, и раздражала его вовсе не моя персона, скорее уж сама необходимость куда-то лезть.

Что-то делать.

Второй, скрывавшийся за спиной первого, отличался той характерной неприметностью, которая весьма ценится среди людей определенного рода занятий. Он прижался к стене и почти с этой стеной сроднился.

Ему, кажется, и вовсе не было дела ни до меня, ни до подвала, ни...

— Где? — поинтересовался тот, который со шрамом.

— Что? — я хлопнула глазами. Самое интересное, что чувство безысходности все же отступило.

— Ишь, не понимаешь, — он покачал головой, играя укоризну. А вот актер из него хреноватый. — Краш, работай...

Человек — правда, я несколько сомневалась, и вправду ли он человек, — в белом плаще пошевелил пальцами.

— Не мешай.

— Не мешай... не мешай... — Меченый огляделся, кивнул собственным каким-то мыслям. Подозреваю, оценил подвал по достоинству. — А ты давай... пока тихо туточки. Ишка, прикрой дверцу.

Серое пятно скользнуло по стене.

По лестнице.

И крышка опустилась, отрезая единственный путь к побегу. Характер у крышки тяжелый, и поднять ее вот так, с ходу, не выйдет.

— Ты ж, девка, вот над чем подумай, — корявый палец ткнул мне в бок. — Краш у нас еще тот мозгоправ, да только, конечно, и с его силушкой управиться можно... но нужно ли оно? С ним не сладится, так мне работать выйдет. А я человек простой... палец там сломаю, два... пальцы ломать больно.

— Знаю, — проворчала я и пошевелила теми, что на ногах. И главное, пошевелились же. Вспомнили, верно, тот нехороший день, когда я решила передвинуть лавку на кухне, уж не знаю, на кой ляд оно мне было надо. Главное, что лавку я не удержала, и она немалым весом своим хряснулась мне аккурат на ногу.

Пальцы ломать и вправду больно. А ходить с переломанными и того больней.

— Вот и умничка... колечко где?

Мигнул огонек лампы. В подвале сразу стало еще более душно, чем было, а вонь усилилась. И в дальнем углу, где, как я подозреваю, находились крысиные норы, что-то да зашевелилось.

...я руку верну.

Мы договоримся. Даже с демоном, если он разумен, а мне представлялось, что нынешний вполне себе разумен, можно договорится. Я верну.

А вот мой отец...

...подозреваю, что руки ему будет мало. Что с этой несчастной конечностью он хочет, если не мир завоевать, то отгрызть себе кусок империи. А он не настолько наивен, чтобы полагать, что империя возьмет и обрадуется этой затее.

Нет, откусить оно можно, но... удержать куда сложнее.

Здесь уж без весомого аргумента никак. Поэтому... если демону не хочется становится весомым аргументом, пусть уж он постарается. Ради собственного светлого будущего. Или темного. Не знаю, какое ему ближе.

Я старалась думать громко, пробиваясь сквозь полог чужой воли, которая ослабевала. Сила у Краша имела, верно, но на одной силе долго не уедешь.

С концентрацией вот явно проблемы были.

— Где? — повторил он вопрос, заставив меня смотреть в глаза.

Ничего такие.

Синеватые.

Красивые.

И сам хорош. Девки, должно быть, с ума сходят. И он знает, он поддерживает это чужое безумие. Более того, ему донельзя лестно... да, определенно... и чем пробивается?

— Многих обманул? — мне хочется говорить.

Мне хочется верить этим глазам и еще человеку, лучше которого во всей Империи не сыскать. Вот засранец. Так бы и кинулась на шею...

...глядишь, придушенный, и отпустил бы.

Но двигаться не позволено.

Пока.

— Где?

— А ты знаешь, мне никогда блондины не нравились. И эльфы. Эльфы так особенно, — сказала я доверительно, потому как желание говорить было сильнее меня. Я вообще, если подумать, силой воли не отличаюсь. — Но вот угораздило же замуж выйти. На самом деле я совершенно случайно, просто оно потребовало. Или она? Мне кажется, из него выйдет отличный бог. И муж так считает. Вам приходилось встречаться с богом? Нет?

— Чего она несет?

— Побочный эффект, — поморщился Краш, и лицо несколько утратило свою привлекательность. А вообще... если подумать... ему не обязательно быть красивым, если можно внушить, что он красив. И даже с внешностью работать не стоит.

Каждая жертва сама себе внешность придумает, именно ту, идеальную, подходящую лишь ей.

— От оно как, Краш...

...я говорю вслух.

Рассуждаю.

Куда еще податься менталисту с таким даром? Нет, можно было бы куда более серьезные дела проворачивать, но за серьезное дело и вляпаться можно серьезно... не рискнет. Не похож на того, кто риск любит. А вот сыграть в чужую любовь.

Выпить жертву досуха.

И бросить.

Исчезнуть на просторах империи, благо, хватает городков, а в городках — одиноких женщин со смутными жизненными перспективами. Я говорила, заставляя себя улыбаться, надеясь ли, что терпения Краша хватит, что... или нет? Пощечина обожгла губы.

Обидчивый какой.

Или я не права?

— Права, права, — согласился Меченый, запуская руку по локоть в бочку. Ту самую. С капустой. Я икнула и каплю крови слизала, заставив себя проглотить предупреждение. — Сцыкло он. И бабский угодник.

— Сам ты...

Краш обиделся всерьез.

Вот странное дело, к слову, связь наша, если присмотреться, была обоюдной. Как канат... и если схватить за него и потянуть... или нет, к чему тянуть?

Просто...

...я закрыла глаза и представила кладбище.

То самое, университетское, на котором третий курс практику начинает. И мы пошли. Я и... моя подруга, а с ней пока еще любовь всей жизни, Глен.

Тьма.

Капель зловещая.

Сколько народу пытались понять, что и где капает, но не нашли. К пятому курсу приходит понимание, что нет ее, той выматывающей душу капли, но есть простенькая звуковая иллюзия.

Да, вот такая.

Краш дернулся и обернулся.

— Ничего не слышишь? — спросил он.

Меченый только головой помотал.

— Хороша капуста... сама квасила?

— Сама, — призналась я. — Почти. Знакомый слегка помог...

...демон хихикнул.

Что когтем по стеклу.

Краш аж крутанулся. Да, он у нас миру куда более открыт... ладно, капли капаят, тьма сгущается. Туман, могилки. Заунывный вурдалачий вой. Нет, на университетских кладбищах вурдалаков не водится, но ведь на других встречаются же? И стало быть, добавим.

Земля мокрая.

Чавкает.

Ага... а по лицу Краша пот бежит.

— Долго ты еще возиться собираешься? — Меченый жевал капусту и с немалым энтузиазмом, чем, признаться, изрядно мешал. Вот тянуло посмотреть, с чего перерождение начнется.

И начнется ли.

Может, капуста, она демонической силе не подвластна?

Демон обиделся. Так, слегка. И гость мой тоже в лице поменялся. А от стены донеслось:

— Неуютненько...

— Так... не мамкин бордель, чтоб уютненько... — Меченый облизал пальцы, собрав и сок, и тонкие белесые нити, которые мне казались похожими на червяков. — Стало быть, упертая?

Краш кивнул.

Как-то рассеянно.

Не отвлекаемся. Кладбище и могила... разрытая... и дурацкая шутка, когда в плечи тычут, в могилку эту сбрасывая. И дно ее рушится, и кажется, будто летишь в яму, из которой не выбраться. Она глубока...

...нет, на самом деле сильно глубоких не копали. Кому оно надо, с проблемами потом разбираться? Но вот расширить, углубить рабочую могилку, положить тонкие доски, которые землицею присыпать. У некромантов на редкость дурацкие шутки.

И Глен, помнится, хохотал, глядя, как я пытаюсь выбраться.

А вот тебе, Краш, не позволю. Твоя могила будет глубока, а из дна ее рука костистая выглянет, вцепится в лодыжку.

Дернет.

Он заверещал тоненько, обиженно и крутанулся, пытаясь избавиться от руки.

Выругался Меченый. А над головой моей свистнул нож, чтобы по самую рукоять войти в стойку.

— Не шали, — сказано было.

А я что?

Я стою. Вспоминаю прекрасные студенческие годы. Да, после той ночи я неделю с Гленом не разговаривала, а он все не мог понять, почему.

Смешно же.

Просто обхохочешься, до чего смешно.

Краш всхлипнул и вытер нос, из которого протянулась тонкая струйка крови. А то... нам говорили, что ментальный дар опасен прежде всего для носителя. У меня же еще воспоминаний есть.

Если он хочет.

Вот, взять к примеру, обыкновенного пожорника, из тех, что заводятся на старых кладбищах, когда концентрация силы на них превышает допустимую норму. Свивает себе гнездо...

— Нет! — взвизгнул Краш. — Хватит... ты... сам... она... не хочет.

Не хочу.

Еще как не хочу.

А вот путы чужой воли ослабели. Нет, мне, можно сказать, повезло. Будь Краш более опытным, я бы так легко не вывернулась. Но опытным он не был, привык, что жертвы сами рады обмануться, а стало быть, усилий прикладывать не приходится. Выучил пару фокусов и все...

Я пошевелила пальцами.

Сойдет.

Убивать людей, конечно, нехорошо, но... и умирать во имя человеколюбия как-то, по меньшей мере, неправильно, что ли?

— Успокойся, — велел Меченый и протянул жменю. — На вот, капустки съешь. Хорошая...

И Краш молча принял.

Взял.

Сунул в рот. Зажевал сосредоточенно, будто от того, сколь тщательно пережевывает он эту капусту, зависит личное его будущее.

— Что ж ты так, девонька? — это было произнесено с легкой укоризной.

А я что? Я ничего? Я вот стою и о жизни, может, думаю, которая у меня на редкость волнительной выходит. Надо было на теоретическую магию идти.

Или в артефакторы.

Сидела бы сейчас в каком-нибудь подвальчике, клепала бы амулетики... эх, не судьба. И ведь главное-то что? Главное, что это вот спокойствие мое нынешнее, оно совершенно ненормально.

Мне бы в слезы.

Или там умолять о пощаде... от меня ждут, что я сейчас расплачусь и стану о пощаде умолять. Вот только подсказывает мне что-то — не пощадят.

У них заказ.

А раз так...

— Упертая, стало быть... не скажешь добром?

Он сунул руку в бочку и словно бы задумался, окинул меня взглядом, будто примеряясь, помещусь я в этой бочке или нет.

Я не согласна.

В бочку.

Мало того, что помирать, так еще и смерть на редкость идиотская: захлебнуться рассолом демонической капусты.

— Скажу, — я улыбнулась, этак виноватенько, как на зачете у нашего недоброго мастера Грауберга, славившегося своею занудностью и просто-таки принципиальным нежеланием признавать, что и у женщины могут иметься мозги.

Поговаривали, что нежелание это являлось естественным следствием неудачной женитьбы, но... в общем, чтобы сдать Грауберга следовало улыбаться и притворяться душой.

И чем дурнее, тем оно лучше.

Я хлопнула ресницами.

Губу нижнюю оттопырила, вспоминая ту, позабытую, казалось бы, рожу, которую долго перед зеркалом тренировала.

Меченый крикнул.

Не поверил?

Грауберг тоже верить не желал, все ходил кругами и вопросами мучил. Потом все ж поставил свое «удовлетворительно» и высказался... в общем, я и теперь-то не особо вспоминать желаю о том, как высказался.

— И что ты скажешь?

— Все скажу, — я потупилась. И пальцами пошевелила.

Оцепенение почти сошло, однако менталист, казалось, не ощутил, что жертва его получила возможность двигаться. Он, устроившись рядом с бочкой, опершись на нее, сосредоточенно жевал капусту. И вот честное слово, не нравилась мне эта его... целеустремленность.

Не может нормальный человек так есть.

А он ел.

Совал руку в бочку. Зачерпывал.

Запихивал в рот, пока щеки не раздувались. Вздыхал. Всхлюпывал, выпуская пузырьки слюны, и клянусь, это несказанно забавляло демона, присутствие которого я ощущала всей кожей. Челюсти Краша двигались, перемалывая очередную порцию...

— Так уж и все?

— Все-все, — поспешно закивала я, прикидывая, успею сплести заклятье или нет. И сработает ли оно, ведь люди-то живые.

Живых мне убивать не приходилось.

И не хотелось.

А вот демон, он не отказался бы. Он бы с удовольствием. Я даже ощутила тягучее, словно патока, желание увидеть, как льется красная-красная кровь.

Что-то там и про кишки с мозгами было.

Я сглотнула и, подозреваю, побледнела, иначе с чего бы Меченому таким довольным быть.

— Все, стало быть? — он вытащил ножик.

Серьезный весьма ножик. С клинком длинным, слегка изогнутым. Поверхность черненная, по кромке, коль приглядеться, искры бегают.

— И это правильно... — острие ножика уперлось мне в горло.

Мне стоило немалых усилий не отшатнуться. Вот с детства не люблю, когда в меня всякими посторонними предметами тыкают.

— ...и это ты умничка... — он икнул, а клинок пропорол мою рубашку. Почти новую, между прочим! И в кожу вошел, всего ничего, даже больно не было.

А вот кровью запахло.

И запах я этот ощутила, что говорится, всем телом своим.

— Так и где?

— Там, — я мотнула головой. — На полке. За банками. С огурцами.

Взгляд Меченого переместился на полку к упомянутым огурцам.

— В шкатулочке. Открывать действительно не рекомендую.

— Надо же... эй, глянь...

Краш не услышал, он жевал капусту, повизгивая от удовольствия.

— Вот же... крыша поехала? Слышал, бывает такое...

...не совсем то, но с дамским угодником явно творилось неладное, и главное, я не могла понять, где именно, потому как характерных для крыс пятен видно не было. Вот слюна текла на белый плащ нитями, и выражение лица сделалось одновременно восторженным и слегка идиотичным.

— Бывает, — подтвердила я. — Перенапрягся... и вот.

Я скрутила пальцы, выплетая из силы заклятье.

Демона им отдавать нельзя, как и кольцо.

Умирать тоже страсть до чего не хочется.

— Перенапрягся? — на физию Меченого отразились сомнения. С одной стороны ему явно хотелось поскорее заглянуть за банки, убедиться, что шкатулка там. С другой обезумевший вдруг напарник да и я сама, вся такая несчастная, внушали некоторые подозрения.

— Ага... чужие мозги ломать — это не в носу ковыряться... — я постаралась съежиться и тихо спросила: — Вы ведь не уйдете так? Просто... возьмете и...

Меня похлопали по лицу с почти отеческой нежностью.

— Не бойся, девонька, мы тебя не больно убьем.

Демон обрадовался.

Правда, с заявленным гуманизмом он согласен не был и категорически.

...между прочим, знаешь, что с тобой папенька сделает? И я вот не знаю. Но вряд ли в подвалах

прятать будет. Скорее уж задействует, мать его, весь ресурс.

Демон обиделся.

Немного.

А Меченый сказал:

— Приглянь за ней. А ты, девонька, стань вот тут, — он сам развернул и пихнул меня в закуток между ящиком для картошки, в котором, что характерно, она и хранилась, правда, несколько мумифицированная, и стеной. — Шелохнешься, он тебе ножа в печенку всадит. А я после добавлю. Ясно?

Я кивнула.

Яснее не бывает. Только повернулась лицом от стены, потому как она грязная и липкая. И да, я знаю, что хозяйка из меня так себе, но...

...жаль, Грете письма не написала. И не сказала, что люблю ее.

И Эль тоже расстроится...

Наверняка.

Он вообще чувствительный. И принципиальный. И стало быть, мою смерть, коль она все же случится, не оставит без последствий. Полезет копать и... ляжет сам.

Или уже?

Сердце заколотилось. Мой папочка, чтоб его... да, и демоны тоже... он бы не стал полагаться на волю случая.

Нет. Не время думать о плохом. Потом пострадаю, если жива останусь. А я должна бы...

Меченый пыхтел. Банки покачивались, а в дальнем углу копошилось нечто, явно большое, живое и недоброе. Шкурой чую. Оно, это нечто, ждало.

Чего?

— Так ить... надо же... красота какая! — Меченый добрался-таки до шкатулки.

И в руки взял. И руки эти, что характерно, не отсохли, не отвалились. Правда из носа его выползла капля крови, но это может так, безотносительно шкатулки.

— Нехорошо красоту такую в пыли-то...

Тоже мне целитель.

Он шел ко мне, слегка прихрамывая. Одной рукой шкатулку прижимал к груди. В другой был нож, на который Меченый смотрел... с предвкушением.

Сдается, соврали мне насчет быстрой-то смерти.

Сплетенное заклятье развернулось.

И осыпалось.

— Шалишь, девка, — Меченый захихикал и, сунув руку под ворот рубахи — как только не порезался-то? — вытащил связку амулетов. — А клиент предупреждал. Клиент...

...выдал неплохую защиту.

Сволочь.

— Но так даже лучше... так интересней, правда?

Ему не ответили.

А вот Краш заурчал, этак глухо и переливчато. Он сидел на корточках, упираясь кулаками в землю, выгнув спину. Изо рта торчали нити капусты, по которым стекала слюна. Она капала на грязный пол, и человек часто сглатывал и вяло шевелил нижней челюстью.

Еще покачивался, то припадая на руки, то оседая на пятки.

— Чего это с ним? — поинтересовался Меченый, дернув шеей. И замер, явно прислушиваясь к себе. Рука его оттопырилась, и шкатулка съехала.

А из угла за ним следили крысы. За ним или шкатулкой? Главное, я насчитала семерых.

Надо будет засыпать подвал. Ну его... вот если семеро пролезли, то и вся стая пройдет. И главное, эти были живыми, но... не совсем, что ли?

Я видела грязно-зеленые эманации, свойственные нежити, но в то же время крысы не ощущались ею. Пока.

А люди?

Я прищурилась.

Теперь Краша будто дымка окутывала.

— Капусты переел, — ответила я, сглотнув слюну. Над головой дымка сгущалась таким венцом.

...а ведь он одаренный.

...и если станет нежитью, то непростой.

...с ним, с живым, я кое-как справилась бы. А вот сумею ли...

— Капуста... — Меченый будто задумался и по лицу его скользнула улыбка. Он икнул.

И снова икнул. Согнулся, переломившись пополам, и вывернуло его прямо мне под ноги. Бахнулась шкатулка, кувыркнулась и раскрылась, выпуская кривоватую руку, пальцы которой зашевелились, правда, как-то вяло, бессильно. Но демон захихикал, и от смеха этого, подхваченного крысами, Краш взвыл, а его приятель схватился за горло.

Он осел на колени.

И на четвереньки. Он выгнулся, будто стараясь выбраться из собственного тела, а крысиная стая с визгом устремилась куда-то в угол, откуда донесся вялый всхлип человека, о котором я, признаться, забыла.

— Это ты, да? — спросила я тихо, хотя ответ был очевиден.

Я закрыла глаза.

Я не хочу этого видеть...

...а вот демон хотел, чтобы я видела. И услужливо показывал происходящее.

Вот Краш, почти давясь капустой, не прекращая жевать, поднимается. Его движения дерганые, нервные, он мелко трясется, икает и пытается сопротивляться.

Но разум его плывет.

А демону нравится играть.

С людьми.

Крысы не такие. Крыс он может держать много... много-много, они текут серым грязным покрывалом, чтобы вцепиться в плоть глупца, решившего, будто он в достаточной мере силен.

Силен.

И убьет крысу.

Или двух. Иди два десятка, но все равно будет съеден. Я слышу крик. И он заставляет меня стискивать зубы, чтобы не показать собственную слабость.

Я не хочу...

...в руках Краша появляется нож. А из глаз текут слезы, зеленоватые, это даже не слезы. Его тело изменяется быстро.

Слишком быстро.

А я вот медленная.

Я пытаюсь сплести заклятье, только пальцы не слушаются. Демон же... демон поможет. Он уже помогает. По-своему. Сложно ждать от демона, что он будет вести себя по-человечески.

Шаг.

И подобие одного человека склоняется над подобием другого, который тоже меняется, стремительно, необратимо.

Уродливо.

Его плоть оплывает, и я знаю, что Меченому больно. До меня доносится эхо этой боли, доставляющей демону странное удовольствие. Им он тоже делится.

А меня мутит.

Надо сосредоточиться.

Надо что-то сделать... упокоить крыс, которые, сожрав третьего, так и оставшегося для меня невидимым, не спешили убраться из подвала.

И правильно.

Крыс надо уничтожить. Что-то подсказывало, что город не обрадуется появлению стаи крыс-людоедов.

Демон удивился.

Не обрадуется. Точно. А... остальные... Краш рывком вытащил нож. Ослабил. Куски капусты вываливались изо рта. Впрочем, это не помешало ему перерезать горло напарнику. А затем и себе. Одно верное жесткое движение и, показалось, в какой-то момент тьма даже отступила, словно пораженная этой решимостью.

Показалось.

Конечно.

На пол полилась не кровь, но зеленоватая мутная жижа, которая впитывалась в землю.

...засыпать песком.

И жрецов пригласить. С дюжину...

Существо на полу замерло, а я все-таки сумела создать простенькое заклятье тлена, которое опустилось на грудь изуродованной плоти. Я видела кости, видела мясо, комки волос и зубы, что проступили через шматки кожи. То, что лежало на полу, и близко не походило на человека.

...мертвый пузырь.

...нежить имеет свойство плодиться, но иначе.

...гнездо упыря. Первая стадия, когда кожа мертвеца выступает собственно мешком, в котором мышцы и иные мягкие ткани меняются, облепляя кости. Это похоже на преобразование гусеницы в бабочку, когда от исходного организма остается...

...ничего не остается.

И не буду думать, что бы выродилось из Меченого. Я просто превращаю плоть в пепел, который поднимается на несуществующем ветру и кружит, кружит метелью.

Второе облако достается Крашу.

...а вот он менялся иначе.

И я со странной отстраненностью отмечала эти перемены.

...кости не затронуты.

...мышцы уплотнились, но это лишь начальная стадия. Есть некоторое типичное для свежееобращенных ссыхание сухожилий, из-за которого поза меняется, появляется характерная запрокинутость головы и эта вот вывернутость передних конечностей.

Горб на позвоночнике.

Шея, которая почти утоплена в плечах. А главное, взгляд. Голодный такой взгляд...

...они не сразу себя осознают.

Так пишут в учебниках.

...они могут довольно долго просто обретаться на кладбищах, питаясь мертвой плотью, да и живой не побрезгуют, хотя многие отмечали нехарактерную для нежити трусоватость. Кто-то даже робко заявил об остаточном инстинкте самосохранения.

Лич оскалился.

И преобразованная тьмой сила его заklubилась.

— Конечно, — мое заклятье сползло с него, напоминая, что твари эти в принципе для магии почти не уязвимы. — Ты можешь натравить его на меня...

Демон слушал.

И думал.

Он и вправду не отказался бы посмотреть, как лич меня сожрет. Кровь, кишки... нет, если подумать, все лучше, чем бочка с капустой, но... неэстетично.

— А дальше-то что? — я сплела хлыст тьмы. Если снять личу голову... молодому личу, который не сполна осознает, что с ним произошло.

Да и вообще...

...твари эти были разумны.

По-своему.

— Прикажешь ему забрать коробку?

Согласие.

— А потом? Куда он с ней денется? Да его первый же патруль положит... положит, положит, он ведь молодой... он не умеет... ничего почти, разве что зубы скалить.

...интереснее всего, что зубы у тварей менялись также легко, как и кожа, которая стала бледновата и ноздревата, и с виду тонка. Пальцем ткни, и провалится. Правда, пальцем тыкать в личей, даже молодых, затея так себе...

Чужая воля навалилась.

Холодная.

Осклизлая.

Я стиснула зубы. Нет уж... я не собираюсь разгуливать по городу с личем под руку. Все равно видно, что тварь... и вообще, лучше честно помереть в бою, чем... будто червяк в голову пробраться пытается. И от одного его прикосновения меня передегивает.

...про личей информации мало. Оно и понятно, несмотря на разумность, твари они до крайности необщительные. Вот и приходится... все соглашаются с одним: наличие силы — обязательное условие для перерождения мертвеца в лича.

Обязательное, но не единственное, иначе и вправду одаренных было бы проще сжигать.

...а личей мало.

...очень мало.

...полагаю, немногие переживают тот период, когда они почти не отличны от упыря. А сила... сила помогает, но она же и выдает.

— Он... даже если вынесет за город... дальше что? Мой папочка, полагаю, выследит... он толковый... он бы этой троицей не ограничился. Стало быть, есть и наблюдатели. В дом не полезут, а вот за ним, если высунется, проследят.

Из носа потекло.

Кровь?

Кровь. Чему удивляться.

— Скажи... пусть прекратит. И отойдет. И... — я не без труда подняла руку, и лич заурчал, предупреждая. — Да не буду я тебя трогать... просто отойди. Иди вон, капустки поешь... даже если вам от отца удался, хотя он на редкость ловкий засранец... то потом как? Будешь искать кого-то, кто проведет обряд? Я ведь помню... мертвые не могут открыть границу.

...сила изменялась, но отнюдь не так радикально. Но лич с ментальным даром... будет упыриц очаровывать, да...

— Искать кого-то? Верю, ты найдешь... но... в конечном итоге... к чему эти сложности?

Лич, как ни странно, отошел.

К бочке с капустой.

Потоптался.

Содрал ботинки, пошевелил удлиннившимися пальцами, из которых проступили личинки когтей, и ловко, одним движением, взлетел на эту самую бочку.

Я закрыла глаза.

Спокойно, Юся. Нервы... нервы потом подлечишь.

— Если тебе нужен охранник...

Ноги коснулось что-то мягкое.

Крыса.

Две крысы.

Двадцать две... или того больше. Они собрались кольцом. Сели на тощие зады, сложили лапки на груди и уставились на меня темными бусинками глаз. Ага... благодарная аудитория готова внимать. Еще немного и засмущаюсь.

— ...пусть остается. Сидит в подвале... бочка большая, капусты на недельку хватит. А мы с тобой договоримся, да? Я прикину, где лучше провести обряд... и клятву. Тебе нужна рука, а мне спокойная жизнь.

Крысы не шевелились.

Лич жрал капусту. Правда, теперь медленно, выбирая по ниточке, каждую обнюхивая и едва ль не повизгивая от удовольствия... пепел падал с потолка, а в углу лежало изрядно поеденное крысами тело.

Похоже, у демонов было свое представление о спокойствии.

Руку я подобрала.

Накинула грязную тряпку и подняла. Переложила в шкатулку. Сказала:

— Я помню, что обещала. И сделаю. Но... пожалуйста, веди себя тихо.

Эль вернулся ближе к ночи.

Я ждала.

Я сидела у окна, как, мать его, сказочная принцесса. Пялилась во тьму, считала капли дождя, и ждала... иногда вскакивала, не способная больше находиться в неподвижности, но тут же понимала, что понятия не имею, где его искать.

И садилась на лавку.

Я пила чай.

И не могла согреться. Я попыталась сгрызть сухарь, но меня вывернуло, хотя может, не от сухаря, а от нервов, которые, оказывается, и у меня есть. Поэтому, когда раздался протяжный скрип двери, я

одновременно и всхлипнула, и швырнула во тьму сухарь.

Попала в лоб.

— Прости, — сказал Эль как-то так, что я его простила и тотчас расплакалась. Нет, не от обиды или страха, хотя, конечно, демон, лич и крысиные полчища, обжившие твой подвал, — та еще причина для страха. Я же разревелась от облегчения.

И счастья.

Он жив. Я жива.

— А... а давай уедем? — предложила я, уткнувшись в мокрое, пахнущее городом и дымом, плечо.

— Куда?

— Куда-нибудь... хоть в пресветлый лес.

— Нельзя, — Эль баюкал меня и гладил по голове, и проклятье, я чувствовала себя почти счастливой. Я ведь не ребенок... или ребенок?

Или все взрослые все-таки остаются немного детьми, которые хотят, чтобы их жалели и гладили, можно даже без повода.

Но у меня повод был.

— Почему?

— Потому что теперь не остается сомнений, что кто-то... из наших связан с твоим отцом. Я разговаривал с некоторыми старыми друзьями, — он был сильным, мой муж, пусть и тощим слегка. Главное, что меня на руках держал легко, и от этой легкости хотелось петь. — То, что происходило в последние годы, весьма им не нравится.

— А что происходило?

Он устал.

Мне бы ужин приготовить. И подать. Усадить. Накормить, напоить, а потом уже... в доме только сухари и пара булок. Еще бочка капусты, но смотреть, какой из Эля выйдет лич, желания не было.

...у демона было.

Да иди ты... лесом, менталист несчастный.

— Перворожденные — далеко не так... добры, как представляется некоторым людям, — Эль все-таки усадил меня. И вышел, чтобы вернуться с коробкой.

С огромной коробкой, от которой пахло выпечкой и мясом.

Это он очень даже правильно.

В животе заурчало.

— Среди нас есть и те, кто полагает людей и иных разумных, если не равными Перворожденным, то всяко имеющими не меньше прав на мир, чем мы. Странники равновесия уверены, что, коль люди были созданы, как и орки, и драконы, то миру они необходимы.

Он поставил чайник.

И вытащил тарелки. Достал хлеб, уже разрезанный на куски. Следом появился горшочек с маслом, и другой, куда побольше.

Пироги.

В животе заурчало.

— Есть и те, кто, возможно, и согласен, однако полагает, что не стоит вмешиваться в дела низших рас, что Перворожденным стоит больше внимания уделять собственным проблемам.

— А у вас есть проблемы?

Эль молча развел руками. Ну да... куда ж без проблем-то?

В горшке обнаружилось рагу из кролика. А во втором — картошка, щедро посыпанная зеленью. Масло пахло чесноком. Или это хлеб? Главное, ложилось оно ровным слоем, а я смотрела, как ловко управляется Эль с ножом и раздумывала, как сказать ему... в общем, обо всем.

Или пока не говорить?

Лич с демоном никуда не денутся, а ужин остынет.

— Есть и те, кто полагает, что боги давно покинули мир. И потому не стоит так уж полагаться на них...

Мясо протушилось до той степени, когда куски разваливались на волокна и мешались с плотной вязкой подливой. Макарь в нее хлеб было вкусно.

Правда, маслом я его мазать не стала. У эльфов, у них свои вкусы.

— ...а стоит гораздо плотнее заняться вопросом человеческой экспансии. Вас слишком много. И с каждым годом становится все больше.

— И это... не нравится?

— Мой дед со стороны матери уверен, что лет через пятьдесят людей станет больше, чем всех прочих рас вместе взятых. А еще через пятьдесят и это число удвоится. А потом...

— Я поняла, — я разломала пирог.

Надо же, ягодный. С малиной и калиной, а потому ароматный до одури и с легкой горчинкой.

— И тогда справиться с вами будет уже невозможно.

— А оно надо, справляться?

Эль пожал плечами и честно сказал:

— Я не знаю. Я... раньше мне люди представлялись, если не врагами, то неразумными детьми, которые по незнанию ли, по... другим причинам, но могут причинять боль.

Могут.

Еще как могут. Порой с немалым удовольствием.

— И возможно, он прав в том, что порой вас стоит... ограничивать.

Стоит.

Соглашусь.

— Но вот... — Эль сунул пальцы в волосы. — Способы... дед... он ратует за существенное снижение вашей численности.

Только кто согласится на подобное добровольно?

— И как он это себе представляет?

— По-разному. Есть... способы... травы... магия... работа с фертильностью, — он покраснел. — Я раньше не лез в его дела. Пойми, мне это было не интересно. Просто слушал кое-какие разговоры... матушка... часто с ним переписывается.

И почему я не удивлена.

— Мои старые друзья, с которыми я служил. Многие думают так же. Но думать — это одно, а делать...

Я отложила пирог.

Встала.

Обошла стол. И встав за спиной мужа, обняла его. Просто обняла.

Эль вздохнул.

— Я не знаю, что из того правда. Есть ли правда вообще или... — от него все-таки пахло лесом и медом, и еще дымом. — На наших территориях давно установлены ограничения. Оказывается. А я

не знал. Мне было не интересно. Но... чтобы родить ребенка, нужно получить разрешение.

И я вот не знала.

Мне тоже было мало интересно, как живет людям на эльфийских землях.

— Эксперимент своего рода, но там его поставить можно...

...а здесь люди не слишком обрадуются, если кому-то вздумается диктовать им свои условия.

— Здесь у нас нет власти. Пока нет... это мнение, что... если люди докажут собственную неспособность управлять своим же государством, если станут причиной большой войны...

...это, во-первых, здорово сократит их численность, что лишь порадует отдельно взятых ушастиков. А во-вторых, даст веский повод взять неразумное человечество под опеку со всеми вытекающими.

Как-то лич в подвале и проблемой перестал казаться. А что? Сидит себе тихо, крыс дрессирует, капустку жрет. Не сосед — мечта. В отличие от некоторых.

— Многого мне не расскажут, поскольку...

— Ты взял в жены человека.

— Именно. Мне... намекали, что все еще можно исправить.

Интересно, каким таким чудесным образом? Не тем ли самым, в результате которого у нас... лич завелся?

— Сегодня я говорил с бабушкой.

А волосы у него мягкие.

И легкие.

Тонкие, что нити. Шелковые. Я перебираю пряди, а он сидит, глаза закрыв, и говорит. Устало так. И я чувствую его усталость, как собственную.

— Она уехала, потому что ей не нравится происходящее. Она против вмешательства. Такого вмешательства.

— А что-нибудь... как-нибудь... — я замолчала.

— После смерти Никароэля партия умеренных по сути своей распалась. Тем паче, что его убили как раз-то люди... разбойники... глупая смерть, если подумать.

Если подумать, умной смерти не бывает. Это я точно знаю.

— Вовремя.

— Я тоже об этом подумал. За ухом почешешь?

Почешу.

Отчего б не почесать.

— И главное, своевременная весьма. Многие, кто знал Никароэля, были возмущены...

...и, полагаю, пополнили ряды радикально настроенных эльфов. Ненавижу политику.

— Нам нельзя в Пресветлый лес, — Эль встрепенулся. — Я не уверен, что там безопасно для тебя.

— И что нам делать?

Эль пожал плечами.

Мир спасать.

Очевидно же. Вот только...

— Помощи от ваших ждать не стоит, — это я сказала просто, чтобы беседу поддержать. И за стол вернулась, протянула кусок пирога. — Будешь?

Все-таки на редкость поганая из меня жена вышла. И некромант так себе. И... и вообще.

— Я написал кое-кому из... тех, с кем служил, — пирог Эль взял. — Проблемы людей — это одно, а вот нежить — совсем другое. Если кто-то откроет врата в нижний мир...

И тут я вынуждена была признаться:

— Мы.

— Что?

— Мы откроем, — я поерзала и, заглянув в глаза, сказала: — Так нужно... честно.

...в подвал Эль спустился первым.

Пахло... да как в логове нежити, в которое он превратился, и пахло. Тленом, прахом и грядущими мучениями. Лич устроился на бочке, свернулся калачиком, трогательно сунув когтистые ладошки под щеку. На него забралась крыса, укрыли теплым одеялом почти живой плоти. А те, кому не досталось лича, на шкатулке обжились.

— Да... — только и сказал Эль.

Крысы шевельнулись. Они двигались, копируя движения друг друга, и головы повернули. И оскалились.

— Это мой муж, — сказала я громко.

Демону.

С крысами разговаривать бесполезно, а вот демон, пакость этакая, наверняка меня слышит.

— И его трогать нельзя. Если тронешь, то я... я сама тебя папочке отнесу. А там уж мучайся.

Так себе угроза, но демон поверил.

И крысы улеглись.

Относительно.

— Знаешь, — Эль как-то поежился. — Я его слышу и... ему больно?

Больно.

Он ведь тоже живой. В некотором роде. И демон. А что злой... так демон, да и мне отрезанная рука, если подумать, доброты не прибавила бы.

— Мы заключим сделку, — Эль спустился.

И остановился перед толстым крыськом, шерсть которого была благородно-седа, а на морде застыло выражение легкой брезгливости.

— И откроем врата, — это признание далось мужу не без труда. — Ты забереешь то, что принадлежит тебе, и покинешь мир.

Гнев.

И обида.

Жалоба? Крыськ запищал тонко, нервно, шерсть его поднялась дыбом.

— Те, кто сделал это с тобой, — я присела на корточки. Странно разговаривать с крысой, с другой стороны не менее странно кормить лича капустой. — Давно уже мертвы. А мстить нынешним, которые толком не понимают, что творят, глупо.

Нет, я не называю демона глупцом.

Кто я такая?

Я просто...

— Ты уйдешь, — с нажимом повторил Эль. — И никаких разрушений.

Крыськ повернулся задом.

Короткий, обломанный хвост его, дернулся из стороны в сторону. И замер. Мне даже подумалось, что демон не согласится, что...

— Я думаю, с этого все началось, — я опустила на ступеньку. В конце концов, я устала, да и место к пафосу не склонно. — Давным-давно... по нашим меркам. По вашим — не знаю.

Давно.

Но не так, чтобы совсем уж давным-давно.

— Моему предку удалось... вызвать демона? Он, наверно, был на редкость талантливым засранцем. Что? Я же знаю, что демона просто так не вызвать. Кровь, боль... жертва. Он предложил сделку.

Обман.

— И взял в залог руку. Как? Понятия не имею.

— Об-б-мн, — лич приподнялся на бочке. Шея его вытянулась, спина прогнулась. Казалось, он с трудом выталкивает из себя звуки. — Он. Обмн. Вр...

— Вор? То есть, он украл руку?

— Дргй в-в-выз-в...

— Кто-то другой вызвал демона? — я поерзала. Вот с подобием человека говорить всяко удобней, чем с крысюком, который по-прежнему сидел ко мне спиной. — Зачем?

— Из-м...ся хтел.

Все же звуки человеческой речи давались личу с трудом.

— Хотел измениться?

— Жть. Длго.

— Долго жить?

— Да, — это лич произнес со вздохом. — Длго-длго... сть бсс...тным.

— Стать бессмертным?

— Кровь... моя... мняет.

— Кровь демона? — я посмотрела на мужа, а тот на меня.

А если...

...то есть, то самое таинственное вещество, которое пытался воссоздать мой бывший, это кровь демона?

— Двно. Льди. Рньше. Часто.

— То есть, люди раньше призывали... и брали кровь? Вашу? А взамен?

— Кровь. Бль. Жретва.

— Жретва, стало быть... — почему-то я не удивилась. Раньше... да, нам говорили, что мир был несколько иным. И маги в нем себя чувствовали куда вольнее, порой и вовсе не обращая внимания на людей простых. Но пара конфликтов.

Война.

И другая.

Закон. Император гарантом благополучия подданных... эпоха расцвета и права... в общем, полагаю, не все считали нынешнюю эпоху такой уж цветущей.

— Твя кровь. Слжить. Длжн пмгать нставнку, — лич говорил все более внятно. — Красть. Кровь. Залог.

...украл кровь, которая нужна была для превращения, а заодно и руку.

Так, подозреваю, на всякий случай.

О том, что случилось с незадачливым темным, и думать не хочется. Полагаю, превращение в лича он не пережил, но оно и к лучшему. Сочувствия во мне не было от слова совсем.

— Спрят-ть. Искть. Плохо.

И демоны могут жаловаться.

— Скажи, а он... не только руку ведь забрал, верно?

Сомневаюсь, что папенька настолько самоуверен, чтобы думать, будто ему под силу одолеть демона.

— Есть ведь что-то еще? Что-то, что поможет управлять тобой, верно?

...тот, предок, сбежавший в этот городок, он вряд ли так уж стремился обрести бессмертие, видел, чем оно чревато. Или боялся?

Он просто спрятал шкатулку. И не пытался ее извлечь. А вот папенька... такой сложный план, столько потраченного времени в надежде... на что? На новую сделку? Или... он не будет полагаться на случай.

Не тот человек.

— Да, — лич медленно сполз с бочки. Теперь он двигался куда как уверенней. А мне подумалось, что еще пара дней, и я точно не справлюсь с этой тварью. Лич же, будто уловив эти мои мысли, ослабил.

Если я не смогу, то есть еще Эль.

И другие.

Одно дело воевать со мной, и совсем другое... но нет, воевать мы пока погодим.

— Что это?

Молчание.

— Эта вещь даст моему отцу право приказывать тебе?

— Да.

— И она находится у него?

— Да.

— Ты знаешь, как она выглядит?

И вновь молчание. Эхо сомнений. Стоит ли верить людям? Люди хитры. Люди коварны. Люди...

— Мне не нужно, чтобы он получил личного демона, — я сжала кулаки так, что ногти впились в кожу. — Если ты придешь, плохо будет всем. Поэтому... я действительно хочу выдворить тебя из этого мира. Полностью. А потому... мы заключим сделку. И ты расскажешь все. А еще...

Мой взгляд остановился на крысюке.

— Ты ведь можешь управлять ими на расстоянии?

...в приличных домах крысы не водятся.

Вернее они встречаются, но где-нибудь в подвалах, стыдливо прячась среди бочек и ларей, показываясь на глаза лишь пугливым служанкам, и уж никак не поднимаясь на господские этажи.

Этот крысюк то ли не знал, то ли не счел нужным считаться с правилами, что давно уж установились, позволяя вполне мирно — ловушки и отравы, право слово, не в счет — сосуществовать с людьми. Он выбрался, огляделся, отряхнулся.

Пригладил взъерошенную шерсть.

Оскалился, показывая вожаку местечковой стаи, что намерения его вполне серьезны. И нет, другим бы разом вожак не отступил бы, уж больно богаты были подвалы и сытна местная жизнь, но сейчас... пахнуло от чужака опасностью.

А крысы... кто сказал, что крысы не разумны?

Они, в отличие от людей, знают, когда стоит отступить. И вожак юркнул в нору под старым ящиком, в котором когда-то хранили кожаные мешки.

Стая рассыпалась.

А чужак, оглядевшись, двинулся бодрой рысью прочь.

Он выбрался за дверь.

И не без труда — все ж ступеньки предназначались больше для людей — поднялся по лестнице. Фыркнул на взвизгнувшую было девицу, увернулся от кружки, которой в него запустили, и исчез в очередной норе. Дом был стар и пронизан ими, что, несомненно, было на руку крысу.

Если бы у него имелись руки.

Он поднялся на второй этаж. Выбрался в гостиную. Зашипел на мелкую собачонку, что устроилась в кресле, и та не решилась с кресла спускаться. И верно... убивать крысу запретили.

Ни к чему привлекать лишнее внимание.

Нужное место он почуял шкурой, которая давно принадлежала не только ему. И остановился. Шерсть поднялась дыбом, а из горла донесся протяжный скрежещущий звук, заставивший несчастную собачонку забиться поглубже в кресло.

Крыс не хотел идти дальше.

Остатки инстинкта самосохранения подсказывали ему, что стоит бы убраться, пусть в тот же подвал или хотя бы в нору, укрытую за старым шкафом. Но чужая воля подстегнула.

Вперед.

И еще.

Он медленно затрусил вдоль стены, стараясь сродниться с нею. И чем ближе подходил, тем тяжелее получалось двигаться. Но вот он остановился перед дверью. Ощерился, уперся лапами в пол, пытаясь противостоять тому, что заставляло его идти вперед.

И шагнул.

Застыл.

Почти распластался... дверь кабинета открылась, едва не ударив по крысе, но он успел отскочить, а заодно с самоубийственной смелостью нырнуть под ноги человеку, благо, был тот слишком возбужден, чтобы обращать внимание на что-либо, кроме полупрозрачной колбы, в которой переливалось нечто темное.

— Марисса! Марисса... у нас получилось...

В лаборатории остро пахло смертью. И запах этот почти парализовал крысюка, заставил упасть на брюхо и заползти куда-то под шкаф. Он, прижавшись к стене, замер.

— Ты уверен? — этот голос был мягок, а ступала женщина столь легко, что крысюк заворчал.

Люди не должны ходить тихо.

И пахнуть вот так, что... то, что управляло крысюком, отправила волну тепла, успокаивая.

— Почти, — крысюк видел ноги мужчины.

Лакированные ботинки, в которых отражался он сам. Видел и синие туфельки женщины. И саму женщину, чей запах неуловимо изменился.

Если бы крыс был человеком, он бы поддался.

Запаху.

Голосу.

Нежному этому прикосновению.

— Мы проверим, — сказал мужчина, оставив колбу на край стола. Он, может, и не различал

запахи, но чувствовал желание, исходившее от Мариссы.

И поддался ему.

Пускай. Хотя... не мешает же им запах смерти? Впрочем, да, люди и запахи...

Крысюк свернулся калачиком и прикрыл глаза. Позже, потом, он выберется из-под шкафа, чтобы пересечь мягкий ковер того темного цвета, что так удачно скрывает пятна. Он вскарабкается на другой шкаф, состоящий из множества ячеек, чтобы, оказавшись на самом верху, добраться до коробки...

...я открыла глаза.

Было... нет, не больно. Мерзковато слегка. Все же Марисса и... образы крыс передавал иные, но демон их вполне неплохо адаптировал.

Марисса, стало быть, и... хотя... чему я удивляюсь? После демона-то и того, что лежала в коробке.

Я зажала рот обеими руками.

А Эль обнял.

Он держал меня крепко, и его тепло успокаивало. Боги... хоть где-то мне повезло. А ему вот, напротив.

— Что там? — он все же спросил. А я ответила:

— Череп. Детский. Возможно, младенческий... так не поймешь. И... и если все вместе, то... получается, — я сглотнула вязкую слюну, окончательно приходя в себя. — Рука и череп... и он тоже принадлежит демону. Он обещал ему воплощение.

Мысли, как ни странно, оставались на удивление ясными.

— И получил... младенца своей крови... существо, принадлежащее обоим мирам... только... тот мой предок... он помешал воплощению. И перерождению.

И наверное, многое ему за то простилось, хотя... не то, как он с Юсей поступил. Или это был уже другой предок? Мать его... одни проблемы от этого родового древа.

— Сейчас демон привязан к нашему миру.

Он не цельный. И ощущение этой нецельности мучительно. Я не способна найти слов, чтобы описать, что он испытывает.

И не хочу.

А хочу я, чтобы все это закончилось.

— Что ж, — Эль понял и так. — Значит, подумаем, как достать череп. Крыс...

— Не унесет, а нескольких заметят. И что покрупнее... и думаю, нам просто повезло, вряд ли он оставляет лабораторию без защиты. Нет, надо обращаться к специалистам...

И проклятье, я даже знала, к кому.

Часть 7. Когда некроманты любят

— Я всегда знал, что дурь человеческая непостижима, — задумчиво произнес человек, ковыряясь пальцем в ухе.

Сегодня он выглядел... почтенно, пожалуй что да. Седые волосы, аккуратная стрижка, борода, заплетенная в три традиционные гномьи косицы, этаким намеком на дальнее и весьма дальнее родство. Костм из хорошей ткани и даже витая цепочка, исчезающая в нагрудном кармане.

Часы у сего благообразного господина тоже имелись.

И ботинки с непомерно длинными по последней столичной моде носами. На носках, правда, поблескивали полосы металла, и подумалось, что, если таким в колено пнуть, то колено и хрустнет. Белые пальцы человека возлежали на горбатой рукояти трости.

— Но чтобы настолько...

Он укоризненно покачал головой, а тросточка ударилась о пустую бочку. И звук вышел громкий, гулкий. А ведь и тросточка непростая. Рунами вон исписана, и свинцом, подозреваю, улучшена, на всякий случай, если руны не помогут.

— Девонька, — он чуть подался вперед, мягкое текучее движение, из-за которого Эль подобрался. — В своем ли ты уме?

— Сама не знаю, — честно ответила я.

А что? Врать людям нехорошо, а таким особенно... и признаться, план больше не казался хоть сколько бы удачным. С чего я вообще взяла, что некоронованный король темного мира пойдет против другого... скажем так, потенциального монарха.

— Вот-вот... — проворчал он, окидывая меня цепким взглядом.

Сзади беззвучно вздохнул Эль.

А ведь согласился.

И главное, дома, на кухне, план не выглядел таким уж бредовым. Напротив, имелась у него своеобразная логика. К кому еще обращаться с подобным заказом, как не к человеку, таланты которого я на собственной шкуре испытала?

Обратилась.

Лучше не думать, чего это мне стоило...

— Ты понимаешь, о чем вообще просишь? — седовласый господин неловко сполз с бочонка. Под сапогом хрустнула гнилая доска.

Где-то тревожно запищали крысы.

А я ощутила гнев демона, который не любил, когда ему перечили.

Нет, не стоит его обращать. Нам с одним обращенным, который забившись в дальний угол заброшенного склада баюкал шкатулку с демонической конечностью, разобраться бы. И пусть лич вел себя тихо, можно сказать, прилично, но само его присутствие заставляло нервничать.

Да и демон опять же.

— Понимаю, — я сделала глубокий вдох. — Пожалуй, лучше, чем кто бы то ни было, но... вам ведь нравится город?

Чумра пнул клубок старых веревок, из которого выпала крыса.

— Вы не можете не понимать, что в нынешней ситуации весьма высока вероятность того, что город просто прекратит свое существование.

Демону эта идея пришлась весьма по душе.

— Я могу уехать, — господин разглядывал крысу так, будто впервые видел. Хотя... такую... слегка линялую с голым хвостом и торчащими из хребта иглами и вправду впервые.

Я сама подобных не встречала.

— Можете, — согласилась я, стараясь говорить спокойно и отстраненно. В конце концов, подумаешь, крыса... у меня целый лич имеется, да. — Но дальше что? Примут ли вас в другом городе? А если и примут, то сумеете ли вы занять достойное вас положение?

Сомневаюсь.

У крысиной стаи может быть лишь один вожак. И люди в этом плане не лучше. И судя по тому, как поморщился мой собеседник, он прекрасно понимал, что королем он является здесь и сейчас, а где-то там он будет опасным чужаком, от которого следует избавиться и поскорее.

— Конечно, подозреваю, что при желании вы могли бы купить себе имя и новую жизнь, какого-нибудь почтенного купца... или даже аристократа...

Он хмыкнул.

— Поселиться где-нибудь в столице и остаток жизни провести в праздности, но... это ведь не для вас, верно?

Крыса закружилась, пытаясь зубами вцепиться в собственный хвост. Пожалуй, именно это меня и смущала во всех перерожденных созданиях: с мозгами у них было сложно.

К счастью.

Демон обиделся. Он ведь юный, он только пробует силы и вообще... если бы у него вышло сохранить целостность, он бы и с силой своей управлялся куда ловчее.

Да.

— И последнее. Он не любит соперников. И союзников тоже. От последних и вовсе предпочитает избавляться... как можно скорее... и вы об этом знаете.

Знает, подтвердил демон.

Он приглядывался к человеку, который чувствовал эдакий интерес, и ежился, и озирался, пытаясь понять, что же происходит, но при том не потерять лицо. А ведь ему неуютно здесь, пусть место встречи Чумра сам назначил. Но вот... знаю, как оно бывает.

Стали вдруг раздражать скрипы. А тени в углах показались слишком темными, живыми. И чудится, будто прячется в них нечто недоброе.

Вот руки стиснули наверх трости.

Чумра обернулся и пробормотал:

— Не шали, деточка.

— Это не я, — с чистой совестью сказала я. — Я тут вообще... случайно.

— Ага.

— Нет, в самом деле случайно. И уехала бы, если бы...

...не Эль, у которого избыток благородства на мозг давит, подталкивая к подвигу. И призрак героической смерти становится не таким уж призраком.

...не Юся, что беспокойно бродит по новым владениям, пытаясь совладать с силой, которая способна просто стереть саму суть хранильницы.

...не старый мой дом, где малина обнимает серебристый ствол сиротки, и там, в сени, дремлет неживой маншул, то ли меня охраняя, то ли сам по себе. Кто их, кошек, разберет.

Если бы не город, привычный каждой улочкой своей.

Не люди в нем.

И нелюди тоже, потому что эльфы при всей своей самоуверенности не выстоят при прорыве. Волна перерожденной нежити захлестнет всех, и умение составлять совершенные букеты не поможет. И даже не хочется думать, во что превратится моя свекровь, если дражайший папочка исполнит задуманное.

Она меня и в живом-то состоянии пугает, а уж о перерожденном если...

Демон противенько захихикал.

Смейся, смейся, посмотрим, как ты сам с родственниками жены ладить будешь.

Смех прекратился. Кажется, семейные проблемы и демонам не чужды...

— Что ж, — меж тем Чумра повел плечами. — В том, что ты говоришь, есть доля истины, но... что мне будет помимо твоей глубокой...

...как-то вот пошло он это произнес.

— ...благодарности?

Я подняла глаза к потолку, с которого свисала старая веревка этаким намеком на скоротечность бытия, и обреченно поинтересовалась:

— А сам-то ты чего хочешь?

Лич ковылял сзади, опираясь на ноги и левую руку, а правой прижимая ко впалому животу драгоценный ларец. Со стороны он походил на странное существо, одинаково далекое, что от людей, что от животных, и я лишь радовалась, что морок, наложенный Элем, держится.

Не надо было тащить лича с собой.

Вот не надо было.

Эль шагал рядом, всем видом своим выражая несогласие. Правда, то ли с требованиями Чумры, то ли с тем, что принять их придется, ибо без Чумры в папенькин дом соваться — сущее самоубийство. Я же думала, что, если отрешиться от проблем насущных, вечер вполне себе ничего.

Дождь перестал.

И небо ясное. Луна кривовата, уже перевалила через пик своей силы, но все равно красиво. Звезды опять же... такой ночью только под ручку и гулять.

Почему бы и нет, к слову?

И я взяла мужа под руку. Мы, может, завтра вообще помрем, а он тут строит из себя невесть что... как ни странно, Эль улыбнулся. И сказал:

— Это настолько безумно, что может получиться.

Ага.

Хотелось бы верить. И в то, что получится, и еще в то, что после всего нас на рудники не отправят. Это ведь надо было додуматься...

Я тряхнула головой.

Не хочу.

Не сегодня. Я буду наслаждаться вечером и даже не услышу, как тягостно печально вздыхает лич. Наверное, тоже красота природы впечатлила.

В дом мы не пошли.

Так и стояли, глядя на прозрачное светлеющее небо, в котором медленно, одна за другой, таяли звезды. И мне было просто хорошо, так хорошо, как никогда в жизни.

— Может, уже поцелуешь? — спросила я, когда у горизонта появилась бледно-розовая полоса. И Эль поцеловал. А потом снова.

И я его тоже.

Мы ведь связаны, так? Высочайшей волей несостоявшегося божества, так чего теперь... тем более я замерзла, как оказалось. И он тоже. И греться лучше вдвоем.

Я знала верный способ.

Эль, к слову, тоже. И не один. Да... наверное, мы оба остро ощущали ненадежность нынешнего мира, а потому спешили урвать момент, чтобы только наш, на двоих, чтобы без крыс и демонов, без лича с его капустой, которую ему повадились таскать послушные крысы, без моего отца, краха мира и прочих мелочей, способных испортить настроение.

Пусть наверху прохладно и кровать предательски скрипит, а одеяло давно уже съехало на пол. Пусть мне немного стыдно, потому что солнце заглядывает в окна, будто именно того и ждало, чтобы пробиться из-за полога туч. Пусть... пусть все идет своим чередом.

Это мое утро.

Наше.

И видят Боги, а они, точно знаю, иногда видят больше, чем хотелось бы, но собственное тело уже не кажется ни некрасивым, ни неловким.

А вот Эль все равно тощий.

Ничего. Откормим. Если выживем, конечно. Кажется, когда мы заснули, солнце уже поднялось довольно-таки высоко. И Эль заслонил меня плечом, а потом, натянув одеяло по самые уши, велел:

— Отдыхай, ночь будет длинной.

А я послушно закрыла глаза. Отдых и вправду не повредит, главное, чтобы этот ушастый не вздумал уйти, решив в одиночку совершить подвиг. И я покрепче вцепилась в его пальцы.

Хорошие пальцы.

Длинные.

Наглые немного и еще весьма чувствительные. И держаться удобно. Эль вздохнул. А я улыбнулась, уже во сне... пусть идет, как оно идет.

Сон, к слову, был хорошим. Не помню, о чем, но проснулась я, во-первых, отдохнувшей, во-вторых, что куда важнее, довольной жизнью.

Эль не ушел.

Сидел, подперев кулаком подбородок, и меня разглядывал.

— Что-то не так? — подумалось, что теперь я еще краше обычного.

— Разделишь со мной жизнь?

— Это как? — я села и подобрала одеяло. И вспомнив, что было утром, покраснела, кажется, до самых пяток.

— Р-раньше... д-давно, когда люди т-только пришли в этот мир и было их мало, они часто селились рядом с нашими городами. А вот их как раз было куда больше, чем сейчас. Никто не знает, почему с каждым годом рождается меньше детей, почему отмирают корни старых деревьев...

Он пересел и сгреб меня. Прижал к себе. Вдохнул.

— Тогда, как я п-понимаю, различия меж нами казались столь огромными, а законы были мягче. И порой случалось так, что кто-то брал в жены... или в мужья человека. Но ваш век короток, а мы живем долго. Случалось, что на это и был расчет, но бывало и так, что пара просила богов о милости, и тот, кто жил дольше, делил свой срок на двоих.

Красиво.

Но бестолково. Нет, я понимаю, что жизнь вечная, вероятно, скучна, но это же не повод вот так брать и отдавать половину. Я бы своей не поделилась.

Наверное.

И потому предложение мне не нравится.

— Б-бабушка г-говорит, что сам по себе обряд не сложный, что нужно смешать кровь. И обратиться к древнему лесу, что только он видит правду.

Ага.

Уже легче, ибо древних лесов поблизости не наблюдалось, разве что тот, который за старым городским погостом мог считаться старым, но и то весьма условно. Его уже давно обживали деревеньки, которые прочертили лес тропами, распахали полоску между ним и кладбищем, чтобы там, на жирной земле, развести огороды.

— Дурак, — сказала я.

Сомневаюсь, что Эль собирался тащить меня в те самые леса, которые действительно древние и предвечные, а значит, было средство попроще.

— Да. Наверное, — он согласился со мной. — Но я не хочу быть, когда тебя не станет.

— Меня может и завтра не стать.

— Именно. Эта связь даст не только жизнь, но и силу.

— Светлую?

Он кивнул.

— Некроманту?

Эль пожал плечами, мол, у всех свои недостатки.

— А я потом останусь некромантом?

— Н-не знаю, — вынужден был признать Эль, а я задумалась. Нет, я, конечно, никогда не мечтала жить вечно. Такие мысли с моей профессией не слишком сочетались, но...

Это дар.

И если откажусь, он обидится. Ничего не скажет, но обидится. А обида где-нибудь да выползет, разрушая и без того ненадежные наши отношения.

Так почему бы...

— А я не хочу, чтобы ты тратил жизнь попусту, — мне сложно было объяснить то, что я чувствовала. Вот говорила же мама, что от мужиков одни проблемы.

Говорила.

Наверное. Кому-то. С нами она не больно-то откровенничала.

— Я до этого времени ее попусту и тратил, — Эль легонько пожал плечами. — Больше всего на свете я хочу взять тебя и просто увезти. Далеко. Есть юг. Есть север. Мне случалось бывать и там, и там. Все немного иначе, но жить можно.

Не сомневаюсь.

— Ты бы со временем привыкла. Там тоже хватает нечисти, но она обыкновенная.

То есть не прячется в подвале, не шинкует гниловатые головки капусты когтями, чтобы потом опустить нашинкованное в бочку с рассолом?

— И ты бы нашла себе дело по душе. А я не стал бы волноваться, что тебя убьют. Точнее стал бы, но не так, как сейчас.

Мы оба вздохнули.

Вот ведь... и ответить нечего. Бестолочь я, что тут еще скажешь.

— Но я знаю, что это тебя обидит. И не настолько самонадеян, чтобы думать, что сумею тебя защитить. Сегодня ли. Завтра ли. Потом, когда этот мир в очередной раз станет меняться... я получил письмо от матушки. Отец отправляет ее.

— А так можно?

Отец Эля при всем своем спокойствии не казался мне способным хоть как-то повлиять на его матушку.

— Пригрозил, что возьмет младшую жену.

Вот про то, можно ли так, уточнять не стану. Хрен ему, а не младшая жена... и Эль улыбнулся.

— Так поступают в браках, которые заключают по расчету. Матушка очень... огорчилась.

— Предполагаю.

И хорошо, что меня в этот момент рядом не было. Вот клянусь, что именно меня и признали бы виноватой.

— Бабушка его не послушала.

— А он...

— Останется. Он тоже страж. И не может допустить, чтобы здесь случился прорыв.

Я поерзала.

— Ты...

— Боюсь, отец не одобрил бы наш план. Он... довольно консервативен во всем, что касается демонов. И скорее всего принял бы решение уничтожить... тот артефакт.

Ага.

Чтоб это было так просто. И как знать, чем эта попытка аукнется.

— Я беспокоюсь не за них. За тебя. Ты... согласна?

Согласна.

Куда я денусь. Только вот из одеяла выползу и сразу пойду древние обряды совершать. Ну, может, слегка оденусь еще.

Но я ответила просто:

— Да.

Древний лес значит?

Древний лес качал ветвями на заднем моем дворе. Я дважды моргнула, надеясь, что мне привиделось, и если постараться, то все развидится. Но нет. Лес не исчез, в отличие от соседского забора, на месте которого вольготно расположился кустарник с мелкими серебристыми листочками.

Это ж тьмогонник!

Да за него в любой лавке три шкуры сдерут, потому что лучшего средства против нечисти нет. А уж если с кое-какими травками смешать...

— погоди, — Эль схватил меня за руку. — Не сейчас. Здесь легко заблудиться.

Охотно верю.

Серебряные столпы поднимались в небо, вернее они это небо держали на растопыренных ветвях. И солнце, проникая сквозь кружево это, ложилось на траву удивительными узорами.

— Вот ты какой... сиротка, — я коснулась ближайшего дерева, прислушиваясь к тому, как медленно и сильно пульсирует в нем жизнь.

Во всех них.

Они, связанные друг с другом на заре времен, переплетшиеся корнями и сроднившиеся ветвями, были чем-то единым, неделимым и всеобъемлющим. Удивительным.

Пугающим.

Я шла по травяному ковру, который мягко прогибался под моими ногами, понимая, что, пожелай они, и этот ковер треснет, а я упаду в мягкую землю, частью которой и стану.

Лес не был добр.

И не был зол.

Он стоял над этими понятиями. И над нами с Элем. Правда, нас он разглядывал и с немалым любопытством, которое я ощущала всей кожей.

Я слушала звон листьев.

Нежную колыбельную ветра. Я ощутила вдруг покой.

Город?

Демон?

Ему не добраться до сердца Предвечного леса. Никому не добраться. И если мы решим остаться, лес о нас позаботится. Он — убежище.

И исток.

Он возможность замедлить время. И здесь, в этом месте, я буду жить вечно, как и Эль. Я научусь пить силу из земли и делиться ею с другими. Я увижу, как осень сменяется зимой, а та отступает под напором весеннего солнца. Я смогу очнуться вместе с деревьями и потяну из земли тонкую молодую поросль.

Я буду слышать все, каждый звук, каждый вдох и выдох.

— Нет, — я покачала головой и, оглянувшись, увидела мужа, который стоял, прислонившись к белоснежному стволу. Он тоже слышал?

И ему нравилось.

Проклятье!

— Нет, — повторила я жестче. — Неужели ты не понимаешь? Мы другие. И то, что хорошо для тебя...

У Эля руки стали ледяными.

Он ведь слышит этот голос, которого нет. Он перекачивается волнами света, он обещает, что мы не пожалеем, мы тоже изменимся, станем именно такими, как нужно этому месту. И будем счастливы.

Иначе нельзя.

— Нет, — я тряхнула Эля. — Очнись.

А ведь следовало бы подумать. Не бывает простых ритуалов, даже то, что кажется таковым, скрывает под собой бездну. И вот она здесь, вокруг, шелестит, напевает колыбельную. Мягкая трава подбирается к моим ногам.

Приляг.

Закрой глаза. Позволь ветру коснуться волос. Мы укроем тебя.

Спрячем.

Ото всех. И от людей с их суетой и страстями, и от демонов, от самой себя. Нельзя же быть настолько беспокойной.

Можно.

Идите в... куда подальше.

— Эль, — я отвесила мужу пощечину, а потом встала на цыпочки — и вырос же он таким долговязым — и поцеловала. Ветер засмеялся.

Неужели я полагаю, что этого достаточно?

Не полагаю, но попробую. Должна же я что-то сделать. И делаю вот. Как умею, так и делаю. И получается, потому что ледяные руки сомкнулись за моей спиной, а листья там, в вышине, зазвенели.

— Получилось, — сказал этот поганец ушастый, не оставляя сомнений, что он, если не знал доподлинно, то всяко догадывался, насколько не прост этот древний ритуал. — Удивительно.

Еще как удивительно.

Я вот настолько удивлена, что прямо разрывает от удивления.

А лес смеется, теперь иначе. Он звенит серебряными голосами птиц, он играет струнами весенних ручьев, он мешает свет с тьмой, и ветер восторженно кружит над нашими голосами. Этот ветер сыплет белоснежные лепестки, которые тают, стоит им коснуться кожи и меня переполняет чуждая, но добрая сила. Я чувствую себя всемогущей.

И кажется, улыбаюсь.

Точно улыбаюсь. И Эль тоже. Он берет меня за руку, и мы идем. Куда? Понятия не имею. По высокой, высокой траве, которая едва не стала могилой, меж белесых живых колонн, туда, где света становится больше, и я закрываю глаза.

Я знаю, что не споткнусь, а если и вдруг, то упасть мне не позволят. Но свет пробивается сквозь веки, он опалает кожу, он пробирается в кровь. И я вот-вот вспыхну.

Дура.

Что некроманту делать в эльфийском лесу? Могла бы сообразить... и Эль хорош... сейчас мой дар сгорит. И с чем останусь?

С умением составлять букеты? Или красиво вышивать? Или меня наполнит светлая сила, от которой все тело зудит? Если так, то хотя бы надеюсь, что зуд этот — явление временное. Но я не удержалась и поскребла руку, ту, которую держал Эль.

И он остановился.

— Все хорошо.

— Ты спрашиваешь или утверждаешь?

Чесалась шея.

И голова. И все тело.

— Потерпи. Твой организм перестраивается.

Ага, вот не поверишь, но я это чувствую. Очень так... интенсивно чувствую. И хочу обратно, в простую человеческую невечную жизнь. Вместо этого я просто поскреблась. И снова... и опять.

— Я хоть эльфийкой не стану?

Представила себя в длинном платье с белоснежными волосами... жуть какая.

— Не станешь, — Эль улыбнулся и обнял. — Это особое место... сюда далеко не все могут прийти. Бабушка дала ключ...

Ага, то есть, без эльфячьей бабушки не обошлось, и подозреваю, что сделала она это исключительно назло эльфячьей матушке. А мне с того что? Ничего, как выяснилось, кроме почесухи.

А в руках Эля появился кинжал.

Мой, что характерно, один из запасных, что лежали тихонько в шкафу. Черный клинок в месте, переполненном светом настолько, что того и гляди оно треснет, смотрелся мягко говоря странновато.

А в пару ему Эль достал другой нож, светлый металл с булатным узором, слегка изогнутый клинок и аккуратная изящная гарда, будто под женскую руку сделанная.

— Н-на заре своей мир не был добрым местом, — второй нож он протянул мне. — И оружие встречалось в нем чаще, чем обручальные браслеты. Или кольца.

Логично.

— А п-потому в старых обрядах м-молодожены как п-правило обменивались клинками.

Что ж... на заре мира все, выходит, было куда проще. И со смыслом. А кинжал меня принял. Я почувствовала отклик. И уже спокойно перехватив рукоять, провела краем по ладони.

Кровь.

То, без чего на заре мира не обходился ни один ритуал. И здесь кровь выглядела иначе, темная, тягучая, она казалась живой. Капли сливались друг с другом, наполняя ладонь. А потом эта кровь коснулась другой, более светлой, более яркой.

И смешалась.

И мне стало жарко. А потом холодно. И не только мне, если Эль меня обнял, а я вцепилась в него, мы так и стояли, не знаю, насколько долго.

Долго.

Теперь я слышала его. А он меня. Мы звучали частью этого места, и частью друг другу, и кажется, это было именно так, как и должно.

А потом все закончилось.

Мы не сделали и шага, но оказались перед знакомым стволом сиротки, который — я теперь знала, что спустя пару сотен лет он превратится в белую колонну мэллорна — приветливо шелестел. Стоило коснуться теплой коры, и лес исчез.

А мы оказались во дворе.

И ладно бы одни.

На лавочке сидел лич, придерживая одним локтем миску капусты, другим — тяжелый ларец. Выглядела тварь на редкость довольной.

Поздравлять, никак, собирается?

А вот демон был недоволен. Ага, он тут между мирами растянут, а мы личную жизнь устраиваем... ничего, скоро все изменится.

Надеюсь.

Ночь на дворе.

Глухая такая. Кромешная. Самое оно для незаконных дел. И я поплотней запахиваю куртку, силась сдержать дрожь. Зубы стучат, но не от холода, а от осознания того, что я собираюсь делать.

Назад дороги не будет.

И пусть след останется не мой, но... я не настолько везуча, чтобы надеяться, что папенька не поймет и не предпримет мер. И вообще...

Я дрожу и жмусь к мужу, который поглядывает свысока и этак презадумчиво. И знаю, что в голове его бродят совершенно неправильные мысли о побеге. Почему неправильные? Да потому, что от себя не убежишь...

— Однажды в студеную зимнюю пору... — я заговорила, чтобы успокоиться. — Я упыря встретила подле забору...

Я шмыгнула носом и потерла его.

А холодно.

И мерзко, руку на сердце положи. Никогда-то кладбищ не жаловала, а нынешнее, если подумать, вполне себе приличным было. Как водится, в центре склепы родовые, статуями украшенные. Те белеют в ночи призраками, а вокруг встают костлявой стеной облысевшие деревья. На дорожках листву сгребли, но как-то так, что присыпала она могилки победнее. И вот с них уже торчали палки, одни с табличками, другие пустые, покосившиеся.

Я оглянулась.

В центр идти нам смысла особого не было. Старые склепы строились на совесть. Иногда я подозреваю, что люди предков своих любить начинают именно тогда, когда эти предки покоятся с миром и с гарантией. Вторая куда как важнее.

— Здесь? — Эль пошевелил носком грязную кучу листвы. — Подмести бы...

— Некогда, — я скинула сумку прямо на могилу. Кто бы там ни лежал, очень скоро он сможет самолично выразить мне свое возмущение.

Лич прошелся вдоль стены, он ковылял, все также прижимая к боку драгоценную свою ношу, сопровождаемый крысиной свитой, одновременно нелепый и ужасный.

Меня вот передернуло.

Не отвлекайся, Юся. Луна пока висит низенько, но договоренность достигнута. Сомнительный мой компаньон не сунется к дому папеньки, пока папенька там отдыхает. А значит, что? Значит, следует папеньку убрать.

И с гарантией.

Я пошевелила пальцами.

Гарантия эта может стоить мне жизни, ибо закон в данном случае не на моей стороне. И сомневаюсь, что королевский суд, коль мне случится дожить до столь знаменательного события, снизойдет к обстоятельствам сего дела.

Вот всегда, когда волнуюсь, начинаю думать странно.

Нервы, все дело именно в них... и в платице, которое перестало быть платицей, укоротившись и уплотнившись, превратившись вдруг в этакое подобие кружевной кольчуги. И не стоило обманываться кажущейся хрупкостью ее. Следовало признать, что с кольчугой я чувствовала себя куда как более уверенно. И сейчас повела плечами, похлопала себя по бокам и велела не отвлекаться.

Я достала из сумки простыню с заранее намалеванными символами, которую и кинула поверх могилы. Расправила. Придавила камушками. Не хватало еще, чтобы мой ритуал ветром унесло. История знала подобные случаи и для магов они ничем хорошим не заканчивались.

Поэтому нервы нервами, а дело делом.

Из сумки появились черные свечи.

Травы.

— Ты уверена, что хочешь этого? — Эль держался в стороне.

— Я уверена, что категорически не хочу, — я смахнула со лба пот. — Но какие есть варианты?

В том-то и дело. Я перебрала все... я ведь не настолько безумна, чтобы надеяться, что удержу их своей волей. И родовой перстень вряд ли поможет. Родовые артефакты в принципе весьма себе капризны, а меня отец не признал. И может статься...

Не может.

Это не просто наилучший вариант. Это единственный... если мы не добудем череп, то не сумеем провести ритуал. Если не проведем мы, его рано или поздно проведет отец. И заполнит мир перерожденными тварями, избавиться от которых будет непросто. А эльфы, дождавшись долгожданных доказательств в безумии человеческого рода, объявят свою войну.

Нет уж.

Я лучше на кладбище поворожу. Я размяла пальцы, закрыла глаза, сосредотачиваясь на силе. Отпускать ее потихоньку, позволяя стекать тонкой струйкой.

Руки заныли.

А в душе вновь зашевелились сомнения. Может... договориться? Я папеньке руку демона, а он мне честное слово, что гадить не станет. И про эльфов рассказать. С такими надсмотрщиками он не рискнет... или рискнет?

Сила наполняла рисунок медленно, собираясь в пересечениях линий, заполняя одну лауну за другой. И когда на земле вспыхнула черным светом пентаграмма, я откашлялась и заговорила.

Медленно.

Тщательно выговаривая каждый слог.

И контролируя силу. Боги, не знала, что нарушать закон настолько... непросто. Сила текла легко, но в этом и подвох, давление нарастало, и она стремилась выплеснуться, выйти за круг, накрыв сразу все кладбище. Нет уж, пока рано... если позволить, то сила просто уйдет в землю, разбудив пару-тройку не самых мирных покойников. Но и все.

Мне нужно больше.

Много больше.

Поэтому смиряем и укладываем тугую спиралью. Виток за витком, вдох за выдохом и снова. И опять. И перстень на пальце вспыхнул, плотно приклеившись к коже. Признал, стало быть. Работать с потоком стало легче.

А горло драло от непроизносимых слов.

Вот почему древним, кем бы они ни были, не добавить в язык пару-тройку гласных? А то ведь...

На соседней могилке устроился лич. Он подвывал и, казалось, добавлял моему заклятью одному ему понятные ноты. Надеюсь, не помешают.

Я замолчала.

Отступила. Стиснула кулаки, сплетая нити силы воедино. Дело за малым: позволить заклятью развернуться, а самой... оглянувшись на стену, я порадовалась, что та довольно-таки близка. Добежать успею.

Должны во всяком случае.

Колени дрожали. Руки тоже дрожали. Уши и те, кажется, мелко подрагивали. У меня есть еще возможность отступить. Вернуть заклятье, точнее свернуть, спустить и развеять силу...

И дальше что?

Нет уж.

— Отступаем, — велела я и попятилась. Медленно, поскольку за каждым моим движением превнимательно наблюдали желтые глаза лича. А ведь тот, если не понимает всецело, что происходит вокруг, то всяко чувствует, что происходящее связано со мной.

И демоном.

И... и если он нападет, я обречена. Словно подслушав эту мысль, лич подался вперед и заворчал.

— Цыц мне тут, — сказала я громко и, надеюсь, уверенно. Во всяком случае, лич поднялся на костяшках пальцев и заскулил. — Сейчас... сотворю тебе армию. Но чтоб мне тут без кровавых...

Демон оскорбился.

— Без, без... — я стиснула кулаки. — Иначе ничего не будет. Лишние жертвы мне не нужны.

Вот только демон вполне искренне полагал, что жертвы лишними не бывают.

Бывают, бывают... вот папеньку если сожрешь, я печалиться не стану, а мирные обыватели на то и мирные, и обыватели, что лезть к ним не следует.

Совсем.

И даже ради великого блага всей человеческой расы. Отдельные ее представители эдакого блага просто-напросто не поймут.

Нити натягивались.

И подрагивали. Ну же, демон, или ты даешь обещание, или я... да, я рискну отступить... не усмотришь за всеми? Ты, великий и могучий, не справишься с кучкой примитивной нежити? Я начинаю разочаровываться в демонах.

Справится.

И злится.

И пускай себе. Злость, она порой на пользу.

— Раз, — я приняла обещание и пошевелила пальцами. — Два... три... бежим.

И мы побежали. Полетели, спеша добраться до условно безопасной границы. Меж тем сила, скрутившись темной спиралью, ушла в землю. Полыхнула печать, и простынь, между прочим, почти целая, от тетушки в наследство доставшаяся, осыпалась пеплом.

А тетушка верила, что эта самая простынь пойдет в приданое.

Пошла.

Почти.

Мы добрались до стены и остановились. Я вдохнула сквозь сцепленные зубы. Повернулась. Стиснула кулаки, пытаюсь смирить биение сердца.

Кладбище стояло.

Вот как прежде стояло. Лунный свет серебрил мрамор старинных склепов. Торчали из кустов палки и таблички, трава темнела и в целом складывалось ощущение, что некромант из меня, мягко говоря, так себе. Мама бы не гордилась.

— Не вышло? — шепотом, в котором чудилась немалая надежда, поинтересовался Эль.

— Погоди...

Сила расплзлась. Она должна была задержаться в круге, чтобы медленно наполнить старые и не очень старые кости, наделяя их призраком жизни. Я отдавала себе отчет, что на многое меня и вправду не хватит. Пара десятков мертвецов. Полсотни — максимум. Но тут... заклятье расплзлось, подпитываемое демоном, и уже достигла склепов, попросту смяв их защиту. Оно коснулось южной стены, и остановилось.

Вежливо так.

Явно показывая, что демоны, в отличие от людей, договоренности блюдут.

Зашевелилась ближняя ко мне могилка, выпуская чью-то несколько разложившуюся конечность. Пальцы ее растопырились и рука вежливо помахала мне.

— И тебе доброй ночи, — я прижалась к стене спиной. — Надеюсь, вы тут хорошо проведете время... а нам пора.

Следом за первой рукой появилась вторая. На ней заблестели колечки, а с тощего запястья почти соскользнул браслет, который почтенная дама все же поймала. Не знаю, кем она была при жизни, но из могилы выбиралась с немалым изяществом.

Она одернула остатки юбки, поправила шляпку и развернулась к соседней могиле, протянув руку помощи седовласому — судя по остаткам волос — господину. Его похоронили вместе с тростью и серебряными часами, которые он весьма заботливо спрятал в грудной клетке.

— Идем, — Эль дернул меня к выходу. И я моргнула. Это ж надо было так увлечься... зомби я не видела, что ли?

А спешить стоит.

Сигналки надрываются. Через пару минут у кладбища будут все городские патрули, а там к ним и дежурные некроманты присоединятся. И недежурные тоже.

Где-то в глубине, у белесых склепов, зазвенела скрипка. И луна, решив взглянуть на это чудо, выползла из-за облака. Свет ее неожиданно яркий залил кладбище, на котором медленно выбирались из могил мертвецы, чтобы спокойно — диво дивное — прогуляться по дорожкам. Или, взявшись за руки, устроиться на ступенях склепа.

Закружиться в танце.

— Я сошла с ума? — тихо поинтересовалась я. — Или демон?

— Мы все, — подумав, ответил Эль. — Он вернул души.

— Демон?

Мы не ушли далеко, остановились в переулке, откуда открывался чудесный вид на низину и собственно кладбище. Эль провел ладонью перед моими глазами, и я моргнула.

Вот как это выглядит, значит.

Серебряное сияние, окутавшее мертвецов, будто с ног до головы обсыпали их фейскою пылью. Тонкие нити протянулись от неба к земле, и фигурки казались нанизанными на них. И в то же время свободными. Им позволили вернуться и... и наверное, я скажу демону спасибо.

Потом.

Когда отправлю в небытие.

— Как думаешь, они понимают, что мертвы?

Эль обнял меня.

— Да.

— И... это их не пугает?

— А они выглядят напуганными?

Уже известная мне пара присела на траву. И мужчина, опираясь на трость, отчаянно жестикулировал, будто спешил рассказать даме что-то донельзя важное.

А вот там, дальше, перед роскошным склепом, кружилась в танце девушка. Остатки ее платья светились, а сама она казалась настолько цельной, что выглядела живой.

Почти.

И юноша с дырой в груди рукоплескал ей... над ним клубилось черное марево проклятья, которое, надо полагать, и свело его в могилу. Но сейчас, этой ночью, он снова был жив. И подхватив девушку на руки, обнял, прижал к себе.

А у меня на глаза навернулись слезы.

Вот что я за некромант такой... неправильный. Где толпы, жаждущие крови? Этим людям, пусть и мертвым, но снова живым, особо не было дел до тех, кто скрывался за оградой. Они спешили урвать еще немного этой, вновь подаренной, такой настоящей жизни.

— Этот демон... он очень силен.

— Я не думаю, что это он... только он... скорее всего, тем, кто стоит над миром, тоже не нравится происходящее. Вот они и помогают. Как умеют.

К ограде подошла хрупкая девочка и помахала рукой.

Мне?

Определенно. И я медленно подняла свою руку. Не знаю, что ты такое, но... спасибо. И мне жаль, что эти люди сегодня снова умрут.

Она слегка наклонила голову.

Не страшно?

Они уже... вернулись далеко не все, лишь те, кто не нашел в себе сил расстаться с путем земным. А теперь, получив второй шанс, они обретут покой. Но времени у нас немного.

И я повернулась к кладбищу спиной.

— Идем, — это прозвучало слишком громко в ночной тишине, куда громче далекой скрипки, к которой присоединился ноющий звук волынки. Это кого ж там захоронили-то? Не важно. Нельзя оборачиваться. Нельзя останавливаться.

Нельзя думать о том, что происходит за моей спиной.

Мертвецам уже не больно.

В городе царили тишина и покой, и странно было слушать эту тишину, зная, что происходит на кладбище. Я несколько раз останавливалась, проверяя, не растворились ли нити силы. А то ведь вышнее благословение, конечно, вещь хорошее, но не поломало бы оно нам коварный наш план.

Но нет.

Остаточные эманации мощного и темного, что сама тьма, заклятья ощущались в воздухе, заставляя этот воздух опасно дрожать.

Запоздало подумалось, что если где-то рядом имеется лежка тварей потусторонних, то они всенепреренно очнуться ото сна. Я должна была предвидеть и... и поздно.

Эль вдруг прижал меня к забору. А мимо бодро прогрохотал отряд городской стражи. И еще один... я слышу топот многих ног. Крики, которые растревожили ночь.

— Идем спокойно, не слишком быстро, — Эль взял меня под руку, а чертова кольчуга вдруг решила, что самое время стать снова платьем. И не просто, а длинным, в пол... хорошо, что без шлейфа. В платье со шлейфом грабить чужой дом должно быть совсем неудобно. — Вот так... хорошо... тебя почти совсем не видно.

Он накинул мне на голову отросший капюшон, который мягко лег на волосы, и я сама натянула его поглубже. Если не видно, то хорошо, то правильно.

Несколько раз мы останавливались, пропуская очередной отряд.

Да они не просто некромантов подняли! Я заметила пару знакомых огневиков. И воздушника, что приплясывал от нетерпения, явно готовый совершать подвиг.

Надеюсь, голову ему не свернут.

Хороший парень. И пончиками со мной делился. И вообще... не свернут. Разве что свои. Мертвецы, они безобидны, куда безобиднее живых.

Мы успели как раз вовремя. Ворота распахнулись, выпустив папеньку. Верхами пошел. Черный жеребец в посеребренной сбруе смотрелся весьма роскошно.

И глупо.

Зачем брать коня туда, где мертвецы? Лошади пугливы, а в страхе совершить способны любую глупость. Или... он подозревает?

Я прикусила губу.

А отец вдруг натянул поводья, заставив несчастного жеребца подняться в свечу. Оглянулся. И на мгновение почудилось, что он меня видит.

И знает?

Знает.

Но... уходит? Почти приглашение войти. И значит это, что входить ни в коем случае нельзя.

— Ты... тоже это заметил? — тихо спросила я, когда цокот копыт растворился вдаль. — Он ведь не идиот, да? Он понял, что это все устроено специально и... и как нам быть?

Эль пожал плечами.

— Действовать по плану?

Почему-то мысль больше не казалась удачной. По плану... по плану мы вдвоем стоим и ждем, пока великий вор прогуляется по папенькиному дому и вынесет оттуда заветную коробочку. После чего мы быстренько совершим ритуал, поспособствовав воссоединению демона, и уберемся из города, оставив папочке Эля сомнительную честь разгрести последствия.

— Я не уверена, что его выпустят... а вместе у нас будет шанс, — я погладила рукав кольчужного своего наряда. — Именно. Мы... должны. Я должна. А ты...

— Вместе.

Я кивнула.

Конечно, вместе... и подумалось, что жили мы недолго, но вполне себе счастливо, а умрем так и вовсе, быть может, в один день. Такая вот счастливая сказка, да...

Просто на слезу прошибает от умиления.

Но я шагнула к дому. И Эль со мной.

Мы пересекли пустую улицу, чтобы остановиться у ограды, по которой вились нити защитных заклинаний. А сложные. И... я не была уверена, что справлюсь с ними, но вынырнувший из темноты лич приоткрыл шкатулку, и кривоватая ручонка внутри цепко ухватилась за эти нити.

Мгновение и от заклинаний ничего не осталось, а по решетке поползли пятна ржавчины.

— Времени у нас мало, — я была уверена, что папенька предусмотрел что-нибудь на подобный случай. И сейчас он, получив сигнал, понял, чьих рук было представление на кладбище. А стало быть, несется к дому со всех ног.

И принесется быстро.

Да.

А потому я просто толкнула калитку и вошла. Быстрым шагом преодолела расстояние, отделявшее

меня от дома. По ступеням и вовсе поднималась бегом. И открытой двери не удивилась. Переступила через тело дворецкого, который и в смерти своей выглядел в достаточной мере степенным. Правда, кожу уже тронул тлен, и к утру тело осыплется жирным черным пеплом.

Служанка лежала у основания лестницы, что вела на второй этаж, и уж она-то умиротворенной не выглядела. На мертвом лице застыло выражение величайшего ужаса.

— А так оно и задумывалось? — тихо поинтересовался Эль.

— Нет, — я покачала головой. Что бы в доме ни произошло, случилось это не так давно. Тело было еще теплым. И сохранило остатки эманаций силы.

Очень темной.

Очень горькой.

Очень опасной.

Лич присел на корточки и зашипел.

— Что, тоже не нравится?

— Убить.

— Это да, — согласилась я. — Не знаю, что за хрень, но убить придется...

Мы поднялись на второй этаж. Смутно знакомый коридор, все же восприятие крысиное весьма отличается от человеческого. И новое тело. Я просто переступила через него.

Двери.

И снова.

И чьи-то ноги, медленно исчезающие за порогом комнаты. Шипение лича, которому отвечали таким же низким, слегка утробным. И Эль вскидывает руку, а я говорю:

— Шкатулочку верни, а то драться неудобно будет.

Что? И смотреть не надо с таким упреком. И вправду неудобно. Демон вон тоже со мной согласился, наверное, не слишком прельщала мысль стать орудием справедливого возмездия. И шкатулку мне протянули. А лич нырнул в комнату, откуда донесся слаженный утробный вой.

— Что это...

— Подружку встретил, — ответила я и потянула мужа за руку. Лезть напрямую не стоило, ибо не место людям там, где два лича пытаются выяснить, кто из них на стороне добра.

— А нам разве не надо подождать?

— Не надо, — я едва не споткнулась об очередного лакея, которому незамысловато свернули шею. И судя по тому, что парень выглядел удивленным, подобного он явно не ждал. — Нет такого некроманта, который ограничится лишь одной дверью в лаборатории... это же основы... выживания.

Я толкнула следующую по коридору и остановилась. Вдохнула тяжелый запах пота, благовоний и чужого мужчины, который был... болен?

Определенно, болен.

Иначе к чему дурман-трава, которая единственно, на что способна в чистом виде, так это боль снять. А вот те склянки, выстроившиеся вдоль зеркала, они... узнаю хрупкое стекло эльфийских фиалов, это изящество форм ни с чем не спутать. И массивные хрустальные шары, которые вытаскивали гномы.

И вот тот тазик, на дне которого виднелся скарификатор.

Но запах... гниющей плоти, тяжелый, почти невыносимый. Мог бы и окно открыть... странно только, что этот запах я не ощутила прежде.

А за стеной громыхнуло, взывло и снова громыхнуло, намекая, что не след задерживаться в месте столь неприятном. Я теснее прижала шкатулку, ощущая волнение демона, который в свою очередь точно знал, что искомое — рядом.

Куда?

Влево.

Ванная? И кровавые бинты в очередном тазу... нет, не то. Гардероб? Тоже сомнительно, чтобы папеньке было удобно навещать лабораторию через шкаф. А вот наряды его, темные, строгие... и еще дверь. Кабинет? Кажется. И если так, то особый, поскольку открывается не сразу, будто раздумывая, стоит ли впускать столь сомнительных личностей. Но охранные заклятья молчат. И демон попритих.

Кабинет тесен.

Только-только влез стол, стул и полки, на которых виднелись папки с бумагами. Много папок и много бумаг. Некоторые, надо полагать, старые, вон, пожелтели от времени. На других виднелись следы огня. А третьи и вовсе хранили в себе такие заклятья, от которых мне подурнело.

Дверь, впрочем, нашлась сразу. И вела она в лабораторию.

Правда, от лаборатории мало что осталось.

Стекло на полу. Пятна мутной жидкости, на которые я старалась не наступать. Запах химикатов и гноя. Сломанная мебель. Кровь... мертвец с разорванным горлом. Все же прав был Чумра, говоря, что нехорошее это место. Что ж... мир его душе.

Личи сидели в разных углах, не сводя друг с друга взгляда. И следовало признать, что даже после смерти Марисса осталась красивой.

Куда красивей меня.

— У-у-уб... — просипела она. Тело ее изогнулось, грудь почти коснулась пола, а острые локти разошлись. Пальцы с проклюнувшимися когтями впились в доски, а задница, еще обтянутая красным бархатом, нервно дернулась.

— Убью, — подсказал наш лич и, растянув губы, зашипел.

А я прижалась к стеночке.

Стоило Мариссе шевельнуться, и рык лича заставлял ее замереть. Она смотрела на него с ненавистью, но лишь смотрела.

Стало быть, наш сильнее?

Или... скорее силы равны. Вот они и держатся. Хранят равновесие.

Пускай. Я по стеночке. Я вижу коробку, которая стоит на полке. Я дотянусь до нее...

— Уб...рся... — она уже говорила, но хрипло, глотая слова. — Уб... уб...

— Убьешь, я поняла, — я прижала коробку с лапой демона. Интересно, а Мариссу он может под контроль взять? Не то, чтобы мне питомник личей устроить хотелось, но вот... чисто теоретически... хотя бы временно, чтобы не мешала.

Демон пытался, но воля его скатывалась с разума Мариссы. И это было, во-первых, оскорбительно, а во-вторых, совершенно необъяснимо, ибо приличная нежить должна подчиняться.

Марисса оскалилась.

— Ты меня, как понимаю, никогда не любила... и да, теперь это очевидно, — я вот все же рискну. По стеночке. Шаг за шагом. Не сводя с Мариссы взгляда, потому что другого шанса у нас не будет. А демон... демон нужен.

То есть, в мире нашем он нафиг не сдался, а вернуть домой его следует.

Да.

И демон со мной всецело согласился.

— Это ведь ты ко мне подошла... тогда... раньше... ты выбрала меня из всех... и я долго удивлялась, чем же стала тебе интересна. Правда в том, что ничем, да? Тебе велел папочка...

Утробный рык был ответом.

— О да, скотина редкостная... сначала воспользовался, что матерью моей, что тобой, а потом... я вот начинаю думать, что мама не просто так сгинула.

Марисса захихикала.

— Значит, правильно думаю... что из нее сделали?

Я почти дошла. Если протяну руку... тяну... осторожно, медленно, пытаюсь не делать резких движений. Пусть лич и не собака...

— Или просто убрали, чтобы я осталась одна, да? И чтобы она не проболталась?

Пальцы касаются заветной коробки. А сердце стучит оглушительно. Сколько времени прошло? И где отец? И почему в его комнатах пахнет смертью? Страшно ли мне? Уже нет... наоборот, я испытываю мстительную радость, когда удается подцепить коробку.

— Но не так уж важно. Куда интересней, что сделали из тебя. Он тебе клялся в любви? А на деле что?

— Дура, — вполне отчетливо ответила Марисса.

— Я? Или ты? Хотя... погоди... ты сама решила, верно? Как же, бессмертие практически. И разум сохраняется, а силы вовсе возрастают. Так почему бы не рискнуть.

— Дур-ра...

— Это ты про меня или про себя? — я стащила коробку и сумела поймать ее на лету, пристроив на шкатулку. И демон счастливо заурчал. — Впрочем, не важно... мы обе хороши, да.

Я сделала шаг назад.

И еще один.

Сумела переступить через лежащего Чумру, даже не споткнулась. Обошла край стола. А Марисса... она просто смотрела.

И улыбалась.

Улыбалась. И смотрела. И в этой безумной ее улыбке мне виделось торжество.

— Уходим, — я вцепилась в руку застывшего мужа. — Как можно скорее...

Ворчание лича было ответом, но и в нем теперь мерещилась насмешка, будто нам позволили уйти... и да, определенно позволили.

Из лаборатории.

Из дома.

На улицу, по-прежнему пустынную. И только сиротливая стайка крыс держалась у стены. Ни людей, ни... нелюдей.

— Знаешь, не думал, что скажу такое, — Эль крутил головой и острые уши его подрагивали. — Но... как-то все просто. Что ли...

А лич домой так и не вернулся. И почему-то его мне было жаль.

Часть 8. Заключительная

Это неправда, что все темные дела творятся исключительно ночью. Нет, я понимаю, откуда пошла эта байка, все-таки нежить, как ни крути, недолюбливает солнечный свет, в темноте им сподручней. Но то нежить. А вот остальным-то что?

Пробовали когда-нибудь нарисовать хотя бы стандартную пентаграмму при свете свечей? А лучше и без него, ибо свечи имеют дурное обыкновение коптить, ронять капли воска и вообще могут сбить тонкий душевный настрой, без которого, как выяснилось, в сотворении мирового зла никак не обойтись.

В общем, вызывать демона я решила днем.

И на кухне.

Все равно ремонт требовался, да и вообще... пол почти ровный, места, если стол в коридор вынести, хватит. Расположение тоже удачное. Да и малина, подобравшись вплотную, затянула окна колючими побегами, стало быть, при всем желании соседи на огонек не заглянут.

Правда, следовало признать, желания особого они и прежде не проявляли. Теперь и вовсе делали вид, будто меня не существует.

И ладно.

Я почесала кончик носа.

И чихнула.

Настроение было лирическим. Хотелось горячего шоколада, пледик и романтики, а не это вот все... я огляделась.

Ларец.

Свечи черные, с жиром висельника. Почти новые, к слову, ибо некромантом я была так себе, а потому особые средства использовала крайне редко. От хранения слегка поплыли, скривились, но, надеюсь, свойств своих не утратили.

Мел обыкновенный.

Корни мандрагоры сушеные. Листья дурманника. Пара флаконов, содержимое которых заставляло морщиться и вздыхать, ибо оказалось, что мир сотрясать — занятие недешевое. Но вот... сотня золотых? За пару капель девственной крови? Чувствую, сама девственница обошлась бы дороже.

Перо криза.

Кость большезуба, которую предстояло натереть на мелкой терке и смешать с толчеными зубами северного карраса. Вот кто это все придумал? А главное, как дошел? И почему мешать надо исключительно по часовой стрелке? А растирать против?

Демон молчал.

То ли сам не знал, то ли поверить не мог, что я и вправду решилась. Понимаю. Я сама не могла. Вот через не могу и чертила треклятую пентаграмму, что раскинулась от двери до подоконника, мягко намекая, что гостей в ближайшее время принимать не стоит.

Мало ли.

Я с раздражением сунула перо в чернильницу, содержимое которой стоило мне двух дней, нескольких десятков золотых монет и изрядной толики нервов. Никогда-то не отличалась я любовью к работе нудной и требующей сосредоточенности.

— Мы можем и не делать, — заметил Эль, в котором вдруг очнулась вся мудрость эльфийского народа и выразилась в том, что в последние дни муж стал тих и незаметен.

— Договор.

— Можно нанять исполнителя.

— Ага, папочку... о нем, к слову, ничего не слышно?

После той треклятой ночи прошла неделя. И эта была подозрительно тихая неделя. Дождь и тот прекратился, будто не желая участвовать в творимом безумии.

Знаю, в городе говорили о кладбище.

О мертвецах и некромантах, что этих мертвецов пытались упокоить, но не вышло... о гнезде грызлов, которые вдруг очнулись и выбрались на старых складах. И стае мелкой изгрызи, что сцепилась с грызлами, пытаюсь защитить колонию.

Повезло.

Городу.

Склады спалили, а пепел заморозили. Так, на всякий случай. Слухи же... слухи пошли самые разные. Аль их собирал, но то ли неумело, то ли волновать меня не хотел, однако были они на редкость скучны, можно сказать, лишены фантазии.

— Болеет, — Эль присел на корточки у двери. Он наблюдал за мной, и я спиной ощущала и его взгляд, и беспокойство, и желание немедля запретить мне творить глупости. И понимание, что ни к чему-то хорошему запрет не приведет, ибо демон здесь, хотя и частично.

А еще договор.

И мое весьма суицидальное стремление его исполнить.

Жидкость стекала с пера ровной нитью, ложилась на дерево и впитывалась в него моментально. Полы менять придется. А лучше сразу дом, хотя... полы дешевле выйдет. Нам к вечеру обещали пыльцу фей доставить, а с ней пяток иных, не менее извращенных — вот какое феи к демонам отношение имеют? — ингредиентов, без которых ритуал, если и пойдет, то вовсе не так, как нам хотелось.

— И чем?

— Согласно официальной версии, его крепко грызлы помяли.

— Ага...

— Но опасности для жизни нет.

— Угу.

Я замкнула линию первого контура и смахнула пот со лба. Оставалось еще три, включая руны, которые следовало выписывать особо аккуратно, ибо договор договором, а возможность подгадить демон не упустит.

Он оскорбился, но как-то... вяло.

Да и вовсе в последнее время демон вел себя не совсем так, как полагалось существу могущественному и при том весьма близкому к обретению свободы.

Заболел, что ли?

И если так, то что делать?

...целителя?

Это он шутить пытается? Если так, то хорошо, значит, живой, а с остальным как-нибудь сладим. Может, он тоже волнуется. Шутка ли, столько лет существовать между мирами, да... это не жалость, нечего оскорбляться. Между жалостью и сочувствием есть разница.

Мне тетушка говорила.

Тетушке я верю.

Второй круг, как ни странно, дался легче первого. То ли рука вспомнила изрядно подзабытый навык, то ли просто приспособилась. В конечном итоге ничего-то сверхсложного в нынешней рукописи не было. Много? Это да. Сложно... мастер Гримм, помнится, весьма любил давать что-то этакое, хитровывернутое, чтобы с двойным подтекстом и особым начертанием надстрочных символов.

Да...

Я выдохнула и, оглядев круг, — мастер Гримм не сказать, что похвалил бы, и отнюдь не из-за полной незаконности его, но в силу некоторой кривоватости и неоднородности толщины линий — почесала кончик носа.

— Не получилось? — встрепенулся Эль.

— Если бы...

Круг, конечно, был далеко не шедевром искусства начертательной магии, но все же грубых ошибок я не видела, а некоторая неравномерность толщины линий была вполне допустима. Руны и вовсе удались.

— Еще нужно. Кое-что...

И желательно, до заката, ибо чем меньше временной разрыв в нанесении пентаграммы, тем лучше. А потому, если не успею, работать придется ночью. Ночью же вершить ужасные деяния, как говорила, не слишком удобно.

И встав на четвереньки, я продолжила неблагодарное свое занятие. Колени заныли, спину заломило, а в голове мелькнула мысль, что нелегко приходится злодеям.

И дорого.

И муторно.

И вообще... руки вон дрожат, пальцы едва ли не судорогой сводит, а может, именно ею. Глаза слезятся. Чернила, обретая силу, меняли цвет, а заодно уже начинали пованивать.

Хорошо так пованивать.

Напоминая, что основной компонент — подхвостовые железы водного урраха, твари медлительной, туповатой, но способной отравить среднего размера озеро. Этими вот самыми выделениями.

Зрелыми.

Судя по тому, что слезы просто-таки катились по щекам, мои железы были очень даже зрелыми.

Но я сумела.

Я дописывала последнюю руну, когда в дверь постучали. Вежливо так. Настолько вежливо, что дверь сразу захотелось запереть еще на один засов, а лучше и подпереть. Вон, хотя бы столом. Он тяжелый, дубовый, аккурат подойдет.

Но я закрыла флакон с остатками чернил.

Поднялась. Мышцы неприятно тянуло, напоминая, что тело человеческое плохо предназначено для стояния в одной позе.

— Открывай, что ли, — сказала я Элю, который дернулся было руку подать, но остановился у внешнего круга. Вот и правильно. Нечего по самодельным пентаграммам, которые, может, не до конца просохли, лазить.

— Уверена?

— Уверена, выбора у нас особого нет, — я добралась-таки до окна, что было непросто. Темные линии на дереве влажно поблескивали, словно намекая, что, стоит коснуться и мигом размажутся, лишая и труды мои, и день нынешний всякого смысла. Ступать приходилось меж линий. А ноги двигались неплохо.

Вонь усиливалась.

И обретала, так сказать, полноту. Кажется, я начинаю понимать, зачем в курительные смеси, которые полагалось возжигать в процессе вызова, добавляли розовое масло, розмарин и три капли настурциевого эльфийского настоя.

Чтоб не задохнуться от этой вони.

Окно открылось, впусив ветер, который вонь слегка разбавил, вернув возможность дышать. Подумалось, что соседям аромат точно не понравится. А потом, если это потом будет, придется менять не только пол, но и стены.

С другой стороны, где еще рисовать?

— Вижу, — мягкий этот голос заставил меня поморщиться. Голова болела. То ли от вони, то ли от напряжения, то ли от всего и сразу. — Я успел вовремя.

— Смотря для чего.

Нынешний гость был не то, чтобы неожиданен. Скорее... мне стало грусто.

Вот просто грустно и все.

Почему бы не появиться кому-нибудь иному? Папочке вот. Не верю я, что он настолько серьезно приболел, чтобы вот просто взять и забыть о моем существовании, равно как о семейном кольце, демоне и коварном плане захвата власти в отдельно взятой провинции.

А тут он.

Хорошо, что один.

— Чтобы помочь, — гость отвесил глубокий поклон, столь изысканный, что аж челюсти от раздражения свело. — Мне подумалось, что вам не обойтись...

В его ладони засиял флакон-капля. Сделанный из мутного стекла, он был невелик и по-своему невзрачен. А вот маншул заворчал. И спину выгнул.

Стихло шубуршание внизу.

И вообще стало так тихо-тихо.

— Пыльцу фей непросто достать, — сказал он, присев. И на бритом черепе его пристроился солнечный зайчик. — Фейки... неразумные создания, но красивые. Они живут в заповедном лесу, куда не ступала нога существа смертного.

— Ага, — я поскребла левую пятку.

И еще подумалось, что носки стоило бы переодеть. Вот как-то не к лицу вступать в битву со злом, когда носки рваные. неуважительно как-то.

— Днем их не найти, а ночью они поднимаются над старыми камнями... не над всеми, — он смотрел на меня, словно зачарованный, а я на него.

Не человек.

Не эльф.

Друг? Отнюдь. Гость в доме прекрасной леди Алауниэль, которого не было бы в ином случае... и мне было обидно, ведь эльфячья бабушка ему поверила. Хотелось бы думать, что он и ее обманул.

Всех обманул.

И нас вот.

— Они выбирают места силы, те, которые еще помнят старый мир и хранят его отпечаток. И в этих местах они пляшут, пляшут, пока не рассыпаются на искры. А их искр появляются новые фейки. Что же остается, оседает на травах пылью, — он катал флакон в пальцах, и в туманной белизне его вспыхивали те самые искры.

Феек было жаль.

Хотя... подозреваю, еще одна сказка, рожденная в глухом лесу, в том, куда не ступала нога смертного. По общепринятой версии.

А Эль молчал. И я чувствовала, до чего непросто дается ему это молчание. А потому прохромала через пентаграмму — все же, судя по запаху, чернила в достаточной мере стабилизировались, чтобы больше не опасаться за сохранность ее — и протянула руку.

— Спасибо.

Показалось, не отдаст.

Но нет. Изящные пальцы разжались, и флакон упал мне в ладонь. Какой теплый...

— Здесь остальное, — гость опустил на пол коробку и отступил, взмахнул рукой, показывая, что не намерен мешать. — Теперь вы можете провести ритуал.

— А ты...

— Посмотрю.

— А если мы откажемся? — тихо поинтересовался Эль. И голос его звенел от напряжения. Но гость ответил лишь рассеянной улыбкой, будто спросили его о чем-то совершенно неважном.

А ведь он не похож на злодея.

Никак.

Вот отец мой, он отборная сволочь. У него весь сволочизм, можно сказать, наследный, с кровью предков доставшийся, на породистой роже написан. А этот... дитя света. Кто придумал, что эльфы не способны на дурное? Наверное, тот же человек, который решил, будто темные дела творятся только ночью.

Зря.

Вечер для них тоже подходит.

— Для начала я советовал бы перекусить, — второй пакет лег на пол. — Я взял на себя смелость принести кое-что... леди Эрраниэль беспокоится, что вы совсем перестали показываться дома. И можете похудеть. Как по мне излишняя худоба вреда не принесет, но... она порой упряма.

— Не смей! — Эль сжал кулаки.

Вот только драки мне здесь не хватает. И я взяла мужа под руку. На всякий случай. Если все-таки полезет, удерживать не стану, но хотелось бы понять, какого гхырла здесь вообще творится.

И почему демон затих.

Затаился будто.

Испугался? Не смешно. Демоны не умеют бояться. Они иные. Могущественные. Агрессивные. Некоторые полагают, что не особо умные, но здесь я готова была спорить. Но страх... перед кем? Перед существом смертным, несмотря ни на что.

— Поговорим? — предложила я.

И бритоголовый слегка склонил голову.

Устроились в гостиной. И Эль встал за моей спиной, руки положил на плечи, то ли меня удерживая, то ли себя. А я забралась в кресло с ногами и терла, терла ноющие мышцы. Тело мое никак не желало понимать, что ситуация серьезная и отвлекать от беседы не стоит.

Солнце садилось.

И свет его, проникая сквозь старое стекло, касался гостя. И в этом закатном свете полукровка не выглядел хоть сколько бы зловещим.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Ниар, — он слегка склонил голову. А я попыталась понять, какой крови в нем больше? Обличье явно эльфийское, и рост тоже, вот только при всем том фигура его кажется несколько тяжеловатой. Плечи чересчур широки, шея коротковата. Нос... подбородок. Все то и не то, резче, грубее.

Свет искажает?

— И зачем тебе это?

Он улыбнулся, и камень в зубе сверкнул.

— Может, чтобы, наконец, отплатить за все?

— За что?

Улыбка его стала шире, а клыки больше. У эльфов таких нет. У людей тоже. И... как-то вот не по душе мне воцарившаяся в доме тишина. Не то, чтобы я любила крысиную возню в подполье, но вот привыкла к ней, похоже.

— Полукровок не любят, — тихо сказал Эль.

— Мягко говоря.

— И поэтому ты решил уничтожить мир?

— Миру ничего не сделается. Мир выносил и куда более серьезные потрясения, чем локальный прорыв демона средней руки. К тому же весьма слабого, — Ниар повернулся в сторону кухни, и до меня донеслось эхо... страха?

Все-таки страха?

— Тогда что...

— Моя мать меня ненавидела. Наивная хрупкая девочка, влюбившаяся в неподходящего человека. Ей мнилось, что все будет, как в сказке. Клятвы в вечной любви и верности. Жизнь рука об руку. И Предвечный лес, что благословит этот брак... только лес промолчал. Лес давно стал равнодушен, как и те, кого он породил. Он не пришел на помощь и тогда, когда дочь его легла на алтарь, и когда кровь ее смешалась с кровью демона, чтобы породить существо, которому не место в этом мире.

— Мой отец...

— Стал и моим тоже, — Ниар слегка склонил голову. — Он держал ее в своем доме. Взперти. Старый дом. Славный дом. Построенный на костях и обманутых надеждах. Она пыталась сбежать. Звала. Умоляла. Тратила силы, которых было и без того немного, чтобы уговорить дом, только он верно служил хозяину. И я должен был служить.

Брат?

Новость нисколько не взволновала. Сестра у меня есть, а теперь и брат вот объявился. Хотя... совсем мы не похожи.

— А еще дитя тянуло силы. Знаешь, это странно, но я помню все, что происходило. Это тоже проклятье, — он стиснул виски. — Не буду лгать, что с момента зачатия, но... стук ее сердца. И тепло ладоней, которыми она укрывала живот. Ей было холодно. Нет, ее не мучили. В комнате всегда горел огонь, ей приносили меха, самые роскошные, самые теплые, но это не спасало. Холод был внутри. Демоническая кровь плохо сочетается с эльфийской. Я должен был появиться на свет там, в той комнате, в доме, который стал бы и моей тюрьмой, но однажды дверь открылась, а за ней был не тот, кого моя мать все еще любила, не умея избавиться от этой любви, но женщина. И эта женщина протянула ей руку, сказала, что надо уходить, что времени немного...

Я не хочу спрашивать, кем была она.

Я знаю.

— Эта женщина вытащила мою мать из того дома. И помогла добраться до леса... я помню ее голос, те слова, которые она говорила, порой злые, обидные, но не потому, что сама она была зла. Она пыталась разжечь хоть какое-то пламя в той, которая сдалась.

— Не вышло? — тихо спросила я.

— Нет, — также тихо ответил Ниар. — Она умерла, так и не переступив границы леса. Роды начались... до срока, как я понимаю. И тогда она желала лишь одного, чтобы я умер вместе с ней. Проклятое дитя, так она меня назвала.

Демоны не плачут.

Демоны не крадут чужие тела.

Демоны, они иные, совершенно иные, чужеродные, противные самой сути мира. И все-таки...

— Та женщина была рядом. Она держала мою мать за руку, уговаривала потерпеть, обещала, что помощь придет, что все образуется, что его накажут... непременно накажут...

— Не вышло?

— Нет, — Ниар покачал головой. — Она показалась мне огромной. Тогда я, как ни странно, осознал, насколько слаб и зависим. Ей бы убить меня. Это ведь просто. Стоило бы зажать рот и нос. Или утопить. Или... способов множество.

Но она не смогла, ведь дитя, верно, вовсе не выглядело отродьем тьмы. Младенцы, конечно, пугают, но не настолько, чтобы от них избавляться.

— Моя мать, единственная, кто мог бы свидетельствовать против этого ублюдка, умерла. Я... кто бы принял свидетельство младенца. А он заявил, будто не было насилия, будто была любовь... и потребовал вернуть сына. Память о возлюбленной... и тогда та женщина солгала, что ребенок тоже умер.

— А ты...

— Она отдала меня бабушке. Не твоей. Твоя чудо, и если бы я мог любить, я бы искренне ее любил, — Ниар провел по лицу кончиками пальцев. — Меня увезли. Обо мне заботились, ибо благородное семейство не может позволить себе подлости пусть и в отношении того, кто самим фактом своего существования оскорбляет это семейство. Каждое мгновение своей жизни я ощущал, насколько лишний там... было время, когда я старался, скажем так, соответствовать. Не получалось. И теперь я понимаю, что не получилось бы, что бы я ни делал.

И демоны бывают молодыми.

Глупыми.

Они совершают ошибки. Например, верят людям.

— Мне исполнилось пятнадцать, когда мне позволили жить одному. Как позволили... мне купили дом и определили содержание, достаточное, чтобы я не испытывал нужды. Мне сказали, что от меня ждут лишь поведения, которое не оскорбило бы память о моей матери. Мне многое о ней рассказывали, но и помнил я не меньше, — его палец уперся в висок. — Память — еще то проклятье. От нее не избавиться, не отвернуться. Она есть и с тобой, каждую минуту, каждый вдох... они говорили о любви, а я помнил лишь ее ненависть и то острое желание, чтобы я сдох, чтобы дал ей свободу.

— Мне... жаль. Наверное.

Я плохо умею сочувствовать, а еще хуже — выражать сочувствие. И руки Эля на моих плечах ощущаются тяжестью мира, того, чужого, который, верно, не примет нас, как не примет и наших детей. Те ведь тоже будут далеко не чистой крови.

И дети их детей.

Ниар кивнул.

— Он нашел меня. Я думаю, он не поверил той женщине... я знаю, что он наказал ее.

— Как?

— Она ведь умерла. И никто точно не знает, как, — его взгляд был прямым. — Ты ведь даже не пыталась выяснить.

Я пожала плечами.

Все некроманты рано или поздно умирают. Профессия такая, к долгой жизни не располагающая. Может, оттого и не стремилась я достичь в ней хоть каких-то высот? Жизнь я люблю. И жить хочу. Но как оно повернется...

— Она стала одной из первых, на ком он испытал свое зелье. Точнее, не совсем и свое... это был старый проект, начатый далеким его предком, который, собственно, и начал все это, — Ниар откинулся в кресле. — Я не знаю, сколько правды в том, что мне рассказали, но... когда-то давно молодой и самоуверенный некромант, полагавший себя центром вселенной, случайно узнал, что его наставник готовится к вечной жизни. А для того, чтобы процесс прошел, скажем так, наименее безболезненно, он заключит сделку с демоном. И частью ее станет тот самый молодой некромант. Он ведь силен и самоуверен, и распушен, ибо сила и самоуверенность во многом тому способствуют... как понимаешь, желания ложиться на алтарь у него не возникло. А вот наставника своего он сумел отправить, как и ту, которая во чреве своем носила дитя... это дитя и должно было вместить суть старого некроманта. Когда подрастет. Кровь демона позволила бы ему преодолеть такое раздражающее стремительное старение плоти...

— Он убил дитя?

Я повернулась к кухне, где остались череп и рука.

— В тот миг, когда демон почти воплотился, меня сосуд должным образом. Однако... он сам испробовал крови, изменив и свое тело.

— Значит, мой отец...

— Кровь демонов не размывается и не слабеет.

А вот теперь меня замутило.

— Неужели ты полагаешь, что кто-то из магов еще способен слышать демона? И не просто слышать,

но беседовать с ним? И не сойти с ума?

— Но ведь...

...имелись прецеденты. И договора, и сделки, и... и многое иное.

— Долгие часы медитаций, настои, способные укрепить разум и тело. Посредники. Амулеты. И все, чтобы человеческий разум выдержал.

Посредников не было.

Амулеты какие-то имелись, но, подозреваю, вовсе не те. Я вздохнула.

— И теперь я сойду с ума и стану одержима жаждой крови?

— А ты одержима? — поинтересовался Ниар. И сам ответил. — Та кровь — это просто кровь. Она многое дает. Долгую жизнь... ты бы удивилась, узнав, сколько лет твоему отцу. Время от времени он меняет имена и облик, чтобы не будить подозрения. А далекий его предок был вовсе не так уж далек.

Ниар вытянул руки.

Обыкновенные.

Хрупкие запястья, узкие ладони, длинные пальцы. Он ведь художник? Или нет? Или это тоже ложь, одна из многих, в которую я угодила.

— Помимо всего прочего, твой отец обладал способностью подчинять нежить. Не всю и не сказать, чтобы надолго. И отнюдь не так, что становилась она послушна... нельзя заставить грызла танцевать, но можно удержать от нападения.

...и получить славу отличного специалиста.

Некроманта, равного которому нет... рискованного и успешного, достойного занять пост главы гильдии. Особенно с теми связями, что неизбежно появились бы за долгие годы его жизни.

— Но ему было мало, так?

Я знала, что произошло.

Побег.

Даже в темные времена, когда магам было позволено больше, чем ныне, демонов не любили, как и тех, кто рискнул открыть им врата в мир нынешний. А потому для мага, едва не ставшего жертвой, но все же запятнавшего себя касанием той, иной крови, разумно было бы убраться подальше.

Тихий городок на границе Империи.

Провинциальная жизнь.

Игра в любовь и Юся, которой не повезло, как не повезло той несчастной эльфийке. Обряд. И запечатанный перстень с проклятой шкатулкой вкуче.

Попытки добраться.

Попытки добиться большего, чем удавалось наставнику... власть над нежитью и идея, что власть эта может стать абсолютной. И кто тогда рискнет связаться с человеком, что способен подчинить себе любую из проклятых тварей, не говоря уже о том, чтобы превратить живого в эту вот проклятую...

Я закрыла глаза.

И открыла.

— У них не получалось, верно?

— Они пытались выделить преобразующее вещество из крови, но да, ее было слишком мало.

— И тогда... я, да? Или нет, я появилась раньше... моя мать... тоже часть эксперимента? То есть... — я замотала головой. — Подожди, но есть ведь Грета... и тогда он убил ее не сразу.

Легкий наклон головы стал ответом.

— Демоны воспринимают время иначе, хотя и отличаются некоторой нетерпеливостью. А люди и

вовсе умеют ждать... и знают, что есть месть. У него получилось убедить твою мать в собственной невинности. В том, что он лишь пытался уберечь возлюбленную от глупостей, беременные ведь ведут себя странно, а она была слаба... он внушил чувство вины.

— Откуда ты знаешь?

— Как оказалось, во мне кровь демона проявилась чуть иначе. Не знаю, оттого ли, что матушка была из Пресветлого народа или просто так совпало, но я слышал его, как слышу демона или тебя. Ты мне нравишься. И я не стану тебя убивать, если это волнует... и не только тебя. Я благодарен леди... и я оставил ей картину. Она поймет. Она... если бы я не был демоном, — он сгорбился, и плечи вздулись, будто готовые выпустить крылья. — Что до твоей матери, он играл ею. А наигравшись, бросил... и сделал так, что она сломалась. Внутри. Люди хрупкие. А он умел делать больно.

— Я...

— Ты тоже стала частью игры. Нужно. Но не настолько, чтобы держать рядом. А может, причиной клятва, которую он когда-то дал? Клятвы людей убеждают... и накладывают ограничения.

Что ж, хотя бы на это у матушки хватило ума.

И сил.

И... и не знаю, как я бы повела себя на ее месте.

— Когда ему надоело смотреть, он убил ее... он знал, что зелье не готово, что преобразование пойдет... неверно, но все одно провел эксперимент. Он был рядом с ней все время. И не просто был. Он рассказывал ей о своем прадеде. И о его удаче, как он полагал... о собственных планах, которым для воплощения не хватало малости. У него был череп того несчастного младенца, но сила его почти иссякла, тогда как рука оставалась недоступна. Он рассказал, кто должен будет забрать эту руку... ему нравилось мучить. Всех. Я ведь помню, что он говорил моей матери. Как разжигал ее ненависть ко мне... и что потом говорил уже мне, не зная про мою эту память.

Ошибся.

Все ошибаются.

Великие некроманты тоже.

— Глен? Его ты зачем убил?

— Ничтожество, — раскаиваться Ниар определенно не собирался. — Жалкий человечешко. Трусливый. Готовый приспособливаться, и не важно, к чему... ему было велено сбежать, он и сбежал. Его отправили присмотреть за тобой, ибо ты вдруг изменилась.

— Я?

— Ты, — эта улыбка была безумно ласковой. — Ты связалась с тем, кого твой отец полагал до крайности неподходящей компанией. И вдруг перестала быть жалкой, ничтожной, годной лишь для того, чтобы зачаровывать крестьянские амбары от мелкой нежити.

Жалкой?

Я никогда... и ничтожной тоже. У меня была просто обыкновенная жизнь. Не слишком любимая работа, так ведь полно людей, которые обыкновенно живут и мирятся с нелюбимой работой. Почему сразу... или... прав он.

Во многом.

— Эта тварь должна была убрать помеху, — Ниар кивнул на Эля. — Там, на празднике... и супруга передала ему яд. Хороший яд. Такой, с которым не справится, даже если ты благословен существом иным... и обвинили бы тебя.

Обвинили бы.

Верю.

Особенно, если бы нашлись доказательства, а они, чую, нашлись бы...

— Наш отец не выдал бы тебя эльфам, но...

...и среди людей я не прожила бы долго.

Как бы я поступила?

Что бы испытала?

И... и что бы я ни испытала, он сумел бы обратить это себе на пользу. Дышать стало сложнее, и Эль, чувствуя это, осторожно погладил меня по плечу.

Утешал.

— Он предложил бы тебе откупиться. Или стать частью плана, раз уж у тебя получилось выжить при встрече с Хранителем... и ты бы согласилась.

Думаю, что да.

Если бы Эля не стало, я бы... я, наверное, на многое согласилась. От боли. Из мести. И просто из нежелания жить дальше без него. Раньше я не понимала, как возможно такое, глупостью казалось. Как же... я ведь сама по себе.

Всегда.

И вот больше не сама, и это больно, страшно, особенно от понимания собственной уязвимости, и все одно иного не хочу.

Я... я больше и вправду не сама.

Ниар улыбнулся, будто... понял?

— Спасибо, — только и сказала я.

Я ведь полагала Глена засранцем, но безобидным и даже полезным.

— А те... из подвала?

— Их отправили, чтобы понять, на что ты способна, — Ниар посмотрел в окно. Солнце уже коснулось крыш и даже провалилось сквозь них. Где-то там, за городской чертой, оно медленно тонет в вязких водах реки, в которой слишком много мусора, чтобы осталось место чему-то. — И чтобы убедиться, что... ты действительно ее получила.

— Руку... демона?

— Да.

— А если бы...

— Он ведь тоже связан. Он пусть и не слышал, этот демон научился благоразумию за прошедшие годы, но эхо донеслось... в том числе эхо преобразований.

И отец понял, что я знаю... в общем, много знаю, много умею, но гордиться этим не выйдет.

— Мне понравилось, что вы сделали с кладбищем, — он не издевался, Ниар, который был врагом. Или не был? Он не лгал, сказав, что не станет убивать нас, но для чего он пришел. — Я слышал... эхо. И это было прекрасно. Я говорил... и я понял, что должен сделать.

— Что?

— Говорю же, помочь.

— Что с отцом. Он...

— Не всегда преобразование идет гладко. Он все-таки добыл нужную ему кровь.

— Как?

Ниар молча закатал рукав. По бледной коже его змеились шрамы. То есть, в первое мгновение я решила, что это шрамы, но... они шевелились, будто живые.

Они и были живыми.

— Это же...

— Управлять тхарком у него, мягко говоря, не совсем, чтобы получается, — Ниар повернул руку, и шрамы поспешно поползли к локтю, свиваясь причудливыми узорами. — Я оказался сильнее, но все же не настолько, чтобы избавиться от него.

Тхарк.

Тварь, родом из Смутного времени, которую многие полагали вовсе вымыслом. Страх рождает чудовищ, так, помнится, писал благородный Аквиллион Игнасийский в том самом «Бестиарии тварей несуществующих».

Шрамы замерли.

И ушли в тело. Кожа разгладилась, будто ничего-то и не было, а Ниар запрокинул голову. Он прикрыл глаза, и показалось, что того и гляди уснет. Устал ведь. Случается.

Только черты лица слегка заострились.

И дыхание его вовсе не было ровным.

Сколько он носит тварь в себе?

Тхарк.

Тень от тени. Тьма от тьмы. Обитатель заброшенных городов и древних могильников, которые поставлен охранять. Почти разумный, живущий вечно, если верить свидетельствам тех, кого Аквиллион Игнасийский не стеснялся высмеивать, говоря, что среди всех, с кем беседовал он, ни один-то человек не видел тхарка собственными глазами, но почти все знали кого-то, кто точно был знаком с тем, кого тварь сожрала.

...и выбрать след раба молодого и крепкого здоровьем, такого, чтоб не было в нем ущерба телесного, и связав его поместить в могилу, заботясь о том, чтобы был он жив и живым оставался все время, пока длится ритуал...

Что бы он сказал, давно ушедший мудрец?

Поверил бы?

Или...

— Бабушка...

— Не знает. И я был бы весьма благодарен вам, если бы она и далее осталась в неведении, — Ниар с трудом вернулся. — Он силен... а я был глуп. Мне казалось, что зная этого человека лучше, чем знает кто бы то ни было, я сумею одержать победу. Я позволил ему думать, что верю. Каждому его слову. И той любви, которой он меня окружил. Правда, не прилюдно, ибо положение не позволяло... как же, он ведь глава гильдии, а старый скандал может пошатнуть его положение, что особо опасно теперь, когда план его вышел на завершающую стадию. Еще немного, и глупая дочь добудет руку демона.

Глупая.

Полная дура, если сижу здесь и с трудом сдерживаюсь от слег.

...вызволив из могилы, раба следует хорошо кормить сырым мясом и поить кровью, а заодно каждый вечер на протяжении роста луны проводить обряд, который позволит внушить твари, кто есть хозяин.

Он ведь ненормальный, если решился...

...тхарки растут медленно, пожирая человеческое тело, заменяя живую плоть мертвой, которая не боится ни огня, ни воды, ни железа, ни яда.

— И он поверил, что ты...

— Как видишь, нет, — Ниар поднял руку и уставился на собственную ладонь. — Однажды я очнулся в могиле. В очень тесной и узкой могиле. Я не мог пошевелиться. Я не мог ничего. Я... звал... также, как звала моя мать, но Предвечный лес не ответил. Также, как не ответил ей. А он... я не знаю, что за обряды проводились над могилой, но мне становилось плохо. Или хорошо. Так хорошо, что я захлебывался смехом. Знал, что умираю, только это ничего не значило. Мне было так... не могу подобрать слов. Иногда, когда становится совсем тошно, он меня жалеет.

— Тхарк?

...что еще я о них знаю?

Ничего, пожалуй.

Тхарки огромны и ужасны.

Или не отличимы от людей с виду, но при том способны голыми руками разорвать любую тварь. Бессмертны. Они впадают в подобие сна...

...никогда не спят.

Питаются силой.

...сырой плотью.

Охраняют гробницы великих, для чего, собственно, и создавались, ибо нет охранников лучше.

...над ними не властно время, и лишь кровь сотворившего может остановить тхарка.

— Может, это кровь демона виновата, но я их понимаю. Ему жаль. Он тоже предпочел бы другое тело, но... суть тхарка усилила темную составляющую.

И в руке демона отпала надобность. У отца получилось сотворить необходимое ему зелье.

— Те... в доме его... кровь... и остальное? Он решился на ритуал? Сперва проверил его на Мариссе...

Жаль Мариссы не было.

Но вот отец...

— Поэтому и тихо, верно? Преображение требует времени. И то, что в доме... все те люди... я думала, что их убила Марисса, но это отец? Ему понадобятся еще жертвы... а потом? Что будет потом? Он призовет свою нежить и выпустит ее на улицы города? И окажется, что некроманты не способны справиться? А он предложит способ... свой... иной... зелье, которое избавляет тело от слабостей, свойственных ему, дает силу, бессмертие и... и возможность подчинить нежить. Кто откажется?

— Думаю, что многие, — тихо заметил Эль. — Наш народ...

— Уйдет. Твоя матушка уже оставила дом, и я был бы рад, если бы моя леди последовала бы за ней. Я, конечно, не позволю ее тронуть.

Нервно дернулась голова.

— Но остальные не будут вмешиваться. Даже те, кто знает правду...

— А есть...

— Ты слишком наивен для своих лет, Страж. Дети Предвечного леса давно наблюдают за людьми. И поверь, все, что происходит здесь — лишь повод... удобный повод начать войну.

И никто из высших рас не скажет, что повод вымышленный.

Игры с демонами опасны для мира. А люди... люди беспечны, жадны, многочисленны. Я не думаю, что только эльфы пришли к подобным выводам.

— Но хорошо то, что моей крови все же недостаточно... ему нужен демон.

И значит, мой отец, вернее то, что из него получилось, придет за своим демоном. А я... я не справлюсь! Я не настолько хороша, чтобы вступить в схватку с личем. И не настолько наивна, чтобы надеяться, что мне позволено будет убежать.

Что ж...

Некромант — опасная профессия... и хорошо, что Грета артефактор.

— Я думаю, — Наир смотрел на солнце, которое почти скрылось уже. — Стоит переодеться... у тебя, помнится, было удивительно красивое платье...

Творить темные дела ночью неудобно?

Это смотря кому.

Я знала, что он придет. И не только я. Знала и ждала. Я расставила свечи.

И смешала травы.

Перебрала вручную угли для жаровни, хотя в этом-то нужды не было, но действие, пусть и бессмысленное, успокаивало.

...и он пришел.

На сей раз обошлось без стука. Просто скрипнула, приотворяясь, дверь, запертая, к слову, на засов, а я подумала, что все-таки стоило ее подпереть. Нет, я не надеялась, что стол задержит отца, но хоть какое-то препятствие, а то заходи, бери, что хочешь... или вот веди себя по-хозяйски.

— Здравствуй, что ли, — сказала я, вытирая измазанные угольной пылью ладони о платье, которое, впрочем, не стало ни менее белоснежным, ни более уместным.

— Здравствуй.

А он говорил чисто. Разве что чересчур аккуратно, четко проговаривая каждый звук, и эта вот излишняя аккуратность царапала слух.

И внешне...

По Мариссе было заметно, что она не человек. И по тому, по которому скучали крысы, тоже. А отец... он остался собой? Или... нет, конечно. Это как игра в прятки, найди тень, сокрытую в тенях. Или тварь, что подобрала человеческое тело.

Не потому ли он так тянул время? Приспосабливался. Учился двигаться. Говорить. Одеваться.

— Узел крупноват, — не удержалась я, указав на шейный платок. — И пуговицы не все застегнул.

— Мелочь, — он оскалился, и зубы его были плоски и ровны, как у человека, но меня все равно передернуло. — Привыкну.

И я не усомнилась, что и вправду привыкнет.

Он стоял и смотрел.

Примерялся.

И я понимала, что если у него возникнет желание свернуть мне шею, он его воплотит. А я... я ничего не смогу сделать. Разве что умереть красиво и в бою. Но проблема в том, что умирать я не собиралась. И потому просто повернулась спиной.

Это стоило немалых сил.

И нервов.

Но... один шаг. И еще один. Кухня. Пентаграмма кажется вплавленной в доски пола. Свечи стоят. Угли в жаровне дымятся. Рядом в чаше тускло переливается то, что благородные ученые скромно именовали «запретной субстанцией», не догадываясь верно, что есть куда более запретные.

— Не самая аккуратная работа, — он прошел за мной, чтобы остановиться за моим плечом. Близо. Настолько близко, что теперь я ощущала едкий запах мертвечины.

Надо же.

А он знает. И пытается скрыть его за маслами, которых вылил на себя куда больше, чем следовало бы. Вот только эффект получился обратным. Будто среди розовых кустов труп разлагается.

— Не самый лучший некромант, — отозвалась я, взяв в руки чашу. — Череп сам на место поставишь или мне?

— Я могу тебя убить.

— Можешь. Наверное. Или нет? Если бы мог, ты бы это сделал. Значит, есть что-то, о чем я не знаю. Что-то, что мешает действовать напрямую... причинять вред.

Моя мама оказалась наивной и доверчивой, впрочем, не только она. Но ведь не была же она полной дурой? И тварь растянула губы в улыбке.

— Сообразительная.

Какая уж есть.

С другой стороны, тот факт, что он не способен свернуть мне шею, из опасения, что клятва может и в не-жизни сработать, ничего не значит. Всегда найдется кто-то, готовый помочь ближнему своему в нелегком этом деле.

Были бы деньги.

Деньги у папочки были.

Я оскалилась, надеясь, что выгляжу в достаточной мере дружелюбно, и сказала:

— Давай договариваться, что ли?

Он наклонил голову, чуть больше, чем наклонил бы человек, и шея его потянулась и так, что меня передернула.

— Во-первых, убить меня ты не можешь. Во-вторых, ты не в том состоянии, чтобы провести ритуал. Тебе понадобится некромант. Конечно, под твоей рукой их изрядно, но мы оба понимаем, что одно дело — пакостить по-тихому, и совсем другое брать на себя кровь. В-третьих... хотя, и этого достаточно.

Откуда во мне этакая смелость?

Почти лихость, медленно, но верно переходящая в дурь?

— Я проведу ритуал.

Демон где-то там, за краем мира завозился, и в эмоциях его мне почудилось недоверие.

— А там... там посмотрим, чья некромантия угодна миру.

Губы того, что притворялось моим отцом — вот знала я, что не нужно искать родственников — растянулись в подобии улыбки.

— Что ж, — голос его звучал почти привычно, — действуй... и быть может, я позволю тебе остаться в живых.

Ага.

Еще немного и поверю.

А ведь мама говорила, что не стоит верить незнакомым лицам.

Каждый некромант знает, что бояться надо не той тьмы, которая снаружи, но той, что внутри. Снаружи... подумаешь, ночь. И вовсе она не кромешная. Луна вот прячется меж облаков, поблескивают звездочки далекими искрами. Тени приползли к порогу, ибо подмораживает, им тоже холодно. Где-то далеко и заунывно жалуется на жизнь волколак.

Или обычный волк?

Кто их знает, главное, что жалуется душевно, с переливами.

Песнь его пробивается сквозь окно, сквозь колючие плети малины, которая притворяется неживой, сквозь стекло, затянутое изморозью. И бьет, режет по нервам, заставляя сильнее сосредоточиться на том, что я делаю.

А что я делаю?

Пентаграмма готова.

Череп лежит.

И рука демона, выбравшись из шкапулки, едва-едва шевелит пальцами. И чувствую, что сил у него не осталось, что там, за краем мира, тоже бывает несладко.

Погоди.

Скоро уже.

Одна за другой загораются свечи. И тьмы становится больше. Такие уж свечи, что пламя их лишь сгущает ее. Тени жмутся к углам, дрожат, а лицо того, кто продолжал притворяться человеком, вытягивается. И черты плывут.

И я понимаю, что для него плоть подобна глине. Хочет, это вылепит, хочет, что другое. И тьма внутри оживает, нашептывает, что у него вполне получится.

Что он силен. Сильнее демона, из которого выпили почти все силы. И точно сильнее меня. Я ведь никогда-то талантом не блистала, скорее наоборот... так на что рассчитываю?

Не лучше ли и вправду заключить сделку?

Ему нужен некромант. Сейчас. И в будущем понадобится. Так почему бы и нет? Что мне до людей? Никогда-то они не отличались благодарностью. Вспомнить хотя бы, сколько раз меня обманывали, обещая одно, а после отказываясь платить? Скрываясь за отговорками, юля, давя на жалость... соседи? Не лучше. Если меня вдруг казнят, они в первых рядах станут, чтобы точно ничего не пропустить.

Остальные...

Плевать.

А не люди?

Эльфы? Матушка Эля только обрадуется. Скажет, что всегда знала, какая я дрянь. А Эль... он разочаруется. Но ведь рано или поздно, он все равно разочаруется. поймет, что я далеко не так совершенна, как любая из его народа. И наш брак станет в тягость.

Наши дети...

...если они будут еще.

Тьма знает, о чем говорить, и чтобы не слушать ее, приходится прикладывать немало усилий. Я справляюсь. Пока справляюсь.

Пламя со свечей переползает на пол. Оно разрастается само, создавая новый удивительной красоты узор. И я замороженно наблюдаю. Просто наблюдаю.

— Жаровня, — резкий окрик приводит в чувство.

И угли загораются, повинувшись моему слову. Я сыплю травы, и кухню затягивает удушливым дымом, в котором тени окончательно обретают плоть.

Они шепчут.

Стенают.

Плачут.

Кажется, я вижу тетушку, укоризненно качающую головой. Она знала, что некромантия до добра не доведет. Девочки не должны заниматься некромантией. Их предназначение — выйти замуж.

Замуж я вышла, тетя. И вполне удачно.

Даже счастливо.

Пока.

Тьма смеется. А я учусь дышать. Дальше... просто... вдох и слова древнего мертвого языка, которые приходится выталкивать из горла. Я тренировалась, я прочла заклятье раз десять, если не больше, зная, чем обернется любая, самая малая запинка. И получается.

Дым приседает. Он ползет, крадется по полу, и кажется, что пола больше нет, есть лишь рукотворный туман, из которого поднимается пламя.

И кто-то сзади говорит:

— Ты не так и бездарна, как мне говорили.

Почти комплимент. И тьма во мне оживает. Теперь она говорит, что Мариссы больше нет, что никого-то больше нет, я — последняя из великого рода, и если постараться...

Не хочу стараться.

И выплюнув последние слова, вспарываю руку клинком, выпуская кровь. Она, живая и красная, залог серьезности моих намерений. И тот след, который не стереть.

Она льется.

Сыплется гранатовым зерном в жадный туман. И демон выдыхает. Надо же, оказывается, и демоны умеют дышать. А туман становится плотнее. Я перехватываю запястье платком. И жду.

Чего?

Не знаю сама.

— Жертва, — шепчет на ухо отец. — Нужна жертва... или ты и вправду надеялась, что будет просто?

Не надеялась.

Я знала, что не будет.

— У меня нет жертвы, — спокойно отвечаю, спиной чувствуя внимательный взгляд. Он думает.

Решает.

Он не способен убить меня, ибо тогда заклятье будет разрушено и все придется начинать сначала. А вызов демона — это не только сложно, но медленно и довольно дорого. Тварь же не хочет ждать.

Он не станет трогать Ниара, да и не годен тот, уже почти переставший быть человеком, на роль жертвы. И выбора не остается.

Мы это знали.

И я стискиваю зубы, когда на туман ступает Эль.

— Все будет хорошо, — говорит он и улыбается так ободряюще, что тьма замолкает.

— Надо же... — тварь тоже удивлена, хотя ее удивление — слабое эхо истинных эмоций. — И на что ты надеешься?

На то, что мир все-таки не сойдет с ума.

И люди останутся людьми.

Туман хватается за ноги Эля, и маншур рычит. Глаза его вспыхивают зеленью. Он мечется, завывая, но не смея переступить огненную границу, и в конце концов, садится, чтобы отозваться протяжным, вовсе не кошачьим воем.

Мне жаль.

Мне действительно жаль. И наверное, можно было как-то иначе... мы ведь думали. Все думали, что можно как-то иначе... только ничего не придумали.

— Продолжай, — пальцы твари касаются шеи. Они холодные и ощущаются склизкими, хотя этого быть не должно. Главное, прикосновение это вызывает приступ дурноты, но я справляюсь.

Вторая часть заклятья проще первой.

Короче.

Но я все равно сражаюсь со словами. С каждым. Я знала, что произойдет, когда будет произнесено последнее.

Невидимая рука сдавила горло.

А за спиной ожила тьма. Теперь она смеялась, говорила, что я проиграю, что мы все проиграем, что... неужели мы и вправду надеемся?

Демон и тот молчит.

Запинка.

И хрупкое заклинание едва не рушится, но у меня выходит удержать его на краю. Я делаю вдох. А тварь пересекает границу. Она смотрит на Эля. А тот просто стоит. И маншул рыдает. Он нежить, он не способен плакать, в отличие от меня. Но его вой сопровождается слезы, которые текут по моим щекам.

Вдох.

И темный клинок, острие которого упирается в шею.

— Я сам, — говорит тот, кто смотрит на моего отца. — Я сам...

Он очень острый, этот клинок, сделанный из черного камня, украшенный рунами, прикормленный кровью. Он помнит много рук и множество заклятий.

Он знает, что будет.

Как знаю я.

Одно движение, всего одно движение... маншул замолкает. А огонь вспыхивает ярче. Кровь черная настолько, что кажется ненастоящей.

— Ты... — тварь понимает...

Она умная, эта тварь.

И быстрая.

Но не настолько. Последнее слово падает, замыкая обряд. И пламя взлетает до самого до потолка. Оно гудит. И в гудении его мне слышится смех, от которого подламываются колени. Я падаю, зажимая уши руками, и чувствую, как по шее ползет кровь.

Она холодная.

И мне холодно.

И маншул жметя ко мне, сотрясаясь всем телом. А на плечи ложатся теплые ладони, говоря:

— Не смотри. Не надо.

Он прав, мой муж, к которому вернулось его собственное обличье, не стоит смотреть на демонов. Но и не смотреть не выходит. Он огромен.

Ужасен настолько, насколько может быть ужасно порождение иного мира. И ткань нашего трещит, не способная выдержать этого присутствия.

Я знаю, что вспыхивает, осыпаясь пеплом, череп. А следом стремительно истлевает рука. Превращаются в прах крысы, собравшиеся в подвале.

И не только они.

Сила демона не удерживается в очерченных кругах, она выплескивается на город, пробегает по нему и возвращается, словно морской прибой, захватив при том оставленные оторванные частицы.

И то, чему не суждено было жить изначально, становится мертво.

...грызлы.

И варххи, что скрывались в подземелье. Крупный улей жужелов, почти пробившийся наружу. Пара упырей. Несчастный воколак, наконец, заткнувшийся. Нежитники. И смертоносица, что уже не первый год таилась в подвале старого трактира.

Она не пила помногу, беря по капле жизни у каждого постояльца, награждая их кошмарами и слабостью, но...

Сила добралась и до границы кладбища. Показалось, сейчас сметет, но нет, за оградой возникла сплетенная из тумана фигура, до боли знакомая фигура, и протянула демону цветок.

Губы Юси шелохнулись.

— Уходи, — сказала она, и лепестки вечно живых лилий утонули в тумане. А цветы истаяли.

— Уходи, — повторили мертвые, вставая за спиной той, что хранила покой их. И вместе их оказалось куда больше, чем виделось демону.

Он не испугался.

Нет.

Демоны не ведают страха. Но им знакомо уважение. И он, огромный, семирогий, склонился перед той, кто тоже пока еще не была богом...

...зазвенела малина, зашелестел эльфийский сиротка.

А демон обернулся.

Теперь он смотрел на нас. И я понимала, что сделка наша ничего-то для него нынешнего не значила. Он вновь был целым и...

...шелест листвы сделался громче.

И в нем утонул крик твари, которая жила... так долго жила... в бессмертии плоти есть свои недостатки, оказывается.

Я сглотнула.

И отшатнулась бы, если бы не Эль, что стоял за спиной.

— Моя, — сказал демон и протянул руку.

— Нет.

— Моя кровь, — уточнил он.

— Моя жена.

— Убью.

— Пускай, — Эль задвинул меня за спину. — Был договор. Ты получил свое. Ты получил больше, чем хотел. А теперь уходи.

Кровь догорала.

И мир готов был восстановить границу. Демон не мог не чувствовать, сколь неустойчив он стал. А потому просто протянул руку ко мне. И я поняла, что все-таки умру... жаль... я и вправду надеялась, что ему хватит.

— Уходи, — повторил Эль.

И заурчал маншул, поднимаясь с пола. Он отряхнулся, пытаясь избавиться от искр огня, что поползли по шкуре его.

— Уходи, — тихо произнесла я, добавив: — Пожалуйста...

И звон за окном стал невыносим. Одно дерево, пусть десять раз эльфийское, не может так звенеть, будто... будто не одно, а роща...

И я, заглянув в огненные очи, увидела их.

Огромные деревья с корой серебряной, будто из застывшего металла, поднимались до самых до небес, возможно, что и держали эти самые небеса на кронах своих. Они сплетались воедино, они и были единым, чем-то невыразимо далеким от понимания.

Опасным.

И демон отступил.

— Дар, — сказал он. — Кровь за кровь.

— Благодарю, — я стянула с пальца кольцо и подала. — Возьми. Здесь тоже твоя...

Металл вспыхнул на ладони, и я стиснула зубы, чтобы не закричать от боли. А демон засмеялся, и смех его, сплетаясь со звоном медной листвы, заставил нас рухнуть на колени.

А потом...

Потом все просто прекратилось.

Остался дым. Едкий и удушливый. И я закашлялась, кашляла долго, до рвоты, дрожа и не имея сил подняться. А рядом точно также кашлял Эль. И кажется, приходилось ему еще хуже, чем мне.

Он же все-таки эльф.

Утонченный.

А тут... воняет, как... крепко воняет... и когда я встала на четвереньки и поползла к двери, он встрепенулся. И пополз следом за мной. И оказалось, что дверь эта не так близка, и что снаружи пахнет зимой. Снег и тот пошел. Белый, легкий.

Крупные хлопья кружили, медленно опускаясь на темную траву, на камень, на обожженную мою руку. Я пошевелила пальцами. Надо же, а не болит... вот должна, потому как на ладони остался отпечаток то ли кольца, то ли демонического ока, но не болит же.

Я села на ступеньки.

— Замерзнешь, — проворчал Эль.

— А жить хорошо... знаешь? — я положила голову на плечо мужа. — Я ведь не думала... всерьез, что мы живы останемся...

Платья жаль... то есть, жаль Наира, но и платья тоже... вряд ли оно переживет ритуал и демоническое пламя, но без него ничего не вышло бы.

— Я ведь не плачу, да?

— Не плачешь, — подтвердил Эль, смахнув талый снег с моих щек. Именно снег. А что глаза щиплет, так от дыма. Все знают, что дым глазам не слишком полезен.

— Совсем... нечего... мы живы... Ниар все равно был обречен... и мы бы ничем не помогли, да?

— Да.

— И я оправдываюсь?

— Да.

— Я совершила ритуал, в котором... убила...

— Он сам себя убил.

Добровольная жертва.

О таком только в книгах и пишут, и хорошо, потому что... это страшно. На самом деле страшно. Быть может, потому жертва и получает право сама вершить обряд.

Да, Наир открыл врата.

Да, он впустил демона.

Да, он... он отдал демону то, что принадлежало тому по праву. И всей силы отца не хватило, чтобы вмешаться.

Я помню улыбку Наира, эльфа, который уже и живым-то был не в полной мере, но душу-то сохранил. И отдал взамен на... месть?

Покой?

Право мира жить прежней жизнью, в которой люди глупы, а эльфы бессмертны и показательно-великодушны? Где нежить больше не подчиняется человеческому слову, боги спят, мертвые покоятся с миром.

Я закрываю глаза и вижу нож в руках. И острое клинка, которое уперлось в шею, под подбородком, там, где заканчивался воротник плаття... уже не плаття, а... нового тела?

Облика?

Не знаю и знать не хочу. Закрываю глаза и просто сижу, ловлю ладонью первые снежинки... жду... наверное, рассвета.

А над головой тихо успокаивая, шелестит сиротка.

Разбирательство было.

Куда ж без разбирательства в таком-то деле, только было оно каким-то тихим, что ли? Что полномочный представитель Пресветлого народа, что имперская коллегия в количестве трех весьма солидного вида господ, что прочие, причастные и не слишком лица, старательно делали вид, будто

ничего-то особенного не произошло.

Демон?

Был.

С демонами такое случается. До крайности беспокойные твари.

Вызвали в мир? В завершение древнего обряда?

Тоже случается. Это лишь кажется, будто времена Смуты канули в прошлое. Порой вот всплывает такое и этакое, и разтакое тоже.

Глава гильдии?

И лучшие оступаются... и вовсе, верно, он не в себе был, коль с демоном связался. А может, даже наоборот совсем, связался и стал не в себе. Демоны коварны, это всякий знает.

Лаборатория тайная?

Эксперименты?

Если и были, то доказать не выйдет. Следовало признать, батюшка мой — надеюсь, душе его бессмертной уютно в том, ином мире, где демоны обретаются — оказался донельзя благоразумной нечистью, и лабораторию уничтожил, а записи сжег. Последнее обстоятельство, как мне показалось, несколько опечалило и коллегию, и эльфов, на коллегию поглядывавших искоса с немалым подозрением.

Мы же...

Мы тоже были. И к сожалению, в отличие от демона, живыми, здоровыми и вдруг обретшими известность, в силу которого предъявлять нам обвинение коллегия посчитала политически нецелесообразным.

— Вам повезло, детонька, — сказал старый, как мир, некромант, в глазах которого я видела ту самую тьму, с которой не стоит беседовать лишней раз. — Во всем повезло. И выжить... и здесь...

У него были сухие руки. Тонкие, обтянутые пергаментной кожей, и я не могла отвести взгляда от этих рук, от шевелившихся пальцев, от желтоватых ногтей с синеватыми полосками, от костей, что, казалось, того и гляди кожу прорвут.

— Но не думай, что все забудется, — руки шевелились, а вот лицо его оставалось неподвижно. И тьма на меня смотрела с какой-то... жалостью, что ли? — Ушастые не любят, когда что-то ломает их планы.

— А... люди?

— И люди не любят. Но у людей всяко память короче.

Он мог и улыбаться, вот только от улыбки этой кидало в дрожь.

— Значит... вы...

— О том, что эльфы не больно-то людей жалуют? Кто ж этого не знает. И настроения их... и прочее, — он вяло махнул рукой, будто отгоняя сонную зимнюю муху. — Но тех, кто и вправду ненавидит, на самом деле мало. А тех, кто готов ради этой ненависти что-то сделать, и того меньше... и за ними приглядывают. Война в этом мире никому не нужна. Так что... считайте, что вам повезло.

Тьма улеглась, уступая место обыкновенному человеку.

Старому.

Верно, настолько старому, что он, быть может, помнил, если не Смуту, то всяко времена после нее, нелегкие.

— И что нам делать? — спросила я.

У тьмы не рискнула бы. А вот человек — дело другое.

— Жить, — просто ответил он. — Просто жить... дом вот построй. Может, тут, может, в другом каком месте. Не так уж оно и важно... наследство прими. Наследства хватит.

— Не нужно оно мне.

— А это зря, — некромант покачал головой. — Такое наследство в чужие руки отдавать не след. Мало ли чего...

— Вы же... — я замялась, не зная, как выразиться помягче. В отцовском особняке остались, верно, лишь стены да колонны.

— Мы убрались, — он понял мое смущение и оно его развеселило. — Но все одно... порой да недоглядишь. Так что, наследство прими.

И это уже не было просьбой.

Вот и достался мне, что особняк с весьма сомнительной репутацией, и пустые счета, ибо мир покорять — занятие не из дешевых. Что до дома, то... стоило переступить порог, и я поняла, что жить там не смогу. И ни один нормальный человек не сможет.

Нечеловек тоже.

— Может, снесем? — робко предложила я, и Эль пожал плечами.

Осмотрелся.

И сказал:

— У меня есть идея получше...

...пресветлая леди Эрраниэль любила цветы.

Действительно любила.

Всякие.

И осторожно положила хрупкий стебелек кровяницы на камень. Убрала руку. Вздохнула. Улыбнулась, глядя, как зашевелились полупрозрачные хрупкие стебельки. Пусть кровь и отмыли, и мрамор пола казался чистым, но травы не обманешь.

И вот корни ушли вглубь, стебелек потянулся выше, к ступеням, выкинул тонкие усики, на которых моментально образовались капли бутонов. К вечеру кровяница обживется, обустроится на месте, где умер человек, высавывая столь необходимую ей силу. А дня через два в переплетениях темных стеблей загорятся алые капли бутонов.

И вовсе не похоже на кровь.

Она поднялась с колен.

Огляделась.

Дом был велик и, говоря по правде, в качестве оранжереи не слишком-то удобен, но... отчего бы и нет? Он умел видеть скрытое, и ее учил, бестолковый ее мальчик, который так и не понял, что не стоит тратить жизнь на месть.

Вообще тратить.

Или понял?

На прикосновение отозвались тяжелые стебли лианы, которую леди Эрраниэль принесла еще вчера, и та, с трудом выносившая благодатный климат обычной оранжереи, здесь ожила, вытянулась, добралась до потолка, с которого уже свесила хрупкие побеги.

Расползся чернолистник, а поверх драгоценной зеленью легла яшмовая трава.

В тяжелых кадках пока дремали деревца, весьма уродливого вида, но тем и притягательные. Леди Эрраниэль с трудом сдержала вздох.

— Если тебе здесь тяжело, — ее внук осторожно переступил через пятнышко пурпурного мха, которому весьма понравилось у подножия лестницы. — То не нужно.

— Мне тяжело, — она сумела улыбнуться. — Но нужно. Потому что так правильно.

Она коснулась груди, где еще болело, а боль напоминала, что, несмотря на прошедшие годы, леди

Эрраниэль жива.

Все еще жива.

И будет жить.

— А вы... решили?

— Матушка желает, чтобы мы остановились в ее доме, — он погладил хрупкие стебельки драконьей травы, которой, как выяснилось, требовалось не так уж много солнца. — Она готова устроить бал. А потом вечер. И...

Ухо дернулось.

— Но твоя супруга не слишком рада?

— Б-боюсь, они н-не п-поладят.

— Определенно, не поладят. Но дом неплох... и не бросать же его.

— Бросать?

Зашелестела листвою осиная травка, будто и вправду ос прятала.

— Полагаю, весьма скоро она все-таки решится обрадовать твоего отца. А он не станет рисковать жизнью супруги и будущего ребенка, оставляя их в таком ненадежном месте, как человеческий город.

Леди Эрраниэль все-таки улыбнулась по-настоящему.

Мужчины забавны.

Особенно такие, излишне серьезные, как ее внук.

— То есть... а как ты... и... думаешь, папа не знает?

— Думаю, он столь же невнимателен, как и ты. А твоя матушка пока до конца не осознала, что Боги ей дали вторую попытку.

Нахмурился.

— Воспитать правильного сына, — смиловилась леди Эрраниэль. — Или идеальную дочь. Это уж как повезет.

И вздохнув, уточнила.

— Или не повезет.

Она отступила, позволив травам обжиться на новом месте. Пройдут годы, пока дом очистится, но пока... миру нужны всякие растения. Так почему же пресветлой леди не открыть Темную оранжерею? Благо, будет кому помочь с поиском особо редких экземпляров.

И на пороге она не выдержала, обернулась на картину, единственную, которой нашлось место в огромном темном этом доме. Обернулась и замерла, глядя на себя, такую... неправильную.

О нет, портрет был точен.

Вот только... свет и тьма будто разделили его пополам. И свет не был жизнью, как не была смертью тьма. Просто... просто казалось, что еще немного и та, другая женщина, отражение леди Эрраниэль, просто сойдет с картины, чтобы, коснувшись пола, обернуться и протянуть руку тому, кто стоит за ее плечом.

Прячась?

Охраняя.

— Бестолковый мальчишка... — она закрыла глаза, ибо пресветлые эльфийки не плачут на людях, и толкнула дверь, чтобы вдохнуть морозный дымный воздух.

В человеческом городе жило множество запахов, и это раздражало.

Предвечный лес не изменился.

Надо же... я не то, чтобы надеялась, я вовсе не собиралась оказываться здесь вновь. И говоря по правде, не до конца понимала, как все-таки получилось.

Я укрывала малину.

Пусть дом и опечатали, как место, зараженное прикосновением к миру иному, но малину разрешили забрать. Только куда ее заберешь-то, на зиму глядя? В трактир, где меня предоставили комнату? Или в оранжерею эльфячьей матери, вдруг решившей, что не такой уж я и плохой вариант для драгоценного ее сыночка? Свой дом мы искали, честно, но как-то вот... не получалось, что ли?

То ли искали плохо.

То ли... не знаю.

Я пришла проведать малину и сиротку, который в спячку впадать не думал, а потому маялся от одиночества. Вот я его и погладила.

Утешая.

Утешила.

Деревья поднимались ввысь, сплетаясь ветвями в знакомом узоре. И в прорехах его виднелось сизое какое-то мрачное небо. Вяло звенела листва.

И лес плакал.

Слезы его падали медленно, чтобы уйти в траву блестящими каплями. Я подняла одну и не удивилась размеру ее и величине.

Капля была твердой.

Каменной?

На алмаз похожа... я вернула ее на место. Это не мое, а значит... лес засмеялся. И расступился. Не понимаю, как такое возможно, ведь ни одно дерево не шелохнулось, но он взял и расступился. А я, не сделав и шага, оказалась на поляне.

Идеально круглой поляне, из центра которой поднимались два дерева. Одно, тонкое, невероятно хрупкое, изогнулось, будто стремясь упасть на такие мягкие с виду мхи. Вывернутые его ветви протянулись в поисках опоры, и обрели ее, ибо ствол второго дерева знакомо отливало серебром.

Пока едва-едва.

И был не так уж велик, чуть толще сироткиного, но...

— Значит... вот так? — спросила я и рискнула все же сделать шаг.

Нога провалилась по колено. Надеюсь, это не очередная глупость, а... не знаю. Точно, глупость. Но я должна ее сделать. И я сделала.

Три шага.

И теплая кора, под которой слышится грохот живого сердца, пока еще собственного, свободного, но скоро голос его вплетется в общую песню леса. Но...

— Здравствуй, — сказала я, не зная, что еще сказать. — Значит, теперь ты здесь...

То, второе дерево, оцетинившееся колючками, зашевелило ветвями. Пыталось меня отогнать? Мелкие листики его дрожали. И оно потянулось было, но замерло, остановленное первым. Я слышала и гнев, и обиду... чужие?

— Это не я, — тихо произнесла я. — Моя мать... это она вытащила тебя. А потом сама попалась. Женщины глупеют, когда влюбляются. Мужчины, кажется, тоже...

Их голоса зазвенели.

Споря?

Соглашаясь. Утешая. Уговаривая. Обвиняя и оправдываясь. Успокаивая друг друга. И лес замолчал, не мешая. Пройдут годы. Много лет.

Сотни?

Тысячи?

И мэллорнов станет на два больше. Если, конечно, эта девочка, так и не увидевшая жизни, сумеет отказаться от ненависти, если примет того, кого все еще ненавидит, но чуть слабее, чем любит.

Или не станет.

Быть может она захочет прожить еще одну жизнь. Или не одну... или... не она? У всех будет шанс. А лес... лес стоял, стоит и будет стоять до скончания мира.

Или миров.

Он ведь огромен, этот лес, и одному миру было бы сложно выдержать вес его. А раз так, то...

— Ей понравилась твоя картина, — сказала я то, что он хотел услышать. Во всяком случае, мне так показалось, что хотел бы. — Она, конечно, ничего не сказала, но я видела, что понравилась. Иначе и быть не могло. Мне жаль...

Тяжелый золотой лист упал на ладонь.

Три года спустя.

...я мрачно смотрела, как разгружают мебель.

Невыносимо изящные стулья, обитые какой-то розовой тканью, которая не совсем, чтобы раздражающе розовая, но все равно розовая. А меня от розового мутило.

Впрочем, как от голубого, белого и зеленого... кажется, мутило меня просто так, в силу положения, но цвет раздражал.

И не только он.

За стульями последовала низкая и длинная софа, та самая, на которой мне настоятельно рекомендовалось больше отдыхать. К ней выводок подушек, встреченный одобрителем мявком маншула. Комод... комодик. Трюмо и два столика, один другого очаровательней.

Зеркало в тяжелой раме.

Из него на меня глянула хмурая девица в черном платье. Глянула с неодобрением.

— Моя невестка всегда отличалась поразительной бестактностью, — заметила леди Эрраниэль, протянув мне чашку травяного чая.

От чая, что характерно, меня не мутило.

И запах приятный.

Правда, Эль утверждал обратное, но что эти мужчины в запахах понимают! И чай ему не нравится, и от селедки его кривит, и вообще...

— Она так уверена, что будет девочка?

— Нет, — леди Эрраниэль протянула и сухарик, выжаренный до хруста и щедро натертый чесноком. В животе тотчас заурчала, а розовый перестал раздражать. — Она просто нашла подходящий повод сделать ремонт.

— Она же его по приезду делала.

— Три года прошло...

Понятно.

Три года... это много или мало? Для счастливой жизни — мало, ничтожно. Я, может, даже привыкнуть не успела. Стою вот, смотрю, как огромный мой дом наполняется новой мебелью, раздумывая, не отправить ли обратный дар.

А что, сестрица упомянула, будто ее избранник мебельную мастерскую открывает. Собирается выпускать продукцию истинно гномьего качества. И дизайна. Крепко. Надежно. Навека.

Может, порадовать мамочку?

Я отхлебнула чайку...

...и жизнь почти наладилась. Точно, порадую. И сестрице помогу, а то идиот этот решил, что пока не соберет на достойный выкуп, жениться не станет. Это он, конечно, зря... а родственникам помогать надо.

— Что бы ты ни задумала, — леди Эрраниэль оказалась на диво приятна, а главное, проницательна. — Я хочу поучаствовать.

Тогда комплект для гостиной... для трех. Эль, кажется, говорил, что родительский дом попросторней нынешнего. И для столовой. Для гостей...

Розовый окончательно перестал раздражать.

Да и мало ли, вдруг и вправду девочка?

И надо будет мужу сказать... или не стоит пока? А то он какой-то не такой в последнее время. Или догадывается? После селедки-то... а селедка была хорошей, с лучком. И вот если ее чесночным сухариком, а потом клубникой... или лучше молока?

В животе заурчало.

Девочка, мальчик... не важно, на молоко с селедкой оно было согласно. И хорошо. И ладно... а леди мы подарок отправим. Да и сестричке Эля надо бы... мне тут вчера как раз тело маншула привезли, редкой белой окраски... говорили, на диво свиреп.

Вот и попробуем.

Я допила чай и икнула, должно быть, от радости. Идея вдруг показалась донельзя привлекательной. В конце концов, кто не любит котиков?